

сколько офицеровъ, полковой священникъ и палачъ.

Одинъ изъ осужденныхъ дрожащею рукою схватилъ поданную ему кость и бросилъ. Вышло два раза по шести очковъ. Онъ въ отчаяннй заломилъ руки, считая себя погибшимъ: но кто опишетъ его радость, когда товарищъ его, а теперь противникъ, выкинулъ также двѣ шестерки. Начальствовавшіе офицеры, не менѣе его удивленные, молча переглянулись, не зная, что дѣлать. Но смыслъ приказа былъ слишкомъ ясенъ, и они велѣли кинуть кость еще разъ. Можно себѣ представить всеобщее изумленіе, когда у обоихъ вышло по двѣ пятерки. Стоявшій неподалеку конвой разразился громкими криками: всѣ въ одинъ голосъ повторили, что нужно даровать жизнь обоимъ. Случай былъ чрезвычайно страненъ, офицеры находили здѣсь что-то необъяснимое; было рѣшено отложить казнь до полученія болѣе подробныхъ инструкцій военнаго совѣта. Однако рѣшеніе этого послѣдняго было неутѣшительно: офицеры получили приказаніе дать осужденнымъ другія кости съ тѣмъ, чтобы они продолжали пытаться счастье. Игра возобновилась. Вниманіе зрителей было напряжено до нельзя. Осужденные бросили кости, — у обоихъ вышло по двѣ четверки. «Удивительно!» вскричали офицеры. «Видно, самъ Богъ вмѣшался въ игру», повторяли присутствовавшіе. О приговорѣ судьбы поспѣшили донести все еще собранному военному совѣту. На этотъ разъ совѣтъ отдалъ приказаніе отложить казнь, чтобы донести о необычайномъ случаѣ главнокомандующему. Принцъ Водемонъ, выслушавъ донесеніе, приказалъ

привести къ себѣ обоихъ солдатъ и, внимательно разспросивъ ихъ обо всѣхъ подробностяхъ случившагоса, простилъ ихъ. «Въ исключительныхъ случаяхъ», сказалъ онъ, «я охотно внимаю голосу Провидѣнія».

Рыбьи бои въ Сіамѣ. «Рыба-боецъ» встрѣчается въ прѣсныхъ водахъ на юго-востоку Азіи, преимущественно, въ Сіамѣ. Эта небольшая рыбка отличается въ высшей степени задорнымъ нравомъ; туземцы употребляютъ ее для боевъ, какъ малайцы пѣтуха. Съ этой пѣлюй двухъ рыбъ помѣшаютъ рядомъ въ два стеклянные сосуда и дразнятъ ихъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не придутъ въ ярость и не начнутъ кидаться къ стѣнкамъ сосудовъ. Тогда рыбъ сводятъ вмѣстѣ и наблюдаютъ ихъ битву съ тѣмъ же напряженіемъ, съ какимъ европейцы ждутъ результата конскихъ скачекъ. По словамъ одного путешественника, рыба-боецъ въ спокойномъ состояніи, съ прилегающими къ тѣлу плавниками, не представляетъ ничего особеннаго; но, какъ скоро она видитъ другую рыбу или свое собственное отраженіе въ зеркалѣ, плавники ея топорщатся, и все тѣло блеститъ прекраснымъ металлическимъ блескомъ, а поднявшіяся жабры окружаютъ шею въ видѣ чернаго сборчатата воротника. Въ состояніи гнѣва маленькій драчунъ поминутно бросается на своего дѣйствительнаго или воображаемаго противника и успокоивается, когда перестаетъ его видѣть. Рыбій бой—любимая забава сіамцевъ; она неразлучна съ азартомъ, при чемъ нерѣдко проигрываются состоянія. Разрѣшеніе на устройство рыбьихъ боевъ дается на откупъ и приноситъ правительству значительный доходъ.

№ 4. Выдано 16 апрѣля 1894 г. Выходятъ въ серединѣ каждаго мѣсяца при журналѣ „НИВА“.

СОДЕРЖАНІЕ.

Table with 2 columns: Article Title and Page Number. Includes 'Картинки морской жизни', 'Средне-африканская степь', 'Императрица Теодора', etc.

Картинки морской жизни. (Изъ воспоминаній бывшего моряка). К. М. Станюковича.

Ночь въ тропикахъ.

I.

Среди шопота тропической ночи, полнаго какой-то таинственной прелести, почти безшумно плыветъ, словно птица съ гигантскими крыльями, трехмачтовый паровой военный корветъ «Соколъ» подъ всѣми парусами, имѣя бомъ-брамсели*) на верхушкахъ своихъ, немного подавшихся назадъ, мачтъ.

Небольшой, изящныхъ линій, красавецъ-корветъ, на которомъ находятъ

ся сто семьдесятъ матросовъ, четырнадцать офицеровъ, докторъ и іеромонахъ съ Колевскаго монастыря, идетъ съ благодатнымъ, вѣковѣчнымъ пассатомъ, направляясь на югъ, узловъ по семи, восьми въ часъ, легко и свободно, съ тихимъ гуломъ, разсѣкая воду, разсыпаящуюся у носа алмазной пѣлюй, и равномерно слегка покачиваясь на исполнической груди старика-океана. Необыкновенно спокойный и ласковый, онъ лѣниво, съ нѣжнымъ ропотомъ, катитъ свои бездонныя, могучія волны, но не бьетъ

*) Самые верхніе паруса.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ Кн. М. Н. Волконскій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ ВЪ „ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЯХЪ“

„Литературныя приложения“ выходятъ ежемѣсячно при журналѣ „Нива“ и расходятся въ томъ же количествѣ экземпляровъ, какъ и самый журналъ. Объявленія помѣщаются послѣ текста и на обложкѣ, по слѣдующей цѣнѣ за одинъ разъ:

Table with 2 columns: Post-text rates and Cover rates. Includes 'Цѣлая страница . . . 150 р.', 'Цѣлая страница . . . 200 р.', etc.

Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива“, СПб., Невскій, д. № 6.

ими сердито бока чуть-чуть накренившегося «Сокола», а, напротив, кротко обнимает их и словно ласково шепчет морякамъ, что въ этихъ широтахъ онъ не коваренъ и его нечего бояться. Широкая серебристая лента, сверкая фосфорическимъ блескомъ, стелется за кормой, выдвѣлая среди чернѣющаго океана, и исчезаетъ вдали потерянными слѣдомъ.

А что за дивная тропическая ночь на этомъ океанскомъ просторѣ, съ мѣрадами звѣздъ и звѣздочекъ, то ярко и весело, то задумчиво и томно мигающихъ съ высоты темнаго, словно бархатнаго, купола!

Послѣ дневнаго зноя, мало умѣряемаго пассатнымъ вѣтромъ, съ ослѣпительно-жгучимъ солнцемъ, висящимъ въ безоблачной бирюзовой выси раскаленно-золотистымъ ядромъ, необыкновенно легко и привольно дышится въ эти ласковыя, волшебныя тропическія ночи, быстро, почти безъ сумерекъ, наступающія вслѣдъ за закатомъ солнца, и вѣющія нѣжной прохладой. Полной грудью жадно глоташь освѣжающій, насыщенный озонъ, морской воздухъ и всѣмъ существомъ ощущаешь прелесть этой ночи, испытывая какую-то приподнятость настроенія и безотчетный восторгъ.

Глядя на этотъ таинственно-дремлющій океанъ, на это, сверкающее брильянтами, небо, прислушиваясь къ тихому рокоту волнъ, точно освобождаешься отъ обыденной пошлости. Думы становятся возвышеннѣй и смѣлѣй, и грѣзы, неопредѣленныя и безпредѣльныя, какъ океанская даль, уносятся куда-то далеко, далеко...

До полуночи оставалась слякка (полчаса).

Въ этотъ часъ почти всѣ спятъ на нашемъ плывущемъ островѣ, оторванномъ отъ родины, далеко отъ близкихъ, отъ милыхъ, и спать наверху, на палубѣ, такъ какъ внизу душно и жарко.

Не спать только вахтенный офицеръ, молодой мичманъ Лучицкій, шагающій, весь въ бѣломъ, взадъ и впередъ по мостику и отрывающійся отъ мечтательныхъ думъ и воспоминаній, чтобъ зерко оглядѣть горизонтъ и время отъ времени крикнуть вполголоса часовымъ на бакъ: «Впередъ смотреть!»

Не спать, конечно, и вахтенное отдѣленіе матросовъ.

Примостившись поудобнѣ небольшими кучками у мачтъ или у пушекъ, они тихо, совсемъ тихо, словно бы боясь нарушить тишину волшебной ночи, «лясиначаютъ» между собой про «свои мѣста», которыя такъ далеко отсюда, про Кронштадтъ, про прежнія плаванія, про добрыхъ и злыхъ командировъ и про корветскаго боцмана, котораго надо бы проучить на берегу, такъ какъ онъ «дерется безъ всякаго разсудка». Нѣкоторые, охваченные теплымъ дыханіемъ ночи, полудреютъ сторожкой матросской дрѣмой, готовые очнуться при звукѣ команднаго голоса... А то кто-нибудь изъ мастеровъ-сказочниковъ рассказываетъ тихимъ и пѣвучимъ ритмомъ сказочной рѣчи сказку про Ивана Царевича или Бову Королевича, и нѣсколько чловѣкъ внимательно слушаютъ.

Такъ коротается ночная вахта.

Въ тропикахъ не грѣхъ и полясничать, и вздремнуть матросу. Ни боцманъ, ни вахтенный унтеръ-офицеръ за это не разразится потокомъ той артистической ругани, къ которой моряки вообще чувствуютъ слабость и безъ которой не могутъ обойтись. Вахты, слава Богу, спокойныя, и, слѣдовательно, можно и вздохнуть послѣ труднаго плаванія въ Нѣмецкомъ морѣ и штормовыхъ дней въ Атлантическомъ океанѣ, на параллели Бискайскаго залива, гдѣ бѣдный «Соколы» выдержалъ-таки изрядную трепку подъ штормовыми парусами и долженъ былъ

послѣ нея зайти въ Лиссабонъ, чтобъ исправить кое-какія поврежденія.

Здѣсь, въ тропикахъ, матросамъ легко и привольно. Имъ не приходится, стоя на вахтѣ, кутаться въ свои просмоленные парусинныя дождевыя пальтишки, стараясь закрыться отъ брызгъ разсвирѣвшихъ сѣдыхъ волнъ, съ бѣшенствомъ нападающихъ на маленькій корветъ и, подчасъ, перекатывающихся черезъ палубу у бака,—не приходится быть постоянно «на чеку» у своихъ снастей, въ напряженномъ ожиданіи то поворота, то брасовки *) рей, вслѣдствіе зашедшаго или отъшедшаго вѣтра, то отдачи марса-фаловъ.

Ихъ, этихъ труженниковъ моря, часто попавшихъ прямо отъ сохи на океанъ, не посылаютъ здѣсь крѣпить брамсеели или брать рифы у марселей, работая на стремительно качающихся реяхъ надъ океанской бездной, подъ ревь засвѣтшаго вѣтра и при громадномъ волненіи, бросающемъ корветъ, словно щепку, съ бока на бокъ, и вверхъ и внизъ. Не приходится, купаясь ногами въ водѣ, крѣпить кливера на бугшпритѣ **), зарывающемся въ воду.

Подвахтенные, спящіе рядами на палубѣ, могутъ здѣсь спать спокойно, подъ открытымъ небомъ. Ихъ не разбудитъ грозный окрикъ боцмана: «Попшелъ всѣ наверхъ!» Нѣтъ. Все это осталось позади, и всего этого еще будетъ довольно впередъ, а пока этотъ легкій и нѣжный, вѣчно дующій въ одномъ и томъ же направленіи, пассатъ, этотъ ласковый океанъ, голубое небо съ постояннымъ солнцемъ и чудныя тропическія ночи дѣлаютъ плаваніе въ тропикахъ восхитительнымъ.

— Эка благодать Господня! шепчетъ кто-то въ одной кучкѣ, пріютившейся на шканцахъ.

— Въ такихъ-то мѣстахъ и плыть, братцы, не страшно, замѣчаетъ первогодокъ, молодой низенькій матросикъ изъ Вятской губерніи.

— А только такихъ-то мѣстовъ мало на Божьемъ свѣтѣ...

— Мало? спрашиваетъ первогодокъ.

— И вовсе мало... Вотъ спустимся къ низу, тогда другое дѣло пойдетъ...

— Гляди, ребята: звѣздочка упала. Вонъ опять падаетъ...

Матросы подняли головы. Кто-то спросилъ:

— И куда онѣ тепериче упали?

— Въ окіянь, надо быть.

— Никуда не упали. Разсыплются по пути, сторятъ, и шабашъ! Въ родѣ быдто ракеты! авторитетно пояснилъ марсовый Прохоровъ.

— Ишь ты... Еще падаютъ...

Матросы задумчиво примолкли и глядѣли на падающія звѣзды.

II.

За эти три съ половиною часа покойной вахты, мичманъ Лучицкій успѣлъ вволю намечтаться и надуматься. Дѣла ему было не много. Только внимательно наблюдай: не нависло-ли въ далекомъ сумракѣ горизонта зловѣщее черное облако, грозящее приближеніемъ бурнаго, быстро пропосищагося, шквала съ проливнымъ тропическимъ дождемъ,—чтобъ во-время встрѣтить шквалъ, убравши минутъ на пять паруса,—да поглядывай въ бинокль: не блеснетъ-ли по близости зеленый или красный огонекъ судна?

Но ни онъ, ни сигнальщикъ, стоящій на мостику съ подзорной трубой, не видятъ ни зловѣщихъ тучъ, ни судовыхъ огней. Смотрящіе впередъ съ бака двое часовыхъ тоже не видятъ ничего, что заставило бы ихъ крикнуть.

И вахтенный мичманъ, вдоволь уже насладившись красотой ночи, шагаетъ

*) Брасовать рей значитъ—вожерачивать ихъ.

**) Бугшпритъ—дерево, выдвинутое на носу корабля.

по мостику или, уставший от ходьбы, прислонится к поручням и думает и мечтает, как только может мечтать здоровый, жизнерадостный, полный добрых намерений, молодой человек двадцати двух лет, для которого жизнь—еще книга с обильными листами, несомненно прелестными. О чем только ни передумал он в эту вахту от восьми часов! Он думал о том, как хорошо и весело на свете, как обаятельна эта ночь, и как жаль, что красавица Леночка в Петербурге и не может любоваться такою прелестною ночью вместе с ним... Что-то она теперь думает, милая? Думал он, что как ни хорошо теперь, а впереди станет еще лучше, светлее и радостнее, когда он как-нибудь отличится и, молодым капитаном-лейтенантом, будет командовать таким же щегольским корветом, как «Сокол», и будет таким же добрым и гуманным, как и капитан «Сокола», этот благородный человек, никогда не ударивший матроса и запретивший у себя на корвете телесные наказания, несмотря на то, что они еще не отменены... Превосходный этот Василий Федорович... С таким капитаном отлично плавать...

«Отлично... Превосходный человек... Отлично!» мысленно повторял мичман, готовый сейчас же чем-нибудь доказать свою преданность капитану, которого, действительно, любили матросы и молодые офицеры, сочувствовавшие его гуманным идеям.

«Может-ли он, однако, быть таким чудесным, как Василий Федорович?»

И мичман анализировал себя: свой характер, свои недостатки и слабости. Ах, как много в нем дурного, мелкого, эгоистичного! Он непременно должен переработать себя,

читать больше, сделаться добрее, умнее и снисходительнее в своих суждениях о других людях. С завтрашнего же дня он будет вести дневник и добросовестно записывать в нем все свои помыслы и дела... Это приучит к самовоспитанию.

Но все эти думы и мечты внезапно исчезают, и мысли молодого человека на некоторое время останавливаются исключительно на смуглом молодом женском личике с парой карих глаз, на которых еще блестят слезы,—с нежными щеками и кругленьким подбородком с ямочкой. «Ах, эта славная Леночка!» И образ ее, под обаянием нежной ночи и звездного неба, кажется ему еще милее и привлекательнее здесь, на океане, вдаль от Петербурга.

Он вспоминает, и с большей экспансивностью, свое последнее свидание перед разлукой, восемь месяцев тому назад, с этой хорошенькой Леночкой, его троюродной сестрой, с которой они что-то около года вели горячие и необыкновенно отвлеченные споры, читали умные книжки и прикидывались «добрыми друзьями», хотя тайно были влюблены друг в друга, стыдись, однако, в этом признаться. До самого дня разлуки оба они храбрились, но когда, накануне ухода корвета в море, Вася Лучицкий пришел проститься и застал Леночку в гостиной одну (отец, адмирал, после обеда, почивал, а адмиралша куда-то ушла),—оба молодые люди вдруг пресмирfully и затихли, словно обиженные дети...

Он припомнил—и не первый это раз—как Леночка была грустна, как начала, было, рассказывать о прочитанном том Шлоссера, но внезапно смолкла, губы сложились в гримаску, и слезы потекли из ее глаз. А дальше?.. Дальше, этот первый поцелуй, долгий и нежный, которым

они обменялись, поглядывая, однако, на двери, после неожиданно слетевших с губ взаимных признаний, эти слезы счастья на просветлевшем, зардевшемся лице девушки, обоюдные клятвы не разлюбить друг друга, эту маленькую, тоненькую ручку, с бирюзой на мизинце, которую он осыпал поцелуями и оросил слезами...

«И зачем пришла тогда эта женщина!» досаду даже задним числом, припомнил молодой человек, имевший дерзость так называть адмиральшу, мать Леночки и свою двоюродную тетку, вероятно, потому, что после появления «этой женщины» в гостиной, вспомнить что-либо особенно приятное было трудно. Напротив, скорее осталось одно неприятное воспоминание, в виду того, что адмиралша, видимо, недовольная, что застала молодых людей одних и несколько смущенных, не оставляла Леночки в течение вечера, далеко не по родственному была суха с племянником и, в самый трогательный момент прощания, довольно ядовито попросила его привезти портреты красавиц во всех портах, где Васенька влюбится, при чем выразила, не без презрительной улыбки, надежду, что коллекция будет обширная.

Вспоминая о Леночке, молодой мичман довольно самонадеянно решил в эту минуту, что его любовь к Леночке, несмотря на карканья адмиралши, выдержать всякия испытания, и что, возвратившись через три года из плавания, и, конечно, лейтенантом, он тотчас же полетит к ней, в Моховую, 15, и непременно женится на Леночке, хотя бы «эта женщина» была и против. Адмирал?.. Но кто же не знает в дом, не исключая даже востового Егорки, что адмирал был эхом адмиралши... Что-ж! Они повздорят и без согласия родителей. Чорт с ним, с

приданым. Опь и самь приковы въ плаваніи тыщенку, что-ли, на свое обзаведеніе. Леночка, вѣдь, не пшится за обстановкой.—не даромъ о вмѣстѣ читали хорошія книжки...

Такъ мечтала Лучицкій, не претвидя, разумѣется, что скоро, очень даже скоро, онъ забудетъ эти «вешніе грѣзы» любви, прелестный образъ Леночки затмится не менѣе, если не больше, прелестными образами другихъ избранницъ и затѣмъ останется однимъ лишь благодарнымъ воспоминаніемъ—и то, подъ старость—о первой чистой и непорочной любви. Не подозаривъ онъ, что и Леночкины клятвы окажутся такими же легкомысленными какъ и его, и что послѣ двухъ ея посланий, смоченныхъ слезами и нефранированныхъ, онъ мѣсяца черезъ четыре получитъ въ Санъ-Франциско заказное, вполне оплаченное письмо отъ самой адмиралши, въ которомъ «эта женщина» сообщитъ, что Леночка вышла замужъ за капитана 1-го ранга Кобылкина и очень счастлива, чего отъ души вмѣстѣ съ теткой и дядей желаетъ и Васѣ.

Да и вообще, мечтая въ эту восхитительную тропическую ночь въ ноябрѣ 1865 года, подъ 10° сѣверной широты и подъ 20° западной долготы могъ-ли молодой мичманъ хоть на минуту усомниться, что не сбудутся его мечты, и смѣлъ-ли онъ предполагать, что жизнь жестоко впоследствии обманетъ его даже самыя скромныя надежды!

Устроивъ свою личную жизнь счастливымъ бракомъ съ Леночкой, мичманъ вспомнилъ, что пора отдаться дѣйствительности, и потому добросовѣстно оглядѣлъ въ бинокль горизонтъ справа и слева, и впереди и сзади, посмотрѣлъ на компасъ: на румбѣ-ли править рулевые и, больше для очистки совѣсти, чемъ по необходимости, крикнуть не громко своимъ красивымъ

баритономъ, который не одна Леночка называла «бархатнымъ», когда Лучицкій пѣлъ романсы:

— На бакѣ! Впередь смотреть!

— Есть! Смотрите! тотчасъ же отъѣчали два голоса съ бака.

Лучицкій усталъ и отъ ходьбы, и отъ мечтаній—нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, мечтать безъ конца, хотя бы и объ избранницѣ сердца, и въ чудную тропическую ночь, и даже мичману. Къ концу вахты мечтательное настроеніе прошло, смѣнившись сильнымъ влеченіемъ къ койкѣ. Растянувшись бы, да и заснуть! А эта послѣдняя склянка передъ смѣной, казалось, тянется дьявольски долго (всѣмъ, стоящимъ на ночныхъ вахтахъ, обязательно такъ кажется).

Молодой мичманъ потянулся, сладко зѣвнулъ, вспомнилъ, что на вахтѣ офицеру заснуть—преступленіе и, чтобы прогнать сонъ, сталъ снова думать о Леночкѣ: старался представить себѣ ея граціозную, стройную фигурку, ея необыкновенно привлекательную улыбку, открывающую рядъ маленькихъ, ровныхъ, жемчужныхъ зубовъ, старался вспомнить ея голосъ, ея рѣчь, но, странное дѣло—всѣ эти мысли какъ-то путались въ его головѣ, обрывались, мѣшались съ другими, и образъ прелестной Леночки совершенно неожиданно явился съ рыжими усами и рыжими бакенбардами въ видѣ котлетъ, поразительно напоминавшій далеко не прелестное лицо начальника 1 вахты, лейтенанта Максима Петровича Невзорова, который долженъ былъ вступить на вахту съ полуночи до четырехъ часовъ утра, смѣнивъ Лучицкаго. Паруса вдругъ куда-то исчезли изъ глазъ и вмѣсто океана онъ увидѣлъ какую-то освѣщенную залу, гдѣ полъ не качается подъ ногами, и всѣ ходятъ, не разставляя ногъ колесомъ... И тутъ же Максимъ Петровичъ и съ нимъ какая-то дама,

и... Мичманъ очнулся, задремавши, стоя, минуту, другую... Фу, чортъ возьми! Хорошо, что никто не видалъ, что онъ, считавшійся исправнымъ офицеромъ, вдругъ задремалъ на вахтѣ.

А эта тихая, нѣжная ночь такъ и вѣетъ сномъ, и не хочется разстаться съ поручнями, на которыхъ такъ приятно облокотиться и, нагнувъ на глаза фуражку, подремать еще минуточку, одну минуточку. Ахъ, какъ хочется спать въ эти послѣдніе четверть часа передъ смѣной. Чего бы только ни отдалъ мичманъ за возможность немедленно раздѣться и юркнуть въ койку!.. Покопайся онъ въ своей совѣсти, то, пожалуй, готовъ былъ бы въ эту критическую минуту отказаться и отъ Леночки, представъ ему на выборъ: бодрствовать, или спать?

Признаться, только самолюбивая жилка моряка заставила Лучицкаго отойти отъ этихъ соблазнительныхъ поручней, грозившихъ быть для мичмана тѣмъ же, чѣмъ была Кануя для Аннибала, и рѣшительно заматать по мостику, чтобы побороть неодолимое желаніе.

И на ходу вѣки такъ и спякоются.

— Сигнальщикъ!

— А... о... Есть! порывисто откликнулся тоже вздремнувшій сигнальщикъ.

— Поди, братъ, узнай, разбудили ли лейтенанта Невзорова?

Черезъ минуту сигнальщикъ вернулся и сказалъ:

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, еще не побудили.

— Почему?

— Вѣстовой ихній Антошка сказывалъ, что лейтенантъ Невзоровъ приказалъ будить за пять минутъ. Ни на секундъ раньше!

Лучицкій уже заранѣе сердится, почему-то предполагая, что Невзоровъ, всегда аккуратный, не успеетъ одѣться въ пять минутъ и опоздаетъ смѣ-

нять его во-время. Опозданіе смѣны съ вахты, хотя бы на минутку, другую, считается у моряковъ почти что преступленіемъ, и—Боже сохрани!—совершить его. Въ крайнемъ случаѣ, надо предупредить, если кто-нибудь рассчитывается опоздать на вахту, особенно на ночную.

«Это, вѣдь, свинство со стороны Невзорова! Воображаетъ, что старый лейтенантъ, такъ и стерплю. Чорта съ два! Опоздай онъ хоть на минуту—я ему проною!»

Такъ думаетъ молодой мичманъ и, забывши свое торжественное обѣщаніе быть снисходительнымъ въ сужденіи о людяхъ, чувствуетъ внезапный приливъ злости къ Невзорову и за то, что онъ «дантисеть»—бьетъ матросовъ, не обращая вниманія на просьбы капитана не драться, и ругается, «какъ боцманъ», и за то, что Невзоровъ исповѣдуетъ самые ретроградные взгляды, и за то, что онъ циникъ, но, главнымъ образомъ, за то, что онъ можетъ опоздать.

Лучицкій подходитъ къ освѣщенному внутри компасу и взглядываетъ на свои часы. Серебряная его луковичка показываетъ, что до полуночи остается еще цѣлыхъ десять минутъ. Ужасно много!

И, не довѣряя показанію своихъ часовъ, вчера только провѣренныхъ по хронометру, онъ посылаетъ сигнальщика справиться: какъ время на часахъ въ каютѣ-компаніи?

— Безъ восьми, ваше благородіе! докладываетъ, вернувшись, сигнальщикъ.

— Такъ скажи вѣстовому, чтобы онъ разбудилъ лейтенанта Невзорова! послѣ нѣкотораго колебанія приказываетъ мичманъ, для котораго теперь каждая минута казалась вѣчностью.

Сигнальщикъ, привыкшій къ этимъ гонкамъ господъ офицеровъ передъ концомъ вахты, спустился внизъ и въ

каютѣ-компаніи, слабо освѣщенной чуть-чуть покачивающейся надъ большимъ столомъ висячей лампой, увидѣлъ вѣстового Антошку, сторожившаго минуты на большихъ столовыхъ часахъ, прибывшихъ надъ привинченнымъ къ полу пианино.

— Антошка! окликнулъ шопотомъ сигнальщикъ.—Вахтенный приказалъ тебѣ побудить барина.

Заспанный, бѣлобрысый молодой вѣстовой съ большими, добрыми, на выкатѣ, глазами, обернулся и такъ же тихо проговорилъ:

— Буди, братецъ, самъ, коли хочешь, чтобъ онъ запустилъ тебѣ въ року щиблеткой, а я не согласенъ. Нешто не знаешь, какой онъ со сна сердитый... Чуть ежели раньше какъ за пять минутъ, безпремѣнно отчешетъ... А мичману, что-ли, не терпится? прибавилъ, усмѣхнувшись, Антошка.

— То-то, не терпится... Гоняетъ... Даве уже заклевалъ носомъ... Ночь-то сонная.

И, выдержавъ паузу, сигнальщикъ промолвилъ, еще понижая голосъ:

— А что, Антошка, не одолжишь-ли окурка?

Антошка досталъ изъ кармана штанивъ два маленькіе окурка папирсъ и подалъ сигнальщику.

— Вотъ спасибо, братъ. Ужъ покурю, а то совсѣмъ махорки мало осталось... Раскурить...

Часовая стрѣлка передвинулась, показывая безъ пяти двѣнадцатъ, и Антошка, торопливо ступая своими босыми ногами по клеенкѣ, вошелъ въ открытую настежь каюту Невзорова, откуда раздавался громкій храпъ, и принялся будить лейтенанта, а сигнальщикъ вернулся наверхъ и доложилъ:

— Побудили, ваше благородіе.

— Встаегъ?

— Должно, встають.

Наконецъ съ бака, среди тишины,

раздается восемь мѣрныхъ ударовъ колокола, радостно отзываются въ ушахъ молодого мичмана, и съ послѣднимъ ударомъ на мостикѣ поднимается плотная и приземистая фигура лейтенанта Невзорова въ бѣломъ, разстегнутомъ кителѣ, надѣтомъ поверхъ ночной рубашки съ раскрытымъ воротомъ, въ башмакахъ на босыхъ ногахъ, въ широкихъ штанахъ и фуражкѣ совсѣмъ почти на затылкѣ.

Въ то же время боцманъ Артюхинъ, ставши у гротъ-мачты, протяжно свистнулъ въ дудку и, вслѣдъ затѣмъ, зычнымъ голосомъ крикнулъ на всю палубу:

— Второе отдѣленіе на вахту! Ветравай... Живо!

— Эка реветъ, дьяволь! сердито прошепталъ какой-то матросъ, проснувшійся отъ боцманскаго окрика, и повернулся на другой бокъ.

Среди лежащихъ въ повалку на палубѣ матросовъ началось движеніе. Тѣ, кому приходилось вступать на вахту, потягивались, зѣвая и крестясь, поднимались со своихъ тощихъ тюфячковыхъ и, торопливо натянувъ штаны, выходили на шканцы, на провѣрку. Разбуженные боцманомъ другіе матросы, оглядѣвшись вокругъ, снова засыпали.

— Ну, что, Василій Васильичъ, очень спать хочется? добродушно говорилъ своимъ низкимъ баскомъ Невзоровъ, поднявшись на мостикъ и сладко позѣывая...

И у Лучицкаго тотчасъ же исчезла злоба противъ Невзорова, который, несмотря на свое «ретроградство» и скверную привычку драться, былъ все-таки добрымъ, хорошимъ товарищемъ и ладнымъ, знающимъ свое дѣло, морякомъ.

— Отчаянно, Максимъ Петровичъ, отвѣчалъ молодой мичманъ. — Въ началѣ вахты еще ничего...

— Мечтали, видно, о какой-нибудь дамочкѣ въ Кронштадтѣ? перебилъ,

засмѣявшись сквернымъ, циничнымъ смѣхомъ, Невзоровъ и прибавилъ: — Вотъ въ Рио-Жанейро придемъ... Тамъ я вамъ скажу, вы скоро влюбитесь въ какую-нибудь бразильскую дамочку и забудете свою зазубу, коли есть... Вѣдь, навѣрно есть, а?.. Ну, и жарко-жъ спать въ каютѣ... Съ завтрашняго дня буду спать наверху... Прохладиѣе...

— И ночи какія очаровательныя... Поглядите-ка, Максимъ Петровичъ, небо-то какое?

— А ну его къ чорту небо!.. Это вы только о небесахъ думаете и небесами восхищаетесь... Однако, сдавайте-ка вахту да ступайте спать...

Мичманъ сказалъ, какой курсъ, сколько ходу, какіе стоятъ паруса и, пожавъ руку Невзорова, пошелъ на ютъ и, раздѣвшись, вспрыгнувъ въ подвѣшенную койку и скоро заснулъ.

А Невзоровъ спустился на палубу, обошелъ корветъ, провѣрилъ вахтенныхъ, часовыхъ на бакѣ и, поднявшись на мостикъ, зашагалъ медленными шагами и вполнѣ мечталъ о Рио-Жанейро, о бразиліанкахъ и о вкусныхъ обѣдахъ и ужинахъ на берегу и, разумѣется, съ хорошими винами. Но вдругъ вспомнилъ и объ одной молодой вдовѣ въ Петербургѣ, которой онъ два раза дѣлалъ предложеніе и два раза получилъ отказъ. Вспомнилъ — и задумался. Вѣроятно, и на Максима Петровича подѣйствовала прелесть тропической ночи и навѣяла на него, помимо его воли, задумчивое настроеніе, неимѣющее ничего общаго ни съ бразиліанками, ни съ обѣдами и ужинами, ни со службой. Онъ, разумѣется, никому бы не сознался, что въ эту ночь и онъ поглядывалъ на звѣзды, сердито крякалъ, испытывая какое-то странное чувство томленія и грусти, и думалъ болѣе, чѣмъ слѣдовало бы такому цинику, какимъ онъ представлялся всѣмъ на

корветѣ, говоря, что не понимаетъ любви, длящейся болѣе недѣли, — объ этой высокой и полной, цвѣтущей блондинкѣ, лѣтъ тридцати, съ холодными сѣрыми глазами, румяными щеками и роскошнымъ бюстомъ, которую онъ и послѣ двухъ отказовъ не можетъ забыть и которой онъ, по секрету отъ всѣхъ, написалъ уже два любовныя письма, оставшіяся безъ отвѣта. А если бы она отвѣтила? Подала бы хоть тѣнь надежды? Онъ готовъ бы былъ ждать годъ, два, три до той счастливой минуты, когда она согласится быть его другомъ и женой...

Увы! Онъ не догадывался, что эта полная, цвѣтущая вдова, одна изъ тѣхъ женскихъ безстрастныхъ натуръ, которыя заботятся лишь о себѣ, о своемъ здоровьѣ, о своемъ спокойствіи... За что она продастъ свою свободу обезпеченной вдовы на полубѣдное существованіе вдвоемъ!? Какая онъ партия! Да и къ чему ей замужъ?

Но Максимъ Петровичъ, проведшій большую часть своей жизни въ плаваніяхъ и знавшій женщинъ лишь по мимолетнымъ знакомствамъ, разумѣется, не понималъ своего идола и, влюбленный, какъ мальчишка, надблялъ его всѣми совершенствами и принци-

палъ отказы вдовушки исключите. тому, что онъ ей не нравится.

— Эка, что за чепуха сегодня зеть въ голову! досадливо проговорилъ вслухъ Максимъ Петровичъ и рѣшил про себя, что давно пора бросить эту «капитель» и навсегда забыть женщину.

Казалось, онъ ужъ забывалъ предаваясь, при сѣздахъ на берѣ широкому разгулу, а вотъ теперь, к нарочно, снова вспомнилъ и расчувствовался, какъ какой-нибудь мичменокъ. «Срамъ, Максимъ Петровичу!» Пусть себѣ маринуется въ прохладу! Пусть себѣ маринуется въ прохладу! Пусть себѣ маринуется въ прохладу!

— Сигнальщикъ! Дай-ка трубу! сдѣлано закончилъ вслухъ лейтенантъ.

А ночь уже начинала блѣднѣть тусклѣющія звѣзды мигали все слабѣе и слабѣе. Океанъ засѣрѣлъ, перемѣнясь съ тихимъ гуломъ своими вѣнами. Горизонтъ раздвинулся, и на югомъ краю его видѣлось бѣгущее пятно парусовъ какого-то судна. Наступалъ предразсвѣтный сумракъ, и вѣяло острой прохладой, и чудная, таинственная ночь, послѣ недолгой борьбы медленно угасала, словно пугаясь горающагося на востокѣ багрянаго предвѣщающаго восходъ солнца.

ПРОГУЛКА ШАХА.

Персидское преданіе (записано въ 1889 г. со словъ дервиша въ г. Елисаветполѣ бывшей столицѣ Ганжинскаго ханства).

Недовольный лицемѣрной,
Чванной челядью дворца,
И дружиной слишкомъ вѣрной,
И почетомъ безъ конца, —

Мудрый шахъ уѣхалъ въ поле,
Полюсь стремленіемъ однимъ, —
Къ одиночеству и волѣ!
Конь подъ нимъ, — Аллахъ надъ нимъ.

Мчится шахъ — и время мчится...
За горою залегла
Ночь, какъ хищная тигрица...
Мигъ еще — и всюду мгла!

Вотъ и горы... Путь все круче,
Гуще все ночной туманъ,
Все чернѣе въ небѣ тучи
И... все дальше Тегеранъ.

Чу! Звонъ шашекъ, разговоры!..
Вдругъ сверкнули огоньки...
Худо, если это вору,
Хуже, — коль бунтовщики!

Такъ и есть: и вражьи руки
Подъ узды берутъ коня...
Мыслить шахъ: — «Обиды, муки,
Смерть въ мученьяхъ ждетъ меня!»

Но не злость во вражьихъ взорахъ,
Лаской теплятся они:
«Ты нашъ гость — и ты намъ дорогъ,
«Закуси и отдохни!»...

Глядь, — предъ нимъ пилавъ завѣт-
ный,

И баранины кусокъ,
И приятный всѣмъ, запретный
Виноградный алый сокъ!

«Подкрѣплюсь на всякій случай!»
Разсудилъ неглупо шахъ.
Бств и пьеть — и грозной тучей
Не гнететь ужъ сердца страхъ.

Чу! Звучать зурна и бубны,
Бьется лютни тихій звонъ...
Боже, какъ вы дружелюбны!
Я растроганъ, пораженъ!» —

Молвить шахъ, всплеснувъ ру-
ками.

Вражій вождь ему въ отвѣтъ:
«Были-бъ мы бунтовщиками, —
Да теперь ужъ цѣли нѣтъ!

«Отдыхать мы можемъ смѣло!
Въ море къ намъ бѣгутъ ручьи:
Вмѣсто насъ ведете дѣло —
Гы, да визиря твои!»

«Грабятъ, бьютъ, неправо судить...
«Ты — прибѣжище воровъ!
«Все намъ польза! Шахъ да будетъ
«Долголѣтень и здоровъ!

«Къ бунту меленнѣй, но вѣрно
«Вы готовите народъ!»
Разсердился шахъ безмѣрно:
«Неспочтительный уродъ!

«Мятежа нѣтъ и въ поминѣ!
«Всюду миръ и тишина!»
— «Вѣрь въ нее, какъ вѣришь
«Ну, а брань твоя... смѣшна!»

По извилистымъ оврагамъ
Изъ мятежныхъ дебей шахъ
Подъ конвоемъ ѣдетъ шагомъ
И съ повязкой на глазахъ...

Степь... Конвой оставилъ шаха...
И, сквозь утреннй туманъ,
Отгоняя чувство страха,
Возникаетъ Тегеранъ...

Но тоска владыку гложеть!
«Лжетъ мятежникъ!» — онъ ворчитъ:
«Быть не можетъ! Быть не мо-
жетъ!»

Шахъ ворчитъ, — а степь молчитъ...

Тутъ смолкаетъ и преданье —
И страницы древнихъ книгъ
Не расскажутъ, назиданье
Какъ суровый шахъ постигъ!..

Жизнь событиями другими
Тронъ владыки и дѣла,
Родъ его, и даже имя,
Какъ песками занесла...

Василій Величко.

У чужого очага.

(Разсказъ юнкера). Сергѣя Пронскаго.

Роевъ недавно въ моихъ старыхъ бумагахъ и письмахъ, я нашелъ рукопись, написанную мною лѣтъ 12 тому назадъ, когда я былъ юнкеромъ въ Павловскомъ юнкерскомъ училищѣ. Перечитывалъ я ее, и мое отрочество снова воскресло предо мною. Я поправилъ нѣкоторыя шероховатости слога, вставилъ описаніе мѣстности, тогда пропущенное мною, но оставилъ весь полу-дѣтскій, полу-юношескій колоритъ разсказа. Вотъ она — эта рукопись.

I.

Вчера, во время большой перемѣны, когда мы гуляли по саду съ товарищемъ Лишнимъ, разговоръ зашелъ у насъ о томъ, что случилось у меня въ семьѣ, а я взялъ, да и разсказалъ ему, какъ это все стряслось, и какую роль мнѣ довелось играть въ этомъ дѣлѣ. Лишнй слушалъ, слушалъ, да и буркнулъ, наконецъ: «Ты записалъ бы это, братъ! Вѣдь, оно, чортъ возьми, очень интересно!»

Можетъ быть, Лишнй ошибается, и все это происшествіе вовсе не занимательно, но слова его, точно гвоздь, зашли у меня въ головъ — а почему бы не написать? Я пишу для себя, для своего удовольствія, никто не увидитъ этой рукописи. Она останется въ классномъ шюитрѣ, или, вѣрности ради, отдамъ ее на сохраненіе Марусѣ. У насъ въ училищѣ начальство страдаетъ маніей любопытства... Страсть полковникъ любить шарить... А найдеть — бѣда! Сидѣть тебѣ безъ отпуса — это вѣрише аксіомы! А я, видите-

ли, люблю ходить въ отпускъ. Отчего я люблю ходить въ отпускъ, я вамъ сейчасъ скажу. Этимъ и начну свой разсказъ.

И такъ, слушайте... Не удивляйтесь, что, записывая для себя, я обращаюсь ко всѣмъ, но мнѣ такъ удобнѣе. Я воображаю, что говорю съ товарищами, и пишется легче. Я, видите-ли, Сапа Свѣтовъ. Полное мое названіе Александръ Михайловичъ Свѣтовъ, но такъ меня пока еще мало кто величаетъ. Мнѣ восемнадцать лѣтъ, и я первый годъ юнкеромъ. Остался я, годовальнымъ крикуномъ, сиротой, и приютилъ меня дядя, родной братъ отца, Павелъ Алексѣевичъ Свѣтовъ. Вотъ и выросъ я у него, да ужъ такъ полюбилъ всю семью, что смотрю на него и на тетю, какъ на отца съ матерью, а дѣтей ихъ, Сергѣя и Марусю, звать двоюродными кажется, ну, просто дико! Дядя занимаетъ высокій постъ въ служебной іерархіи — онъ очень строгій, и съ нимъ шутки плохи. Тетя славная, добрая и во всѣхъ моихъ прегрѣшеніяхъ была всегда для меня заступницей усердной и передъ дядей, и даже въ корпусѣ, въ которомъ я пробылъ шесть лѣтъ, до поступления въ училище. Сергѣй много старше меня, — ему ужъ лѣтъ тридцать. Онъ малый умный, ученый, да, вотъ бѣда... Нѣтъ, двѣ бѣды! Первая, что онъ статскій, въ сенатѣ служитъ, чернильная душа, полу-человѣкъ, по моему... То-ли дѣло нашъ братъ, военный! А вторая бѣда — женился онъ пять лѣтъ тому назадъ, а черезъ два

года его жена скончалась... Тутъ онъ совсѣмъ оплошалъ... Плакалъ, плакалъ, бросилъ службу, два года по бѣлусвѣту шатался, окончательно себя старой бабой показалъ... Чтѣ-бъ сказали нашъ генералъ, если-бъ онъ увидалъ, что одинъ изъ его юнкеровъ такъ нюнить? Правда, милая и хорошая была его жена, даже я на ея похоронахъ всплакнулъ немного... Маруся — та, мой личный другъ, мы съ ней погоди, она душа-человѣкъ и достойна носить мундиръ и нашивки на погонахъ!

II.

И жили мы душа въ душу, т. е. тетя, Маруся, да я. Сергѣй былъ въ отлучкѣ, а дядя вѣчно занятъ, да и строгій онъ... Его сильно побанваются дома. Годъ тому назадъ, все перемѣнилось и все пошло вверхъ дномъ. Сначала вернулся Сергѣй, немного еще грустный, но все же болѣе бравый, чѣмъ когда уѣхалъ. Двѣ недѣли послѣ его прѣзда, вышелъ ужасный случай...

У тети была дальняя родственница, Баянова, съ которой она была очень дружна въ дѣтствѣ. Баянова много лѣтъ тому назадъ умерла, оставивъ мужа и маленькую дочь Таню. Онъ, Баяновъ, человѣкъ не богатый, служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и всегда былъ за границей. Дѣвочка жила при немъ. Мы ихъ и не видѣли никогда. Вдругъ телеграмма отъ посла, что Баяновъ скончался. Близкихъ родственниковъ у него не было, его дочь осталась совершенно одна на бѣломъ свѣтѣ. Тетя сейчасъ же собралась, поѣхала въ Берлинъ и привезла оттуда Таню для того, чтобы оставить ее жить навсегда съ нами.

Съ трепетомъ сердечнымъ, точно передъ экзаменомъ, ждалъ я ея прѣзда. «Чтѣ это будетъ за птица?» вертѣлось у меня неотвязчиво въ головѣ. Хорошо было дома, и на чтѣ намъ

этотъ новый элементъ, какъ говорить учитель физики! И чтѣ это будетъ? Принесетъ-ли она смѣхъ или скуку къ родному очагу? Или, чего уже совсѣмъ не дай Богъ, раздоръ и неприятности? Маруся тоже ждала ее съ опаской. Дядя и Сергѣй о ней совсѣмъ не думали. Дядя занимался дѣлами, а Сергѣй снова сталъ ходить въ сенатъ строчить бумаги.

Наконецъ, ужасный день насталъ, и — она прѣехала.

Съ величайшимъ любопытствомъ, я осмотрѣлъ заграничную диковинку съ головы до ногъ. Въ глубокомъ траурѣ, стройная, большая, съ мягкими бархатными черными глазами, правильнымъ носомъ, красиво вырѣзаннымъ ротомъ, съ бѣлыми, ровными зубами и густыми темно-каштановыми волосами, она была очень красивая дѣвушка, лѣтъ 20-ти. Одно только меня смутило. Ея глаза выражали такую грусть, такое глубокое, неподдѣльное горе, такъ видно было, что, уйдя сама въ себя, она жила только своимъ внутреннимъ міромъ и совершенно равнодушно относилась ко всему окружающему — что мнѣ даже жутко стало.

«Ну, съ тобой, моя голубушка, мы не нахохочемся! Ты какое-то олицетворенное «со святыми упокой», подумалось мнѣ.

III.

Тогда шли экзамены (переходные, для меня, изъ корпуса въ училище), я жилъ дома и ходилъ въ корпусъ только сдавать ихъ, такъ что мнѣ можно было вволю наглядѣться на нашу Татьяну Григорьевну. Ну, ужъ, мое почтенье... Ни улыбки, ни интересу къ чему бы то ни было... Ничего — точно каменная! Мумія египетская, да и только! Глаза вѣчно заплаканные... Жаль, право жаль, что все это не случилось три года раньше,

тогда она была бы достойный pendant Сергѣю. Я немного недоумѣвалъ, ужель это она такъ по отцѣ убивается? Вскорѣ я разгадалъ, въ чемъ дѣло.

Сижу я разъ въ бывшей классной, теперь превращенной въ бібліотеку, и зубрю исторію. Завтра экзамень, и я самъ чувствую — хоть шаромъ покати, ни гдѣ не зацѣпишь. Слушалъ я весь годъ лекціи плохо, и теперь, ну, просто, ничего не знаю... Придется всю ночь напролетъ просидѣть, авось, тогда вынырну! Тутъ же сидитъ и Сергѣй, весь погруженный въ чтеніе книги очень страннаго содержанія: «Римское право» или какая-то другая ерунда, тою же пошиба... Онъ, право, замѣчательный человѣкъ: малому скоро пойдетъ четвертый десятокъ, а онъ все говоритъ, что образованіе человѣка должно кончиться лишь съ гробовой его доской, что всю жизнь надо учиться — вотъ и корнитъ надъ глупыми фолиантами... А я такъ, какъ только надѣну офицерскіе эполеты, клянусь честью, никогда печатнаго листа въ руки не возьму! Чтѣ другое, а ужъ это — дудки!!

Я на минуту отрываюсь отъ треклятой исторіи и гляжу на него. Онъ весь ушелъ въ содержаніе лежащей передъ нимъ ахинеи. Я въ первый разъ въ жизни даю себѣ трудъ критически разсмотрѣть его наружность, и меня поражаетъ, какое у него приятное лицо и мужественный видъ. Большого роста, коренастый, широкоплечій, у него молодецкая, военная осанка. Лицо загорѣлое, открытое — бѣлые зубы такъ и блестятъ подъ небольшими бѣлокурыми усами. На головѣ дѣлая шапка рано посѣдѣвшихъ волосъ. Выраженіе темно-сѣрыхъ глазъ такое честное, ласковое, вкрадчивое, немного только задумчивое. А улыбка его такая хорошая, что даже на меня она какъ-то приятно дѣйствуетъ. Странно, право, что я всего этого раньше

не замѣтилъ! Онъ серьезный, положительный человѣкъ: рѣдко кутишь, хотя съ нимъ грѣхъ бываетъ.

Дверь отворилась, и вошла Таня, взглянула на насъ, покраснѣла, собралась было, обратиться въ постыдѣ бѣгство, но Сергѣй, при видѣ ея, всталъ и любезно придвинулъ кресло къ стулу, у котораго мы сидѣли.

— Куда вы, Татьяна Григорьевна, посидите съ нами, сказалъ онъ, глаза его ласково глядѣли на нее.

Она вѣнхнула и нехотя опустилась въ кресло. Съ минуту продолжалось неловкое молчаніе.

— Скажите мнѣ, какъ все это случилось? вдругъ заговорилъ Сергѣй. — Вѣдь, онъ недолго былъ боленъ?

Это былъ первый разъ, что ей говорили объ отцѣ. Всѣ избѣгали этого разговора, боясь огорчить ее еще больше, и ошибались. Иногда бываетъ такъ сладко поговорить о томъ, что гнететъ и терзаетъ душу...

— Это все такъ скоро случилось такъ скоро, что я и опомниться не могла, отвѣтила Таня, понизивъ инстинктивно голосъ, будто покойникъ еще тутъ былъ, передъ нами. — Онъ вернулся домой, отъ посла, продолжала она, — жалуюсь, что болитъ горло. Я послала за докторомъ. Тотъ только головой покачалъ, — а черезъ три дня отца не стало... — Ея голосъ сильно дрожалъ. — И вотъ, я осталась одна, совсѣмъ одна...

— Бѣдное дитя! какъ бы про себя проговорилъ братъ.

Таня подняла на него свои большіе, черные глаза.

— У васъ тоже, кажется, было свое большое горе, Сергѣй Павловичъ? просто и очень серьезно проговорила она.

— Да, большое, ужасное горе, даже, быть можетъ, тяжелѣе вашего!

Она съ недоумѣніемъ посмотрѣла на него.

— Васъ удивили мои слова, Татья-

на Григорьевна? продолжалъ онъ,—и это понятно... Вы еще так молоды, такъ мало испытали на своемъ вѣку... Но, повѣрьте—и Сергѣй замылся, подыскивая выраженія,—не одна только привязанность къ родителямъ существуетъ въ этомъ мѣрѣ... Есть другое чувство, болѣе жгучее, но такое же чистое и святое... Это чувство разъ въ жизни и испытываетъ каждый...

— Это любовь взаправская! вмѣшался я.

Сергѣй улыбнулся.

— Да, именно «взаправская», какъ говоритъ Сапа,—и вотъ, когда потеряешь того, кто вселилъ въ васъ это чувство, вы и представить себѣ не можете,—простите, я не хочу умалить ваше горе!—какъ ужасно, какъ томительно разстаться съ этимъ дорогимъ существомъ, съ другомъ жизни, съ тѣмъ человѣкомъ, съ которымъ привыкъ дѣлить все: радость, горе, впечатлѣнія и мысли, и каждодневныя мелочи! Ваша потеря тяжела, но, счастье еще, быть-можетъ, ожидаетъ васъ... Дѣло въ томъ, что моя пѣсенка спѣта, Татьяна Григорьевна; ваша еще не начата.

Его голосъ оборвался, онъ всталъ и раза два, неровною походкой, прошелся по комнатѣ. Я на него глядѣлъ. Теперь мнѣ стало ясно, что я былъ несправедливъ, говоря, что онъ «нюнчить», и обзывая его старой бабой. Я понималъ только тутъ, что его горе велико, что оно глубоко сразило его, а онъ мужественно переноситъ это горе. Впрочемъ, онъ самъ виноватъ, что я раньше не раскусилъ его положенія: вѣдь, небось, со мной онъ никогда не бѣснялся, какъ онъ сейчасъ говоритъ съ Таней...

У Тани точно крикъ вырвался изъ груди:

— Да! Вы правы! Но, Боже, каково же потерять все родное, и жить чужой, ршешницей, Христа ради, у чужихъ!

Сергѣй остановился передъ ней: — Никогда не говорите этого, Татьяна Григорьевна! Мы васъ все любимъ, какъ родную... Мнѣ обидно слышать такія рѣчи... Знаете, чтѣ?—онъ сдѣлалъ видимое усиліе надъ собой, и сталъ говорить весело, ласково улыбаясь ей:—на морѣ, во время бури, все на кораблѣ дружно работаютъ, въ надеждѣ, общими соединенными силами спасти экипажъ. Намъ, двоихъ, сильно поразила жизненная буря! Будемъ стараться помогать другъ другу и быть друзьями! Согласны, Татьяна Григорьевна? И онъ протянулъ ей руку.

Таня порывистымъ, точно безсознательнымъ движеніемъ пожала руку Сергѣя и прошептала:

— Да, будемте друзьями, Сергѣй Павловичъ!

И вдругъ она точно испугалась своихъ словъ и почти выбѣжала изъ комнаты.

Сергѣй проводилъ ее глазами.

— Миленькая дѣвочка, замѣтилъ онъ,—очень миленькая... жалкая...

Водарилось молчаніе; я однако прервалъ его.

— Почему бы все-таки тебѣ не жениться? Вѣдь, многіе вступаютъ во второй бракъ? спросилъ я.

Онъ нехотя оторвалъ глаза отъ книги, въ которую уже успѣлъ углубиться, и спокойно отвѣтилъ:

— Какъ же ты понять не можешь, что я поволочиться за женщиной могу, пожалуй, но—*полюбить* второй разъ—очень трудно! Да и не твоего ума это дѣло! Учись лучше, авось умнѣе будешь! добавилъ онъ, смѣясь.

Я надулся и зазубрилъ дальше.

Но плохо мнѣ давалась исторія. Передо мной неотвязчиво стоялъ образъ Тани: «Она, милая, жалкая», думалъ я.—«Сергѣй панихидный такой! Онъ только грусть наводитъ... Дай-ка я попробую развеселить ее! Авось удастся, и тогда первый другъ буду я».

IV.

Однако, удача оказалась на сторонѣ Сергѣя. Съ этого дня, онъ и Таня подружались, и подружались для меня самымъ изводящимъ образомъ.

Разговаривая, они сдѣлали открытіе, что оба (въ разное время, конечно) были въ Италіи, и вотъ, каждый день послѣ обѣда, пока мы все сидѣли и пили кофе у дяди, въ кабинетѣ, шли у нихъ, на назиданье намъ, безконечныя толки о голубыхъ небесахъ, о чудесахъ человѣческаго гениа, о Рафаэлѣ, Караччи, Макаронни, Стуфозо, Фарниенте—ну, просто, одурь брала ихъ слушать!

То-ли дѣло наши бесѣды съ Марусей! Мы съ ней часами споримъ: можетъ-ли кавалерійская атака разбить пѣхотное каре? Вотъ это и весело, и интересно, и поучительно для будущаго воина... Для Маруси, быть-можетъ, менѣе,—ну, да это все равно...

Такъ прошелъ май.

Таня къ намъ пріѣхала въ апрѣлѣ.—Она повеселѣла, и Сергѣй глядѣлъ бодрѣе. Экзамены мои кончились, и, представьте, я не провалился ни разу и благополучно перевалилъ въ училище. Даже исторія, и та сошла съ рукъ... Правда, у меня въ кулакѣ была «шпаргалка», съ выписанными на ней годами... но никто не замѣтилъ, и я получилъ восемь. На такую благодать я никакъ не рассчитывалъ!

Въ концѣ мая мы отправились въ деревню—вся команда сполна, кромѣ дяди, который по дѣламъ службы не могъ покинуть Петербурга (меня изъбавили отъ лагеря, по случаю легкой боли въ ногѣ—я упалъ съ гимнастики).

Костельницы,—такъ зовутъ имѣніе дяди,—маіоратное владѣніе въ Западномъ краѣ, дарованное отцу его, т.-е. моему дѣду, въ награду за блестящія побѣды, одержанныя надъ неприятелями. Мы пріѣхали утромъ. Послѣ

обѣда, успѣвъ уже днемъ побывать и на лугахъ, и въ лѣсу, и на конюшнѣ, я отправился въ садъ. Былъ теплый майскій вечеръ. Солнце тихо, плавно спускалось на горизонтъ, золотя своими послѣдними лучами луга, извивающуюся по нимъ рѣку и городокъ Костельницы, стоящій на небольшомъ пригоркѣ. Лучи причудливо играли между густой листвою сада, озаряя то тамъ, то здѣсь вѣтвь высокой ели или широколиственнаго каштана. Яркое выступала освѣщенная листва и потомъ, тихо потухая и блѣднѣя, уходила въ общій, темный колоритъ наступающихъ сумерекъ. Въ воздухѣ носился упоительно-сладкій аромат бѣлой акации. Соловей, гдѣ-то далеко, заливался своей пѣсней.

Старая громада замка, стоящаго посреди сада, уже была въ тѣни. Это старинное, средневѣковое зданіе, теперь господскій домъ маіората, было когда-то крѣпостью, игравшею немаловажную роль въ мѣстной исторіи.

Оно построено было четырехугольникомъ, въ нормандскомъ стилѣ, съ высокою черепичною крышею, съ громадною сторожевою башнею, возвышавшеюся посреди одной изъ стѣнъ, точно выросшей изъ стѣны.

Три стороны замка были обитаемы, четвертая же была развалина, сохранившая только одну внутреннюю стѣну. Плющъ и дикій виноградъ, зеленый, темный, обвивали старые камни, причудливо цѣпляясь за карнизы оконъ и обвиваясь вокругъ перилъ обширнаго балкона.

Я тихо пробирался по извилистой аллеѣ, проложенной среди густой чащи елей и сосенъ. Вижу, идутъ Сергѣй, Маруся и Таня. Я подошелъ къ нимъ, и мы пошли вмѣстѣ.

У нихъ шелъ прекуръезный разговоръ:—

— Ну, что, Татьяна Григорьевна, нравится-ли вамъ наше старое гнѣз-

до? говорилъ Сергѣй.— Я видѣлъ изъ окна моей комнаты, съ какимъ вниманіемъ вы осматриваете замокъ...

— Точно декорация изъ послѣдняго дѣйствія «Трубадура» — прелесть! отвѣчала Тая.— Тутъ замечаться можно! Чего добраго, начать стихи писать...

Сергѣй разсмѣялся (и я тоже улыбнулся). Онъ былъ сегодня въ хорошемъ расположеніи духа и не хандрилъ.

— Ну, нѣтъ! возразилъ онъ весело, — всѣ мечты о трубадурахъ вы оставьте. Тутъ болѣе кровавыя дѣла дѣлались. Это — показалъ онъ рукой на замокъ — долгое время былъ католическій монастырь, а монастыри, какъ вы вѣрно помните, въ прежніе годы служили крѣпостями. Не мало осадъ выдержали эти стѣны, о чемъ и свидѣтельствуютъ мраморныя ядра, вбившіяся въ нихъ. Вы ихъ еще не видели?

— Я ей ихъ еще не показала, отвѣтила за Таню Маруся.

— Ну, такъ пойдѣте, посмотримъ ихъ!

Мы пошли по направленію замка.

— Вотъ, видите, эти небольшія отверстія? продолжалъ Сергѣй.

— Маленькія окна?

— Да! только это не окна, а бойницы. Кругомъ замка былъ ровъ, только отецъ велѣлъ его засыпать и тоже обратить въ садъ.

— Да, прежде садъ былъ отдѣльно отъ дома, за ровомъ, пояснила Маруся, — только я этого не помню!

— Гдѣ тебѣ это помнить, дитя малое! Молоко на губахъ не обсохло! хлопая сестру по плечу, смѣялся Сергѣй.

Маруся угрозила ему зонтикомъ.

— И, впрямь, дитю! Ты, какъ я вижу, и разказать-то Татьянѣ Григорьевнѣ ничего не сумѣла. О находкахъ говорила?

— О какихъ находкахъ? переспросила Тая.

— Вотъ, видишь? Совсѣмъ плохой ты чичероне! Тебѣ пятидесяти сантимовъ въ день не дали бы въ Итали! шутилъ онъ, ласково глядя на сестру.— Вотъ какія находки, продолжалъ онъ.— Представьте — здѣсь были замуравленные люди!

— Какъ? Живые? — И большіе глаза Тани неестественно расширились. Она остановилась и съ ужасомъ спросила, глядя въ упоръ.— Неужели, живые? Я все надѣялась, что всѣ эти рассказы про «in pace», не болѣе, какъ выдумки лютеранской ненависти противъ католиковъ!

— Должно быть, живые... Мертвыхъ просто похоронили бы. Тутъ былъ, какъ я уже говорилъ вамъ, католическій монастырь. Мало-ли какія темныя дѣла могли дѣлаться въ эти темныя времена! Наказаніе за ересь, или, просто, непослушаніе аббату... Но фактъ тотъ, что однажды отецъ хотѣлъ пробить новую дверь въ гостиную, и въ стѣнѣ нашли скелеть...

— Боже, какой ужасъ!

— Вамъ теперь странно будетъ жить въ Костельницахъ?...

— Говорятъ, что здѣсь духи ходятъ по ночамъ! объявила Маруся.

— Ну, ужъ этого я не боюсь...

— Привидѣній и tutti quanti! Этимъ меня не запугаешь! весело возразила Тая. Сергѣй замолкъ. Легкая тѣнь пробѣжала по его лицу.

— Не смѣйся при немъ надъ привидѣніями, шепнула ей Маруся, — онъ, кажется, въ нихъ вѣритъ!

Тая удивленно взглянула на него.

— Быть не можетъ! Вы вѣрите въ привидѣнія, Сергѣй Павловичъ? прямо, безъ обиняковъ, обратилась она къ нему.

Онъ поморщился, и отвѣчалъ нехотя:

— Я не понимаю, что вы этимъ

хотите сказать? Конечно, я не вѣрю въ живыя привидѣнія въ бѣлой простынѣ, которыя удираютъ при видѣ револьвера... Но, я вѣрю... я вѣрю... что есть связь между этимъ міромъ и загробнымъ, и что души умершихъ могутъ являться, говорить даже съ тѣми, кого онѣ любили на землѣ... Я въ это вѣрю, но не люблю объ этомъ говорить! сказалъ онъ вдругъ, и нахмурился.

— Оставь его! снова шепнула Маруся.

Воцарилось неловкое молчаніе. Мы подошли къ самому замку.

— Вотъ ядро! заговорилъ снова Сергѣй, указывая на втиснувшійся въ стѣну мраморный шаръ, и началъ длинное разсужденіе о первобытной артиллеріи...

Я, тѣмъ временемъ, схвативъ Маруся за руку, оттащилъ ее подальше.

— Послушай, онъ рехнулся, что-ли? Въ духовъ сталъ вѣрять... Вотъ, маленькій-то! Няня говоритъ: бука, бука! — ему и страшно!

— Молчи ты, право! ничего ты не понимаешь! Вѣдь, онъ спиритомъ сталъ!

— Спиритомъ? Это еще что? Чертей вызываетъ?

— Не чертей, а души! Ну, и оставь!...

— Съ которыхъ это поръ онъ такую фанаберію завелъ?

— Со смерти жены. Онъ тогда на разные спиритическіе сеансы ѣздилъ. Ему чудилось иногда ночью, что онъ слышитъ голосъ жены, чуть-ли она не являлась ему. Разстроенное воображеніе, вотъ и все.

— Такъ вотъ онъ куда махнулъ! Баба старая онъ! Я всегда это думалъ! рѣшилъ я и, оторвавъ листъ сирени, сталъ злостно крутить его между пальцами.

— Саша, какъ тебѣ не совѣстно? Вѣдь, это онъ съ горя!

— Съ горя? Будетъ горевать-то! Горевалъ годъ, горевалъ два — довольно! Что за сороколѣтнее странствованіе въ пустынь? Зубришь его, зубришь — кон-

ца ему нѣтъ! Плачетъ Сергѣй, плачетъ, тоже нѣсть предѣла! Нѣтъ, баба онъ! Вотъ ты, хоть и женщина а хорошей малой, что нашъ бр-юнкеръ. Онъ не баба, говорю я тебѣ, онъ просто — статскій!...

И махнулъ рукой и пошелъ про-

V.

Прошла недѣля. Мы только отобѣдали, какъ Сергѣй, послѣ вставъ, взялся за шляпу и собрался уходить.

— Ты куда? посиди съ нами, оставила его тетя.

— Я иду въ городъ, просить школьнаго учителя поступить ко мнѣ секретаря или въ писцы, смѣясь отпятилъ онъ.

— На что тебѣ секретарь?

— У меня есть кое-какія путевыя замѣтки, но все это вчернѣ — переписывать лѣнь, да и много времени отнимаетъ, и я хочу найти себѣ по-могу...

— Оставь учителя! Онъ и безъ тебя занятъ. Возьми кого-нибудь другого!

— Да кого же? Тутъ, кромѣ него, никто по-русски не знаетъ.

— Притащи ксендза на арканѣ! Заставь его! очень серьезно посоветовалъ я.

Всѣ разсмѣялись.

— Зачѣмъ ксендза? Я лучше тебѣ возьму! лугаво и очень глупо, по-мому, отвѣтилъ Сергѣй.

Я испугался не на шутку. «А вдру-впрямь въ бумаго-маралки запражетъ! Ну, ужъ нѣтъ! Отъ этого я увилю или того настрочу, что и самъ не радъ будешь!» думалъ я. Но пока я размышлялъ, какъ бы мнѣ лучше отб-яриться, пришла выручка, совершенножданная, не гаданная...

— Попроси Таню! У ней отличныя почеркъ, и, быть можетъ, она тебѣ откажетъ! какъ-то медленно, точно въ раздумьѣ, проговорила тетя.

Сергѣй взглянул на Таню. Та вспыхнула и поспѣшила согласиться. У меня гора съ плеч свалилась.

Схвативъ тутъ же фуражку, я исчезъ до ужина,—на случай, если бы она вдругъ одумалась и отказалась бы отъ занятій!... Но Татьяна Григорьевна оказалась молодцомъ—не ретировалась передъ неприятелемъ, и съ тѣхъ поръ каждый день, послѣ обѣда, въ большой гостиной, Сергѣй и она садилась другъ противъ друга и писали, больше болтали, безъ конца. О чемъ они болтали, я не знаю—знаю только, что у Тани я уже болѣе не видалъ заплаканныхъ глазъ, ну, и братъ сталъ куда веселѣй...

Любимое мое мѣсто въ замкѣ была площадка на самомъ верху башни. Заберешься туда, бывало, вечеромъ и любишься на открывающейся передъ тобой широкой видѣ окрестности, версть на пятнадцать кругомъ! Хорошо на этой вышкѣ! Дышится такъ привольно, полной грудью! Взялъ бы и улетѣлъ далеко-далеко, за тридевять морей... Потомъ посмотришь къ долу, на садъ и домокъ, и хоть и не любишь шпионить, а непременно увидишь, какъ въ одной изъ тѣнистыхъ аллей, подъ сѣнью листвы каштановъ, ходятъ взадъ и впередъ Сергѣй и Таня, о чемъ-то оживленно бесѣдуя... Они неразлучны стали. Поневолю начинаютъ лѣзть въ голову романтическія соображенія, и слышится въ ушахъ: «Исаія ликуй!»

Я радъ былъ за нее, а между тѣмъ взгрустнется какъ-то, иногда... очень ужъ обидно, что я не десятию годами старше, а то, право же, поспорили бы мы съ братомъ, и кто знаетъ, чья бы взяла? Очень ужъ она милая Таня, куда какая милая!

Былъ июль на дворѣ. Слѣзая я разъ изъ своей комнаты внизъ обѣдать (мы обѣдаемъ въ деревнѣ рано, въ два часа), на лѣстницѣ мнѣ попадаетъ Маруся, съ кислымъ лицомъ.

— Ну, братъ, знаешь, кто прѣѣхалъ? Аглая Петровна! Да еще на три недѣли! Говорить, ея матушка на воды уѣхала, а ей скучно одной, въ Глодной Веси!

— Вотъ такъ клюква! Такъ это мы, грѣшныя, должны ею наслаждаться! Мое почтеніе! Ну, ужъ, одолжила! Чтобъ ей пусто было... Чтобъ...

Я не докончилъ, махнулъ рукой и вошелъ въ столовую. Точно:—она тутъ, какъ тутъ.

Если я кого-нибудь ненавидѣлъ, такъ это Аглаиду, или, какъ ее зовутъ, Аглаю Петровну Любавину. Барыня—лѣтъ двадцати семи, вдова, вертлявая, съ искоманной физиономіей, не то рыжая, не то саврасая, съ сладкими глазами, вѣчно разряженная... Манерничаетъ, корчитъ изъ себя египетскую царину... Однимъ словомъ—бланманже ходячее. Четыре года тому назадъ, скончался ея супругъ (сжалился надъ нимъ Всевышній), и теперь она все себѣ муженька подыскиваетъ: мало ей, что одному несчастному устроила адъ на землѣ,—нѣтъ, подавай другого!

При ней говори по-французски, будь комильфотень, а то какъ разъ оборветъ: «Какъ юношество грубо, не воспитанно теперь!» такъ и скажетъ тебѣ прямо въ лицо. На, молъ, скушай!

За обѣдомъ, я почти не былъ со злости и исподобья слѣдилъ за ней. Вижу, она, какъ навлить, всѣ перья распустила. Тетѣ говорить, что она такъ рада ее видѣть, что даже не чувствуетъ усталости послѣ стоверснаго путешествія на лошадахъ (я думаю, тетя проклиная тотъ день, когда она съ ней познакомилась, пять лѣтъ тому назадъ, въ Баденъ-Баденѣ и, въ минуту слабости и мягкосердечія, позволила ей навѣщать насъ лѣтомъ); Сергѣя спрашиваетъ объ его путешествіяхъ, со-страдательно смотритъ на него—вѣрно, воображаетъ, что ея взгляды чудотворный бальзамъ отъ ранъ сердеч-

ныхъ! Марусѣ пророчить небывалый успѣхъ въ свѣтѣ, когда та начнетъ выѣзжать. Ну, Сахаръ Медовичъ, да и только! На Таню она глядѣла осторожно, не зная еще, съ какой стороны подѣхатъ, и каково ея положеніе въ семьѣ. И меня не забыла:

— Когда васъ въ офицеры произведутъ, милый Александръ Михайловичъ? съ самой обворожительной улыбкой спросила она.

— Когда будетъ производство, тогда и произведутъ!

Тетя укоризненно покачала въ мою сторону головой, а Аглая будто не слышала, начала какія-то турусы на колесахъ разводить Марусѣ. На этотъ разъ о комильфотѣ ни гу-гу!

Послѣ обѣда, Таня подошла къ Сергѣю:

— Мы будемъ заниматься сегодня? тихо спросила она его.

— Заниматься? Чѣмъ заниматься? вмѣшалась Аглая Петровна. У этой женщины была специальная способность слышать всегда то, что до нея вовсе не касалось.

— Я состою при Сергѣѣ Павловичѣ, въ качествѣ писаря, смѣясь, отвѣтила Таня, но тутъ же покраснѣла и отвела глаза.

Любавина долго и пристально поглядѣла сперва на нее, потомъ на брата и, обращаясь къ нему, съ дѣтски-невинною улыбкою проговорила:

— Какой, однако, у васъ хорошенькій писарь, Свѣтовъ? (она любила называть мужчинъ просто по фамиліи).— Съ нимъ, я думаю, много, очень много работы наработаешь?

Всѣмъ стало неловко.

Настало молчаніе. Сергѣй первый нашелся.

— Конечно, Аглая Петровна, тѣмъ болѣе, что для работы не лицо надо, а умъ и знаніе (онъ подчеркнулъ это слово)—а у моего помощника царь въ головѣ, во всѣхъ отношеніяхъ!

И онъ поклонился Танѣ, а та та и просіяла. Любавина прикусила губы.

— Однако, что за охота вамъ сидѣть въ комнатѣ! Сегодня такой чудный день! заговорила она.— Пойдемъ въ садъ! Займетесь при дурной погодѣ! И, вставъ, она положила свою руку на рукавъ Сергѣя и потащила, такъ таки и потащила его гулять. Какое нахальство! Я бы оттолкнулъ ее, паявку, а онъ—нѣтъ! Увѣрялъ меня потомъ, что это было бы дерзко съ его стороны. Они прогуляли до вечера, Таня ушла въ свою комнату, и потомъ весь день скучная была такая.

Вечеромъ произошелъ новый сюрпризъ:

— Я ужасно люблю верхомъ ѣздить! Есть-ли у васъ дамское сѣдло, Екатерина Александровна, все равно, хотъ старое, обтрепанное? спросила Аглая тетю.

Отвѣтили, что есть.

— Дайте мнѣ его!

Согласились.

— Но кто же будетъ моимъ кавалеромъ? продолжала она, обводя всѣхъ ласковымъ, но разсѣяннымъ взглядомъ, пока ея глаза не остановились на Сергѣѣ.

Тогда, точно потока, сладко-сладко вылилось изъ ея усть:

— Вы, Свѣтовъ?

— Если прикажете, съ удовольствіемъ! проговорилъ онъ, уже любезнѣе, чѣмъ днемъ, когда она поволокла его гулять.

На слѣдующій день прогулка состоялась (она встаетъ въ полдень) Прощай писанье и переписыванье, бѣдная Таня! Пропадали они часа три, вернулись, сидѣли въ саду съ тетей—потомъ ужинали, потомъ разговаривали въ гостиной. На другой день то же, на третій опять...

Она точно околдовала брата. Да такъ живо, что мы и не опомнились. Просто, приворотъ-травы дала! Онъ съ каж-

дымъ часомъ становился мнѣ и предупредительнѣе; сиживаль и хаживаль съ ней часами, некаль случая оставаться вдвоемъ, видимо скучаль, когда ея не было въ комнатѣ, смотрѣль лишь на нее одну и точно упивался каждымъ ея словомъ, каждымъ движениемъ. Онъ ухаживаль такъ открыто, такъ мало стѣсняясь, что оно бросалось всѣмъ въ глаза. Тетя, кажется, была этимъ недовольна, Маруся злилась, я же былъ взбѣшенъ, взбѣшенъ тѣмъ болѣе, что замѣчаль, какъ Таня грустила, уходила какъ-то сама въ себя и стала еще мрачнѣе, чѣмъ въ первыя недѣли своего пребыванія у насъ. Мнѣ стало ее жаль, до боли. Я старался всячески развлечь ее, и она за это время немного подружилась со мной, т.-е. мнѣ такъ показалось... Быть можетъ, я и ошибался. Да и то сказать, что я представлялъ изъ себя? Преданное ей сердце—больше ничего! Разговаривать умно и тонко я не умѣль, а наружный видъ такъ и вовсе подгуляль: длинный и худой, съ вздернутымъ къ небесамъ носомъ, съ маленькими голубыми глазами и гладко остриженной головой, большимъ ртомъ и очень неуклюжими манерами—самъ понимаю, что я былъ не Адонисъ!

VI.

Какъ-то разъ, недѣли три послѣ прѣзда Любвиной, я забрался, по обыкновенію, на башню, и тамъ, съ высоты своей обсерваторіи, вижу такую сцену: передъ замкомъ стоятъ осѣдланная лошадь, ихъ держитъ кучеръ въ поводу. Шагахъ въ десяти за большимъ каштаномъ пріютилась Таня. У ней книга въ рукѣ—она, видимо, читала на берегу рѣки; возвращаясь домой, замѣтила приготовленія къ кавальгадѣ и, не желая встрѣтиться, спряталась за дерево. Выходитъ Аглая, а за ней Сергій. Аглая подходит къ лошади, беретъ за рожокъ и уни-

раясь ногой на руку брата, ловко вскакиваетъ въ сѣдло. Онъ поправляетъ ей длинную амазонку, подаетъ хлысть, при чемъ цѣлуетъ ей руку, и потомъ, веселый и довольный, вскакиваетъ на лошадь. Они увѣзжаютъ крупной рысью. Я не могу разглядѣть Танинаго лица, вижу только, что она хватилась за голову и опротивѣю бѣжить въ замокъ. Черезъ минуту я слышу торопливые шаги по старой, подугнившей лѣстницѣ башни. Ближе, ближе... Она!

Увидя меня, Таня точно остолбѣнѣла.

— Вы, Саша, тутъ? еле слышно промолвила она.

— Да, я часто тутъ, Татьяна Григорьевна! проговорилъ я, не посмѣвъ называть ее Таней. Ея горе какъ-то возвысило ее въ моихъ глазахъ, я боялся показаться фамильярнымъ, обходясь съ ней, какъ прежде, за панибрата.

— Я вамъ мѣшаю... Я уйду! продолжалъ я. Мнѣ было ее сердечно жаль.

Она покачала головой.

— Вы мнѣ не можете мѣшать,—я, вѣдь, только такъ... Пришла полюбоваться видомъ.

Точно невѣдомая сила и мужество вошли въ меня, и, самъ не знаю, какъ, откуда храбрость взялась, я выпалилъ:

— Полноте, Татьяна Григорьевна! Вы не видомъ пришли любоваться, а вотъ чѣмъ...

Я показаль рукой на всадниковъ, ѣдущихъ теперь по шоссе, вблизи отъ замка. Это было впервые, что я рѣшался говорить ей о Сергѣѣ и о Любвиной.

— Саша, это что? Откуда вы это взяли?

— Глазъ у меня, что-ли, нѣтъ? Развѣ я не вижу, что вы мучаетесь, что она вамъ жизнь отравляетъ!

— Какъ вы смѣете...

Она хотѣла говорить строго, но ей

не удалось. Голосъ дрожалъ, и она не могла совладать ни съ нимъ, ни съ собою.

— Да, я смѣю, смѣю! Я ужъ не такой ребенокъ, какъ вы думаете! Я понималъ, что вы полюбили брата, что онъ начиналь привязываться къ вамъ, и вотъ, теперь, явилась эта анаема и все испортила!

Таня съѣла на послѣднюю ступеньку лѣстницы и закрыла лицо руками.

— Неужели всѣ это видѣли? съ отчаяніемъ проговорила она.

— Видѣли тѣ, которые васъ любають:—тетя, Маруся, да я.

— Боже мой! Боже мой! воплемъ вырвалось у нея.

— Мы видѣли и радовались счастью Сергѣя!

— Радовались?

Она подняла голову и въ упоръ взглянула на меня своими бархатными, славными глазами.

— Радовались? Чему же радовались? Развѣ я, бѣдная сирота, достойная жена для будущаго владѣльца всего этого богатства? (Она широкимъ жестомъ руки показала на зеленѣющіе лѣса и золотыя нивы, окружающіе замокъ). Ужель вы думаете, что, принятая у чужого очага, я отблагодарю ихъ тѣмъ, что сама завладѣю ихъ сыномъ и его достояніемъ? Нѣтъ, клянусь вамъ, Саша, у меня никогда въ помыслахъ этого не было... Я не понимала сама, какъ онъ мнѣ дорогъ... Я все считала за дружбу... Я поняла лишь теперь, теперь, что поздно!

Она неудержимо, истерически зарыдала. Я совершенно растерялся.

— Голубушка! Хорошая! Ради Самого Создателя, успокойтесь! лепеталь я, не зная, что сказать, какъ утѣшить.

Она продолжала рыдать.

— А тетя, что она обо мнѣ думаетъ? Ужель и она, и она...

Ее трясло, какъ въ лихорадкѣ.

— Мнѣ еще сегодня говорила руса, что тетя очень недовольна Сашей и все повторяетъ: я такъ дѣялась, что онъ полюбитъ мою Таню, а не эту бездушную кокетку!

Она улыбнулась сквозь слезы.

— Да вы не знаете, Татьяна Григорьевна, какъ мы всѣ любимъ, нимъ васъ!

Я даже замахаль руками, желая сдѣлать этимъ слова мои болѣе убедительными.

— Спасибо вамъ, Саша, вы брѣй...

— Радъ стараться! отпрапортовалъ я, стараясь развеселить ее; но это мнѣ не удалось.

Она опять закрыла лицо руками. Одни лишь стрижи чирикали, летя надъ нами, да вѣтеръ гуляль кругомъ играя ея волосами и выбивая и изъ-подъ широкой соломенной шляпы.

— И подумать только, что это образіе можетъ случиться! проговорила я, отвѣчая вѣдухъ собственнымъ мнѣніемъ.

— Что можетъ случиться? очунившись, спросила Таня.

— Эта глупая свадьба! Вѣдь, вижу, куда она льется. Онъ, простъ за ней волочится—такъ, развлеченъ ради! А, вѣдь, она законнаго брака хочетъ. Подлая!

И я погрозилъ кулакомъ наобумъ Авось, въ ея сторону пришлось, хотъ они уже давно скрылись изъ виду.

— Оставьте это, Саша. Свѣтовъ (голосъ ея сильно дрогнулъ при этомъ) воленъ въ своей женитбѣ, и не намъ съ вами вмѣшиваться въ это дѣло и судить о немъ...

Ея слова не успокоили меня. Я мучился чувствомъ собственнаго безсилія; я ничѣмъ, никакъ не могъ помочь ей, а между тѣмъ какъ хотѣлось подкузьмить хоть чѣмъ—нибудь эту ненавистную мнѣ бланманжху!

Таня протянула мнѣ руку.

— Еще раз благодарю васъ, за ваше участіе. Но, меня ради, оставьте все это... Въ особенности не говорите никому о нашемъ разговорѣ. Я и сама не знаю, какъ все это вырвалось у меня, ужъ больно на сердцѣ накипѣло...

Она сильно покраснѣла при этихъ словахъ.

— Общайтесь мнѣ, что вы сумѣете молчать? И она умоляюще посмотрѣла на меня.

— Ни словомъ, ни намекомъ! воскликнулъ я, и не выдержалъ: — неуклюже, неумѣло, но поднесъ ей руку къ губамъ.

Она улыбнулась и спустилась по лѣстницѣ внизъ. Я остался опять одинъ на башнѣ, одинъ, съ кипящей во мнѣ злобой и съ подавляющимъ чувствомъ собственнаго ничтожества. Мнѣ было такъ ясно все положеніе этого злополучнаго дѣла: у брата пока только шашни въ головѣ, но, она, Любавина, баба ловкая, сумѣетъ довести его за носъ до панерти церковной, а тогда ужъ поздно, пиши — пропало!

VII.

Въ этотъ же самый день, когда всѣ пошли уже спать, я побрелъ въ садъ. Мнѣ не спалось и не сидѣлось дома. Моя злость не только не улеглась, но даже усилилась. Весь вечеръ Сергѣй миנדальничалъ съ Любавиной, и она теперь вздумала дразнить Таню.

— Не правда-ли, Татьяна Григорьевна, говорила она ей, — вы мнѣ очень благодарны, что я вамъ устроила каникулы? Теперь, кажется, Свѣтовъ васъ больше не мучаетъ перепискою своихъ путевыхъ замѣтокъ?

Тутъ тетя не выдержала: —

— Я этому очень рада, сказала она, — такъ какъ Таня мнѣ уже раньше признавалась, что сильно устаётъ надъ этой работой. Теперь она отдохнула, и, послѣ вашего отвѣзда, у насъ

все опять войдетъ въ свою старую, родную колею. Не правда-ли, дѣти?

Сергѣй сильно покраснѣлъ; ему, видимо, былъ весь этотъ разговоръ крайне неприятенъ. Аглая прикусила язычокъ.

«Попалась, разлапушка! подумалъ я. — Ну, что взяла?»

Подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ всѣхъ этихъ передрагъ, я вышелъ изъ дому. Ночь была теплая, пахучая, пока, безлунная. Черныя тучи заволакивали небо; было душно, какъ передъ грозой. Шелъ я вяло, нога за ногу, и собирался уже вернуться въ замокъ — мнѣ не ходилось, какъ не спалось и не вѣлось сегодня... Вдругъ въ одной изъ аллей мнѣ послышался голоса. Кто бы могъ гулять такъ поздно вечеромъ, когда уже съ полчаса всѣ огни потушили? Я юркнулъ между деревьями и сталъ поджидать, чтобъ говорящіе поровнялись со мной. Это была опять та же пара, мой кошмаръ ходячій.

«Дай-ка я послушаю, о чемъ вы тамъ разглагольствуете въ тиши ночной, при блескѣ звѣздъ!» подумалъ я, и сталъ пробираться параллельно съ ними, скрываясь за деревьями, въ густой листьѣ сосенъ и березъ. Однако, не съ покойной душой, я крался, какъ фискаль, за ними; внутренній голосъ шепталъ мнѣ: «не хорошо, братья!» но я не слушалъ его и, весь превратясь въ олицетвореніе слуха, мучительно старался не проронить ни одного сказаннаго ими слова.

— Зачѣмъ вы такъ скоро хотите ѣхать? спрашивалъ Сергѣй, и его грудной, пріятный голосъ звучалъ какъ-то особенно нѣжно. — Ужель вамъ скучно у насъ?

— Повѣрьте, Свѣтовъ, если бы мнѣ было скучно, я-бъ осталась. Мнѣ слишкомъ хорошо... Я избѣгаю всего того, что доставляетъ мнѣ наслажденіе, что миритъ меня съ жизнью!

— Боже, какое драконовское правило! Но зачѣмъ же это? Вы такъ молоды, такъ красивы!

— Я это знаю... Васъ поражаетъ мой отвѣтъ своей самоувѣренностью, не правда-ли?

— Онъ меня радуетъ, напротивъ, доказавъ мнѣ еще разъ всю прямоту вашего характера.

— Хоть разъ вы ко мнѣ справедливы...

— Аглая Петровна!

— Извините, Свѣтовъ! Но — я чувствую, я всей душой сознаю, что и вы, *даже вы*, не поняли меня... Да и не поймете никогда!

— Я понимаю, что вы самая милая, самая очаровательная женщина, которую я когда бы то ни было встрѣчалъ!

Они дошли до скамейки, стоявшей, къ счастью, съ моей стороны аллеи, и сѣли на нее. Я шмыгнулъ въ кусты, сталъ по правую руку брата, нарочно подальше отъ ненавистной мнѣ Аглаи, и тотчасъ окаменѣлъ на мѣстѣ.

— Самая очаровательная, и только... проговорила Любавина. — Вы сами теперь отвѣтили на вашъ вопросъ, отчего я не могу больше оставаться въ Костельницахъ!

— Объяснитесь, ради Бога! Вы сегодня задаете мнѣ шарады, а я не мастеръ ихъ разгадывать!

— Какія шарады!.. Я хорошенькая женщина, ну, вы и смотрите на меня, какъ на таковую!

— Ужель вы не видите, что я люблю васъ, что дорого далъ бы, чтобъ узнать васъ поближе, что я буду скучать, когда васъ не будетъ? съ жаромъ возразилъ Сергѣй.

— Скучать, когда у васъ развлеченіе всегда подъ рукой? А Таня? Она, вѣдь, тоже можетъ разсѣять вашу вѣчную хандру!

— Таня? съ недоумѣніемъ повторилъ онъ. — Она развлекать не можетъ...

Она... Онъ запнулся, ища словъ и находя ихъ.

— Ага! вотъ видите, договорились смѣясь недобримъ смѣхомъ, возразила Любавина. — Таня развлекать можетъ! Вы не смѣете сдѣлать нея грушкю! Къ ней вы относитесь уваженіемъ...

— Аглая Петровна, умоляю васъ!

— Нѣтъ, выслушайте меня до конца! Я этого хочу, я этого требую. Ужель вы полагаете, что я не вижу какими глазами вы на меня смотрите? Какую роль вы хотите, чтобъ я играла въ вашей жизни? И этой роли на себя не приму (голосъ ее задрожалъ); я люблю васъ, Свѣтовъ, и потому бѣгу отъ васъ... Я боюсь... себя боюсь... Потому, когда-нибудь, узнаете, какъ вы ошиблись... какъ вы оскорбили самое чистое, самое святое чувство женщины... Но, да проститъ васъ Богъ!

Сергѣй нагнулся къ ней и схватилъ ее обѣ руки.

— Аглая! Ты клеветишь на меня. Я не такой... Я уважаю и люблю тебя.

— Докажите это, Свѣтовъ, тогда только я повѣрю! тихо, нѣжно прошептала она, прильнувъ головой къ его груди.

Мнѣ показалось, что отъ этого прикосновенія дрожь пробѣжала по ея тѣлу... Онъ, точно въ ошьяненіи, отвѣчалъ ей:

— Что долженъ я сдѣлать, чтобъ ты повѣрила, чтобъ ты сдѣлалась моей?

— Поклянись мнѣ въ твоемъ чувствѣ... Вѣдь, мы оба свободны... Тогда тогда только я повѣрю... чуть слышно, точно дуновеніе вѣтерка, прошептала она.

Страстный, порывистый отвѣтъ прозвучалъ въ ночной тиши:

— Радость моя! Я на все, на все сог...

Неудержимо, какимъ-то подавлен-

нымъ, беззвучнымъ, не человѣческимъ шопотомъ, у меня вырвался:

— Не надо! не надо!

Я самъ ужаснулся своего голоса и обомлѣлъ, увидавъ дѣйствіе моихъ словъ.

Сергѣй вскопчилъ — на него было страшно смотрѣть (луна выплыла изъ-за тучъ, и свѣтъ ея прямо падалъ на него); весь блѣдный, съ блуждающими глазами, трясясь всѣмъ тѣломъ, онъ глухо прохрипѣлъ:

— Нѣтъ, я тебя не забуду... Прости меня... Я безумецъ... И не отвѣчая на встревоженный вопросъ Любавиной, онъ опрометью пустился по аллеѣ и исчезъ въ глубинѣ сада.

Нѣсколько секундъ я стоялъ ошеломленный на мѣстѣ, рѣшительно не понимая, что случилось. Сергѣй, вѣрно, разслышалъ мои слова... Но, что было въ нихъ? Чѣмъ объяснить его ужасъ, его панику? И Любавина, видимо, была поражена. Она развела руками, подождала немного, потомъ, злобно топнувъ ногой объ землю, встала и ушла въ замокъ. Когда она скрылась, я тоже пошелъ домой.

На слѣдующее утро, я узналъ отъ людей, что братъ въ шесть часовъ утра уѣхалъ на станцію, простившись только съ тетей.

«Эту шараду надо разгадать, однако», подумалъ я, и, узнавъ, что всѣ внизу, побѣжалъ въ гостиную. Тамъ я нашла всѣхъ въ сборѣ, даже Аглая Петровна, и та была налицо (вѣрно, не спалось ей эту ночь).

Тетя сидѣла на диванѣ и медленно, съ разстановкой, точно обдумывая каждое слово, рассказывала, что Сергѣй, желая воспользоваться остаткомъ отпуска, рѣшился ѣхать на мѣсяцъ въ Парижъ, и что онъ болѣе сюда не заглянетъ, а вернется прямо въ Петербургъ. Рѣшился онъ на это давно, но, по скрытности своего характера, ни съ кѣмъ не говорилъ о своемъ

намѣреніи. Даже ей онъ сообщилъ свои планы только три дня тому назадъ.

Я взглянулъ на Любавину: она и глазомъ не моргнула, точно рѣчь шла не о Свѣтовѣ, а о Царѣ-Горохѣ. Признаюсь, въ эту минуту я любовался ею — молодецъ-баба, да и только!

Маруся, видимо, торжествовала; а Таня — та просто огорошила меня! Она, молча, вязала одѣяло, безучастно глядя на свою работу... Я просто не узналъ мою недавнюю собесѣдницу на башнѣ — тамъ былъ человѣкъ, тутъ — каменное изваяніе. Черезъ день послѣ отъѣзда брата, Любавина вернулась во-свояси. Скатертью дорожка! Послѣ долгаго раздумья, я рѣшился молчать о ночномъ происшествіи.

VIII.

Прошло шесть мѣсяцевъ. Настали Рождественскіе праздники. Мы снова сидимъ съ Сергѣемъ въ библиотекѣ нашего петербургскаго дома. Весело пылаютъ въ каминѣ дрова, и пламя фантастически освѣщаетъ комнату. Уже начинало темнѣть. Сидимъ мы и притворяемся, что читаемъ, — надо соблюсти приличіе; нельзя два часа сидѣть другъ передъ другомъ и молчать, а говорить мы не можемъ, — очень ужъ кошки скребутъ на сердцѣ.

Дверь тихо отворяется; входитъ Маруся.

— Что? спрашиваемъ мы въ одинъ голосъ.

— Все то же... Бредить... монотонно, беззвучно повторяетъ она давно ужъ знакомый намъ отвѣтъ.

Вотъ шестой день, что мы слышимъ эту фразу, и она скоро приведетъ насъ въ изступленіе.

Маруся очень похудѣла за это время; мнѣ больно смотрѣть на нее, на ея усталый, измученный видъ.

— Что есть, то и должно было быть! проговорила она на этотъ разъ

— Какъ такъ? спросилъ Сергѣй.

— Она искала болѣзнь и нашла ее. Вѣдь, всю зиму она прилагала всѣ усилія, чтобъ схватить простуду. Удивляюсь только, какъ это воспаленіе въ легкихъ не обнаружилось раньше? Ей жизнь надоѣла... Какъ часто она говорила, что ей жить не зачѣмъ, что она никому не нужна!

Маруся смолкла.

Сергѣй нетерпѣливымъ движеніемъ отодвинулъ лежавшую передъ нимъ книгу, всталъ и началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Что говоритъ докторъ? Когда ждать онъ кризиса? спросилъ онъ, нахуля брови.

— Онъ самъ не знаетъ! махнувъ рукой, отвѣтила сестра.

Тутъ я не выдержалъ и угоризненно проговорилъ, глядя въ упоръ на брата.

— Сергѣй, зачѣмъ ты все это надѣлалъ? Какъ тебѣ не стыдно, право!

Онъ остановился передо мной. X

— Что я сдѣлалъ? изумленно спросилъ онъ.

— Ужель ты не видѣлъ, ужель ты могъ не понять, что ты, одинъ ты, — виновникъ Таниной болѣзни? Какъ! Ты мужчина, знающій людей и жизнь, ты не зналъ, предлагая твою дружбу Танѣ, разговаривая и работая съ ней цѣлыми часами вмѣстѣ, что ты неминуемо кончишь тѣмъ, что сдѣлаешься героемъ ея романа? Ужель ты сознательно дѣлалъ это и, достигнувъ цѣли, пытался промѣнять ее на Любавину, которую потомъ бросилъ, невѣдомо, зачѣмъ!..

Сергѣй стоялъ блѣдный и глубоко взволнованный. Губы его дрожали.

— Ты въ эту минуту такъ несправедливъ ко мнѣ, какъ умѣютъ быть только юноши! проговорилъ онъ почти шопотомъ, видимо, боясь разсердить себя звукомъ собственного голоса. — Предлагая мою дружбу Татьянѣ Григорьевнѣ, я предупредилъ

ее, что моя пѣня сѣта (ты сдѣлалъ свидѣтелемъ нашего разговора значить — я не обманывалъ ее. С матушка пожелала, чтобъ она замалась со мной — и такъ, въ эту я тоже неповиненъ. Любавиной дѣйствительно, увлекся, но она побовала отъ меня невозможнаго! Мнѣ не было дозволено исполнить ея ланія... добавилъ онъ скороговоркой. Впрочемъ, я и не плачу объ этомъ. Я не любилъ ее душой! Всю зиму Таня упорно избѣгала меня; я старался снова сблизиться съ ней, она этого не хотѣла... Ты самъ видишь, какъ безпокоитъ меня ея болѣзнь! Я не только не перемѣнилъ по отношенію къ ней, но, быть можетъ... Онъ запнулся и, не докончив своей мысли, добавилъ: — Въ чемъ я виноватъ?

Сдержанныя слова брата успокоили меня; я покраснѣлъ и, уже оправдываясь, отвѣтилъ:

— Маруся увѣряетъ, что, въ бреду, она только тебя и зоветъ... все тебѣ говорить!

— Да! подтвердила сестра.

— Бѣдная! прошептала Сергѣй. Онъ снова началъ нервно ходить по комнатѣ. — Что-жъ мнѣ дѣлать! Вѣдь, я могу, не смѣю!

Глубокое страданіе выразилось въ его честномъ, откровенномъ лицѣ. Видимо, страшная борьба, старая борьба вновь поднялась въ его сердцѣ, и онъ не зналъ, на что рѣшиться, не зналъ, какъ поступить.

— Чего ты не можешь, Сергѣй, громко спросилъ я его.

Онъ вздрогнулъ.

— Я не могу... Я не могу... жениться, съ трудомъ проговорилъ онъ. А между тѣмъ, если я, дѣйствительно, хоть и противъ моей воли, былъ причиною всего этого несчастія — вѣдь, какъ же иначе поправить мою ошибку? Какъ честный человѣкъ, я не могъ

это оставить, такъ... путался онъ въ словахъ и мысляхъ.

— Знаешь, Сергѣй, о свадьбѣ ты не думай! съ достоинствомъ произнесла Маруся.

— Если ты не любишь Таню, она никогда не согласится, чтобъ ты изъ жалости или изъ чувства чести женился бы на ней!

Сергѣй съ чуть замѣтной проноіею взглянулъ на сестру.

— Какъ мало ты знаешь человѣческое сердце вообще, и мое въ особенности, проронилъ онъ.

И впрямь, Маруся мало что знала по этой части; я же давно понималъ, что Сергѣй не цѣнилъ Таню, пока она такъ дорожила имъ, а теперь, когда въ теченіе всей зимы она обдавала его холодомъ, тутъ-то онъ и полюбилъ ее. Но я понималъ въ эту минуту еще другое: теперь только мнѣ стала ясна причина его бѣгства отъ чаръ Любовиной, въ достопамятную мнѣ ночь, въ Костельникахъ. Однако на мой вопросъ я не получилъ отвѣта, и потому снова пошелъ въ атаку.

— Отчего же ты не можешь жениться?

Сергѣй вдругъ поднялъ голову:

— Вы не повѣрите, вы не поймете... Она сама говорила мнѣ... Сама покойница запретила... началъ онъ и становился.

Маруся широко раскрыла глаза—она знала про увлеченіе брата спиритизмомъ, но не думала, чтобъ онъ жь до такой степени поддался ему. Далѣе молчать было бы не честно.

— Твоя покойная жена не хотѣла опустить твоего брака съ Любовиной? казалъ я, стараясь говорить спокойно. Онъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на меня.

— Это было наканунѣ твоего отъезда, въ Парижъ, ночью, въ саду? продолжалъ я все такъ же невозмутимо.

— Откуда ты знаешь? удивился Сергѣй.

— Извини меня, Сергѣй, за невольный обманъ: голосъ, который ты слышалъ, былъ не загробный, а мой!

И я подробно разсказалъ, какъ было дѣло.

Сергѣй, какъ стоялъ, такъ и остался минутъ пять, какъ вкопанный, на мѣстѣ. Я разсказалъ, какъ онъ прошепталъ:

— Неужели это было такъ все время?.. И я обманывалъ самъ себя...

Вдругъ, онъ живо подошелъ ко мнѣ, съ протянутой рукой.

— Спасибо, Самута! Я тебѣ вдвойнѣ благодаренъ: за то, что ты, хоть и безсознательно, но не допустилъ меня сдѣлать величайшую глупость—жениться на такой женщинѣ, какова Аглая Петровна, и за то, что ты теперь освободилъ меня отъ тѣхъ тяжелыхъ колодокъ, въ которыя я самъ заковалъ себя!

И лицо его просіяло. Такимъ радостнымъ и веселымъ мы его уже много лѣтъ не видали.

— Пойми я раньше, въ чемъ дѣло, я бы раньше сказалъ тебѣ! воскликнулъ я.

— Раньше и не надо было говорить! Ты, у меня, молодець... выбралъ самое время! сказалъ онъ, блаженно и хитро улыбаясь, и поцѣловалъ меня.

На девятый день у Тани былъ кризисъ и, слава Богу, прошелъ благополучно. Въ концѣ февраля, ужъ она была молодцомъ.

Въ апрѣлѣ, когда, послѣ вѣнчанія, мы провожали Сергѣя и Таню Свѣтовыхъ на вокзалъ Варшавской желѣзной дорогѣ, я передъ третьимъ звонкомъ удлучилъ минутку и, подойдя къ ней, шепнулъ:

— Возвращайтесь скорѣй домой, Таня! За границей хорошо, а повѣрьте, все же лучше у родного очага!

НА КОВРЪ-САМОЛЕТЪ.

Стихотвореніе Аполлона Коринфскаго.

Снилось мнѣ: ты—царь-дѣвица,
Я—Иванъ-царевичъ твой,—
А любовь у насъ—жарь-птица;
Гусли струнный со мной...
На коврѣ на самолѣтѣ
Въ неразгаданную высь—
Въ нашѣмъ сказочномъ полѣтѣ—
Вмѣстѣ съ вѣтромъ мы неслись;
Выше всѣхъ кремлей и башенъ
Былъ нашъ путь въ безвѣстный
край...
Былъ расшитъ и разукрашенъ
Соболиный твой шугай...
Днемъ отъ солнца мы съ тобою
Укрывались фатой;
Ночью намъ свѣтилъ звѣздою
Твой кокошникъ золотой...
Развѣвалась въ синей дали
Цареградская фата,
Алой зорькою пылалъ
Молчаливыя уста...

Убаюканные снами—
Мы любили глубоко;
Наше счастье было съ нами;
Наше горе—далеко...
Въ цѣломъ свѣтѣ только двое
Счастьемъ-радостью полны;
Мы—случайные герои
Стародавней старины...
Здѣсь, въ выси небесъ лазурной
Нѣтъ враговъ и нѣтъ друзей,
Нѣтъ волнений жизни бурной,
Нѣтъ бунтующихъ страстей...
Здѣсь съ тобой мы знали оба,
Что безсильны навсегда
Противъ насъ лихая злоба,
Въ дружбѣ скрытая вражда,—
Что непрощеннымъ участіемъ
Не отравятъ каждый часъ
Нашимъ счастьемъ—тихимъ сча-
стьемъ—
Попрекающіе насъ...

СВѢТЛАНА.

Разсказъ графа А. В. Соллогуба.

I.

На ютъ раздался голосъ вахтеннаго: «Человѣкъ за бортомъ!»

Все судно вдругъ ожгло. Вся жилая палуба вмгъ опустѣла. Матросы, перегоня другъ друга, высыпали черезъ люки къ бортамъ. Изъ каютъ-компаніи бросились офицеры, покинувъ начатый обѣдъ, вверхъ по трапу, и, взобравшись на мостикъ юта, стали всматриваться въ бѣлую, пѣнистую борозду, которую оставилъ за собой «Олегу». Точно черная точка, уже далеко видѣлась чья-то голова. Она то исчезала, то снова показывалась на макушкѣ веселой волны. Дулъ тихій, ровный вѣтеръ, играя моремъ, и маленькія волны, тоже точно играя, переливались ярко озаренныя тропическимъ солнцемъ. Кругомъ предѣльная синева, словно мириадами блѣстоукъ, серебрилась бѣлою пѣной волнъ въ безконечномъ пространствѣ. Тамъ, на горизонтѣ, море сливалось съ яркимъ куполомъ неба. Голубоватая поволока зноя скрывала край, гдѣ кончалось море и начиналось небо.

И въ этотъ чудный день, подъ палящими лучами безмятежнаго солнца, на глазахъ сотенъ людей, погибала человѣческая жизнь.

— Кто это?

— Откуда онъ упалъ?

— Матросъ?

— Офицеръ? раздавались вопросы.

Ютовый матросъ ничего не зналъ. Онъ случайно обернулся и увидалъ барахтающагося въ морѣ человѣка, но распознать его не могъ.

— Господи помилуй! раздался вдругъ чей-то голосъ, и раньше, чѣмъ кто-либо могъ шевельнуться, съ периль юта, головой внизъ, летѣлъ въ море только-что вскочившій на ютъ офицеръ.

— Васюкъ! послышались восклицанія, и всѣ замерли...

Но вахтенный начальникъ не дремалъ. Уже быстро готовился катеръ № 2, и «Олегу» становился въ «дрейфъ». Сотня рукъ стояла на таляхъ, а шлюпочные снимали чехлы и готовили весла. Подвахтенный, — высочій, бѣлокурый мичманъ Мининъ, стоялъ уже въ катерѣ, качавшемся еще на «шлюпъ-балкахъ».

— Трави, командовалъ боцманъ, и въ то время, какъ «Олегу» напоромъ вѣтра, дувшаго въ нарочно поставленные противъ него передніе паруса, вдругъ всталъ, какъ вкопанный, катеръ заколыхался уже на водѣ.

— Навались, ребята! крикнулъ гребцамъ Мининъ, стоя на рулѣ. Катеръ, высоко подпрыгивая на хребтахъ волнъ, неся къ мѣсту, гдѣ видѣлись головы двухъ несчастныхъ. Какъ команда катера, такъ и всѣ стоявшіе вдоль бортовъ сослуживцы, хорошо знали, что не одна опасность утонуть угрожала обоимъ морякамъ. Утонуть — не важная штука, а вотъ живо быть обглоданнымъ или съѣденнымъ какимъ-нибудь морскимъ чудовищемъ, — вотъ чего боится всякій, даже самый неустрашимый морякъ.

— Господи, сохрани ихъ! перекрестившись произнесъ священникъ, также пришедшій посмотрѣть, въ чемъ дѣло.

Точно сговорившись, всѣ обнажили головы и перекрестились.

На морѣ, — не то что на землѣ. Какъ ни будь розни характеры людей, ихъ вкусы, возрѣнія, какъ бы сильна ни была ихъ неприязнь — на суднѣ, во время опасности, — вся команда составляетъ одно цѣлое, одну семью. Каждый знаетъ, что не сегодня — завтра товарищъ понадобится, что онъ выручитъ, что безъ него не обойдется, и это невысказанное чувство такъ сплачиваетъ людей, что жизнь на кораблѣ — братство съ невысказанной, но на дѣлѣ существующей нравственной круговой порукой.

— Гордѣвъ гдѣ? спросилъ кто-то.

— Спитъ, вѣроятно, онъ недавно только вахту сдалъ.

— Въ каютѣ его нѣтъ....

— Батюшка, ужъ не онъ-ли? замятилъ кто-то.

Минуты черезъ двѣ вернувшіеся съ розысковъ подтвердили, что Гордѣва нигдѣ нѣтъ.

— Такъ и есть... Онь!..

— Васюкъ-то его спасать бросился...

— Чудны дѣла твои, Господи! про- бормоталъ кто-то.

Офицеры переглянулись.

Имъ хорошо было извѣстно, что хотя по службѣ я товарищи, но Гордѣвъ и Васюкъ ненавидѣли другъ друга такъ, какъ только двое мужчинъ могутъ ненавидѣть.

* * *

Въ этотъ же самый день, вечеромъ, въ каютѣ Минина собрались двое товарищей, и онъ по секрету разсказывалъ имъ то, что весь день скрывалъ отъ другихъ:

— Сто лѣтъ буду жить, а сегодняшняго дня не забуду, говорилъ онъ. — Еще издали видѣлъ я, какъ Васюкъ надъ водой поддерживалъ голову Гордѣва. Мы уже совсѣмъ близко были, и я приказалъ: «суши весла!». Вдругъ Гордѣвъ открылъ глаза. Онь, видимо,

только тутъ узналъ своего спасителя. Весь онъ дрогнулъ, выпрямился, схватилъ Васюка за горло объими руками. Я могъ только разслышать. Гордѣвъ прохрипѣлъ: «Кто вастиль?», и оба исчезли. — Господи, чено! думалось мнѣ. Командую: «три въ оба». Притаивъ дыханье, дили мы, не покажется-ли подѣ въ черное пятно. «Идутъ!» закричавъ вдругъ носовой матросъ. Можешь представить — я разсмѣялся. Нервно вѣроятно. Дѣйствительно, они были два тѣла. Скомандовалъ я: «нець приготовить!» и какъ только вздувшійся сюртукъ одного изъ нихъ показался надъ поверхностью, я командомъ задѣлъ за него. Матросы запили тѣла концомъ веревки, и черезъ минуту оба они, точно мертвые, бѣдженія, лежали на днѣ катера. Я гребной научилъ меня — поднять и ноги выше головы, и сейчасъ же въ такъ и хлынула у нихъ изо рта. Въ едва могли мы ихъ расцѣпить, такъ вцѣпились они одинъ въ другого. У Васюка и теперь еще вся шея въ кровобосы!..

II.

Морское собраніе въ Кронштадтѣ ярко блестя огнями. Военный оркестръ уже болѣе часу, что есть силы, отвачиваетъ мазурку, а лихіе моряки стремительно посяютъ изъ угла въ уголь, ловко откидывая и притопывая ногами. Балъ въ полномъ разгарѣ. По раскрасѣвшимся личикамъ дамъ видно, что гостепріимные хозяева не даютъ гостямъ отдыха. И дѣйствительно, залъ полонъ весельемъ. Даже почтенныя матушки, тетюшки и сѣдые власы адмиралы, прижавшись къ стѣнкамъ, какъ-то помолодѣли, глядя на танцующихъ. Глаза ихъ такъ искрятся. Вспоминаютъ они былые дни, когда и они...

— Плехть или дагльсь*)? весело улыбаясь и подводя къ дамѣ двухъ кавалеровъ предложила, вся сіяющая радостью, молодая дѣвушка, нарочно выбрать морскія выраженія.

— Плехть, отвѣтила та, которую спрашивали, и понеслась по залѣ со своимъ кавалеромъ. Оставшаяся барышня также подала руку другому офицеру.

— Вамъ кажется досадно, что Васюкъ не вамъ достался? зло улыбаясь, спросилъ молодой офицеръ.

Та, не отвѣчая, подняла на него глаза и укоризненно посмотрѣла на него.

— Ну, Свѣтлана, не буду, сухо засмѣялся онъ и, посадивъ ее на стулъ, быстро удалился въ уголъ залы и, скрестивъ руки, издали сталъ наблюдать за молодой дѣвушкой, не сводя съ нея глазъ.

Офицеръ этотъ, Николай Николаевичъ Гордѣевъ, былъ высокаго роста, молодой человекъ, лѣтъ двадцати шести. Онъ былъ, положительно, красивъ, и лишь немногимъ не нравился его странный, выразительный ротъ. Тонкія, рѣзко очерченныя губы ясно показывали, что Гордѣевъ имѣлъ твердый, непреклонный нравъ, что чувство мягкости, доброты—не въ его характеръ.

Молодая дѣвушка, которую онъ называлъ Свѣтланой, не выдѣлялась красотой. Черты ея лица были неправильны, ее можно было легко и не замѣтить, но стоило только заговорить съ ней, какъ что-то чарующее, обаятельное во всемъ ея личикѣ, въ выраженіи чудныхъ большихъ карихъ глазъ, приковывало къ ней новаго знакомаго. И старъ, и младъ испытывали ея вліяніе. Многимъ женщинамъ врождено кокетство. Дурно направленное, оно рождаетъ женщину. Если кокетство—пусть къ извѣстной цѣли, то какъ бы женщина ни была привлекательна, чуткій умъ

всегда распознаетъ фальшивое, и женщину осудить. Есть женщины, въ которыхъ чарующее кокетство врождено, оно будто составляетъ часть ихъ существа. Онѣ безъ него жить не могутъ. Кокетство это состоитъ не въ желаніи нравиться, а въ сердечномъ стремленіи сдѣлать каждому что-нибудь приятное, чѣмъ-нибудь всякаго обрадовать, такъ сказать, сердцемъ пріютить. Такова была Свѣтлана. Она кокетничала со всѣми: со старымъ холостякомъ-адмираломъ З., который, ворча: «шкваль ея возьми, пугалица какая», любилъ ее, точно родную дочь. Кокетничала она со своей собачкой «Вобъ», который щетинился и показывалъ рядъ бѣлыхъ блестящихъ зубовъ, когда кто-нибудь подходилъ къ его госпожѣ. Кокетничала со своей старой наней-старушкой, которая уже который годъ мѣдяками откладывала въ кассу,—старый чулокъ—гривны и рубли, для своего ненагляднаго Свѣтика, про черный день. А съ отцомъ чего она не выдѣлывала? Всѣ привычки стараго моряка знала она, и какъ потѣшала она «морского ежа»,—такъ онъ самъ себя называлъ,—когда, въ домашнемъ обиходѣ, она, бывало, такъ и сыплетъ морскими выраженіями:

— Свѣтикъ! крикнетъ Михаилъ Петровичъ?

— Есть! откликнется дочь.

— Который часъ?

— Шестая склянка въ исходѣ! отвѣтитъ Свѣтикъ.

— Ты уже, папа, въ каютъ-компаніи посиди, у насъ сегодня авральная работа идетъ, попроситъ Свѣтлана, и морской ежъ, зная, что идетъ генеральная чистка, съ смиреніемъ идетъ въ гостиную.

Свѣтланѣ было семнадцать лѣтъ. Она себя называла старой дѣвой, а когда подруги спрашивали ее, кто изъ молодыхъ людей ей боль-

ше всѣхъ нравится, она отвѣчала: «всѣ».

Для нѣкоторыхъ женщинъ роковой часъ душевныхъ испытаній пробиваетъ очень рано, для другихъ—поздно, для третьихъ—онѣ никогда не приходитъ. Последнія разбиваются данное имъ природою сокровище душевной жизни на мелкую монету. Кто изъ нихъ счастливѣй—вопросъ далеко не рѣшенный. Но Свѣтлана была изъ послѣднихъ. Она ни о комъ не задумывалась. Ни чей образъ не преслѣдовала ее въ ночной тиши, ничье имя не заставляло трепетать ея дѣвичье сердце. Быть только тогда было хорошо, когда она чувствовала, что она нравится, что она служитъ источникомъ веселаго счастья для другихъ, хотя бы и мимолетнаго.

Въ это самое время, мѣсяца за два до бала въ морскомъ собраніи, къ Михаилу Петровичу Гаврилову явились, въ одинъ и тотъ же день, двое офицеровъ, въ полной парадной формѣ, и, къ неопisanному удивленію «морского ежа», просили у него руки его дочери.

«Господи, какъ же это, думалъ старый морякъ,—едва изъ пеленокъ, и вдругъ...»

И онъ посмотрѣлъ на дочь и впервые убѣдился, что дѣтство ея прошло, что наступаетъ суровая истина жизни.

У Михаила Петровича была только одна дочь.

Жена его скончалась послѣ первыхъ родовъ, и капитанъ, выйдя въ отставку, остался жить въ Кронштадтѣ, экономія и привычки ради, и всецѣло занялся воспитаніемъ маленькой Свѣтланы.

Одинъ изъ молодыхъ людей былъ Гордѣевъ; другой—Василій Сергѣевичъ Любимовъ—или, какъ его всѣ со школьной скамьи корпусъ звали, «Васюкъ». Васюкъ былъ молодой человекъ, какихъ, къ чести русскаго флота, много най-

дется между нашими моряками. И открытое, дышащее здоровьемъ и сельемъ, лицо располагало къ не всякаго. Онъ былъ, что называется «душа на расшанку», и это всякій знавалъ. Для Васюка прать рѣшиться пускаться въ дипломатію, «финтить» какъ онъ самъ выражался, было немислимо.

Морской ежъ, застигнутый врасплохъ, сталъ въ «дрейфъ», т. е. отклонилъ отъ себя всякую отвѣтственность, благодарилъ за честь и объявилъ, что онъ предоставляетъ своею дочери самой упрочить собственную судьбу.

И вотъ оба молодые моряка, каждый по-своему, стали стараться завоевать себѣ счастье. Гордѣевъ пустилъ въ ходъ всѣ уловки уже давно испытанныхъ побѣдъ. Онъ былъ уменъ, ловокъ и не останавливался ни передъ чѣмъ. Но ни томные взгляды, ни самая восторженная, страстная рѣчь, не могли тронуть безмятежное спокойствіе Свѣтланы.

Васюкъ любилъ, какъ ему Богомъ на душу было положено. Онъ неловко, безъ всякихъ подходовъ, признался Свѣтланѣ въ своей любви и несказанно былъ радъ, когда она на него обращала вниманіе. Но и онъ хорошо понималъ, что молодая дѣвушка ни разу еще не посмотрѣла на него такъ, какъ глядѣли на него иногда другія, чувствующія къ нему склонность, барышни.

Оба моряка хорошо знали, что они соперники. Гордѣевъ сразу возненавидѣлъ Васюка, а послѣдній, хотя и ревновалъ къ нему иногда, но, подумавъ, всегда извинялъ ему.

«Пусть свое счастье попробуетъ», рѣшалъ онъ, и великодушно прощалъ своему бывшему по училищу товарищу.

Разъ, вечеромъ, Свѣтлана, раздѣ-

*) Прозваніе икорей.

ваясь, чтобы ложиться спать, была что-то очень задумчива.

— Что это ты, как будто пригориюнилась? спросила ее встревоженная няня.

— Новость, няня, большая новость! Ко мнѣ, няня, сваталась...

Няня заплакала и стала причитать. Свѣтлана не могла какъ слѣдуетъ понять заувывную, плаксивую рѣчь старушки, и только разлыгала послѣднія слова ея:

— ...И утащить онъ, словно коршунъ, нашу свзую голубку за тридевять земель!..

— Кто это онъ? спросила ее Свѣтлана.

— Вѣстимо кто, женихъ-то твой, аль подождать не могъ...

— Да который, няня?

— Какъ который?

— Да ихъ, няня, двое...

Старушка такъ и всплеснула руками.

— Такъ ихъ двое! Господи, какъ же это? Вѣдь, выберешь же ты одного изъ нихъ?

Свѣтлана молчала.

— Знаешь, няня, вдругъ начала она, — ужъ если мнѣ непременно нужно было выйти замужъ, знаешь, кого бы я выбрала?

«Заговорило сердечко», подумала тревожно няня, и, вся похолодѣвъ отъ волненія и какъ можно мягче, спросила:

— Кого же ты, Свѣтикъ, выбрала бы?

— Непременно бы папу, отвѣчала Свѣтлана, кутаясь въ одѣяло и закрывая глаза.

Вернувшись въ свою комнату и долго копошась тамъ за штопаньемъ какого-то бѣлья, старушка такъ и заливалась добрымъ старческимъ смѣхомъ, вспоминая отвѣтъ своего Свѣтяка.

III.

Однако, въ дѣлахъ сердца, такъ же, какъ и въ другихъ дѣлахъ, моряки мѣшкать не любятъ. Какъ Гордѣевъ, такъ и Васюкъ не пропустили случая, чтобы подвинуть свои дѣла. Бѣдная Свѣтлана не знала, что и дѣлать. Гордѣева она считала самымъ умнымъ и ученымъ человекомъ всего земного шара. Она даже немного боялась его. Васюкъ ей нравился, какъ товарищ; она съ нимъ не церемонилась и отъ души смѣялась его выходкамъ и шуткамъ.

День шель за днемъ, а она не рѣшалась.

Скоро начиналась кампанія. Офицеры распредѣлялись по судамъ. До весны оставалось лишь нѣсколько недѣль. Васюкъ не думалъ о будущемъ, онъ жилъ со-дня-на-день, пользуясь проблесками счастья вблизи Свѣтланы. Богъе практичный Гордѣевъ, предвидя разлуку и хорошо сознавая нерѣшительность Свѣтланы, придумалъ средство для достиженія своей цѣли.

На бѣломъ свѣтѣ всегда находятся такія благодѣтельницы, которыя по страсти разыгрываютъ свахъ. Гордѣевъ, зная весь Кронштадтъ, нашель вліятельную кумушку, которая, взявъ дѣло въ свои руки, повела его такъ успѣшно, что черезъ двѣ недѣли, неожиданно для самой Свѣтланы, она сдѣлалась невѣстой Гордѣева.

Васюкъ, узнавъ о домолювкѣ Свѣтланы, какъ-то притихъ отъ горя. Съ лица его исчезло веселье; онъ нигде не показывался.

Ревностно исполняя свои служебныя обязанности, онъ почти нигдѣ не бывалъ, и, какъ ни старался развлечь его товарищи, онъ отвѣчивался отъ приглашеній и почти не выходилъ изъ своей маленькой квартирки. Пуще всего боялся онъ встрѣтиться со Свѣтланой — не такъ избѣгалъ быть свидѣ-

телемъ торжества товарища, какъ неприятна ему была близость отношеній жениха и невѣсты. Вѣсть о помолвкѣ Гордѣева облетѣла весь городъ, и къ маленькому домику Гаврилова то и дѣло подѣзжали гости съ поздравленіями и благопожеланіями. Свѣтлана была, какъ въ чадѣ. Ее радовали подарки, веселили поздравленія, тѣшило влюбленное вниманіе Гордѣева; но когда старая няня спросила ее, довольна-ли она, что выходитъ замужъ, она съ минуту задумалась, а потомъ истосердечно созналась:

— Это такъ радуешь папу!..

Старушка тяжело вздохнула.

— Стерпится, слюбится, промолвила она, но Свѣтлана не поняла этого, и только еще разъ повторила:

— Папа такъ радъ, такъ радъ.

На балу въ морскомъ собраніи Свѣтлана была уже невѣстой.

Васюкъ долго колебался, идти-ли ему въ собраніе, или нѣтъ.

Но, вѣдь, и боль имѣеть иногда притягательную силу. Въ толпѣ, на пародѣ, онъ, не замѣченный ею, будетъ все-таки видѣть ее, слѣдить за ней, еще разъ убѣдиться въ своемъ несчастіи.

Молодость взяла свое, приглашенный, онъ не могъ отказаться, и самъ былъ удивленъ, увидавъ себя танцующимъ.

Весь вечеръ старался онъ уловить взглядъ Свѣтланы на ея жениха, чтобы прочесть въ этомъ взглядѣ любовь къ своему сопернику. Но Свѣтлана была весь вечеръ невозмутима, и ничто въ ней не говорило, что вблизи ея — любимый человекъ.

Однако-же слова Гордѣева: «вамъ, кажется, досадно, что Васюкъ не вамъ достался?» и злая улыбка на его лицѣ встревожили молодую дѣвушку.

Не скажи онъ этихъ словъ, она бы и не обратила вниманія на Васюка.

Для нея столько было новизны въ

томъ, что происходило съ нею за послѣднія двѣ-три недѣли, что она почти совсѣмъ забыла и думать о Васюкѣ и вдругъ теперь ей напомнили о немъ! Въ первый разъ ей пришла въ голову мысль, что счастье Гордѣева составляетъ несчастье другого. Она отыскала глазами Васюка и была поражена переменною въ немъ. Глаза ихъ встрѣтились. Ей вдругъ сдѣлалось страшно жаль его. Въ это самое время все еще слышался грохотъ мазурки — дѣлали общую фигуру. Кавалеры раздавали дамамъ букетики, а царицы бала производили въ кавалеры разныхъ орденовъ тѣхъ, кого признавали достойными. Свѣтлана, въ порывѣ добраго чувства, выбравъ голубой съ бѣлымъ бантикъ — морскіе цвѣта, черезъ всю залу подошла къ Васюку и сама приколотла къ его груди знакъ отличія.

Отказаться было невозможно, и Васюкъ, блѣдный, съ стиснутыми зубами, пустился со своей дамой по залѣ.

«Господи! думалъ онъ, — какъ жизнь иногда коверкаетъ людей. Мнѣ хотѣлось бы къ ногамъ ея упасть, вымолить у нея хоть сожалѣнія для меня, а я долженъ корчить равнодушную рожу и выкидывать ногами разныя антраша!»

Сдѣлавъ кругъ и посадивъ Свѣтлану на мѣсто, онъ уже собирался отойти, но Свѣтлана за руку удержала его.

— Василій Сергѣевичъ... Я вась сто лѣтъ не видала... Вы насъ совсѣмъ забыли.

Она вдругъ сконфузилась, сознавая, что говорить не то, а потомъ скороговоркой добавила:

— Приходите завтра кофе пить. Папа будетъ очень радъ, и я тоже.

Васюкъ только посмотрѣлъ на нее, и она тутъ только поняла вдругъ, какъ онъ любилъ ее. Она нѣсколько разъ оглядѣла ему въ слѣдъ, повторяя: «блѣдный... блѣдный...»

Тихий, сдавленный голос ее жениха заставил ее вздрогнуть. Она и не замѣтила, как онъ подошелъ къ ней. Онъ, видимо, дѣлалъ все возможное, чтобы казаться спокойнымъ, но тонкія губы дрожали отъ бѣшенства. Темные глаза его стали совсѣмъ черными и изъ-подъ нависшихъ бровей метали молніи. Онъ былъ блѣденъ, какъ смерть, и едва переводилъ дыханіе.

— Съ чего выдумала говорить съ нимъ?! Не смѣй съ нимъ больше танцовать, прошепталъ онъ, сжимая до боли ее руку и впервые говоря ей «ты».

Свѣтлана испуганно посмотрѣла на него, и ей вдругъ стало такъ страшно, такъ безсознательно, инстинктивно страшно, что, увидавъ издали отца, она вырвала свою руку и бросилась къ нему.

— Уѣдемъ, папочка, увези меня! просила она сквозь слезы.

Морской ѣкъ, ничего не понимая, обрадованный, что можетъ «сняться съ вахты», самъ закуталъ ее тальмой и шалью и, подозвавъ извозчика, отвезъ домой.

Свѣтлана, ничего не говоря, простилась съ отцомъ и заперлась въ своей комнатѣ. Всю ночь слышала старушканиня, страдавшая бессонницей, какъ ее Свѣтикъ ходилъ по комнатѣ, и только на развѣтъ, придя въ ее спальню, старушка увидала, что ее барышня, какъ была, не раздѣваясь, заснула тяжелымъ сномъ.

IV.

Морской ѣкъ, выпивъ третью чашку кофе, кряхтя, всталъ и, поцѣловавъ Свѣтлану въ лобъ, отправился въ свой кабинетъ.

Васюкъ, сидѣвшій ни живъ, ни мертвъ за столомъ, и безсознательно выпившій чуть-ли не пять чашекъ, смотрѣлъ на Свѣтлану, любуясь, какъ она разыгрывала роль хозяйки и прибирала со стола.

Но вотъ всѣ хлопоты окончены, капитанъ вышелъ, и они остались вдвоемъ.

Свѣтлана, сѣвъ рядомъ съ нимъ, не то дѣтскимъ наивнымъ взглядомъ, не то съ женскимъ сознаніемъ своей силы, посмотрѣла ему прямо въ глаза. По всему видно было, что она на что-то рѣшилась и хочетъ исполнить задуманное.

Васюкъ молчалъ.

— Скажите, Василій Сергѣевичъ, начала она мягко, — вы очень несчастливъ?

Всего ожидалъ Васюкъ, но ужъ никакъ не этого простого вопроса.

Именно, простота его и глубокое чувство состраданія въ немъ до глубины души тронули его. Онъ искалъ отвѣта и не могъ найти, а на глазахъ у него такъ и выступили крупныя слезы.

— Ахъ, не надо, не надо, взволновалась Свѣтлана. — Только не это! Господи, какая я несчастная, и посоветоваться-то мнѣ не съ кѣмъ! сама уже заливаясь слезами, продолжала она.

Васюкъ такъ испугался взрыва этого горя, что, позабывъ про себя, сталъ успокаивать молодую дѣвушку.

— Ради Бога, простите, бормоталъ онъ. — Вы на меня не обращайтесь вниманія... Вѣдь, я того... Но, если я только чѣмъ-нибудь... Ну, ну, забудьте. Смотрите на меня, какъ на брата, ей Богу, только какъ на брата...

— Я всю ночь сегодня про васъ и Николая Николаевича думала, прерывающимся отъ слезъ голосомъ рассказывала Свѣтлана. — Я нарочно еще разъ прочла «Евгенія Онѣгина» и англійскій романъ «Додъ», и все-таки ничего... не поняла... И не знаю. Василій Сергѣевичъ, объясните мнѣ, пожалуйста, что такое любовь?

— Какъ другіе любятъ—я растолковать не могу, не сумѣю; я знаю только, какъ я люблю...

— Ну... ну, а какъ вы любите? наивно и пылливо заглядывая ему въ глаза, спросила Свѣтлана.

— Для меня вся жизнь, весь міръ—вы... увлекаясь, произнесъ Васюкъ. — Безъ васъ—кругомъ сумерки. Ничего не радуется и радовать не можетъ. Безъ васъ жить не стоитъ... Не хочу... Не могу, продолжалъ онъ тихимъ голосомъ. — И зачѣмъ вы меня это спрашиваете? Не слѣдовало мнѣ говорить съ вами такъ, невѣстой другого.

— Нѣтъ, нѣтъ, продолжайте, настаивала Свѣтлана. — Вѣдь, я, право, такая глупая, ничего не умѣю. Вѣдь, ей Богу, я старалась любить, какъ слѣдуетъ, ну, какъ въ романахъ пишутъ, и не могу. Мнѣ, право... даже... стыдно...

Весь просіявъ, Васюкъ не могъ удержать своего вопроса:

— Зачѣмъ же вы тогда замужъ выходите?

— Какъ зачѣмъ? Отецъ былъ бы такъ счастливъ...

— Милая, хорошая, Свѣтлана Михайловна, одушевляясь, забывъ застѣнчивость и беря молодую дѣвушку за обѣ руки, продолжалъ Васюкъ. — Не губите себя... Остановитесь, пока еще есть время. Подумайте, вѣдь вы еще очень молоды... Можетъ быть, вы еще встрѣтите человѣка, котораго вы полюбите, а уже будете принадлежать другому. Не любящая жена—это вещь своего мужа. Не губите себя... Вѣдь, я не изъ ревности говорю. Дай Богъ вамъ встрѣтить хорошаго человѣка, съ которымъ для васъ будетъ на землѣ рай. Потерпите даже гнѣвъ отца, развѣ все счастье жизни не стоитъ этого? Да развѣ Михаилъ Петровичъ можетъ долго сердиться на васъ? Бракъ долженъ быть по взаимной любви. Если бы вы даже и согласились быть теперь моей женой, я не взялъ бы васъ... Односторонняя любовь—несчастье для обоихъ. По-моему, такой бракъ нечестенъ...

Свѣтлана посмотрѣла на него.

— Нечестенъ?..

— Да, нечестенъ... Женщина не имѣетъ права, передъ алтаремъ, передъ Богомъ сказать мужчине, что она его выбираетъ,—его, изъ всѣхъ мужчинъ міра,—себѣ въ мужья, если она не выбрала его своимъ сердцемъ своимъ умомъ, всѣмъ своимъ существомъ!

— Какъ вы хорошо говорите... Какъ мнѣ теперь ясно стало... и какъ я вамъ благодарна.. Я сегодня же откажу ему...

Вдругъ невольное угризеніе совѣсти заставило Васюка очнуться.

— Что я сдѣлалъ... Что я сдѣлалъ? проговорилъ онъ растерянно.

— А что? спросила Свѣтлана.

— Не по-товарищески, Свѣтлана Михайловна, поступилъ я, понуривъ голову, сознался Васюкъ.

— Да, вѣдь, вы же сами говорили, что односторонняя любовь въ бракѣ—несчастье для обоихъ; значитъ, и Николай Николаевичъ, и я были бы несчастны, утѣшала его теперь Свѣтлана, приходя вдругъ къ внезапному, но радостному заключенію.

— Знаете, что... объявила она Васюку. — Теперь я даже очень рада, что не умѣю любить, какъ слѣдуетъ, потому что, если бы я умѣла любить, я полюбила бы Николая Николаевича... А такъ какъ я не люблю, то и замужъ за него не пойду... Да... да... Не перебивайте меня, я сама сегодня же все это скажу... Ахъ, какъ все это хорошо! рѣшила она и въ знакъ своей глубокой благодарности протянула ему свою маленькую ручку. Три мѣсяца спустя, волею судебъ, Гордѣевъ и Васюкъ получили оба назначеніе на «Олеги» въ дальнее плаваніе.

V.

Прошло пять лѣтъ. Большой баракъ Краснаго Креста въ Яссахъ

былъ переполненъ больными и ранеными. Только что пришелъ румынскій поѣздъ и привезъ нѣсколько сотъ несчастныхъ страдальцевъ съ Дуная. Оборванные, изуренные, покрытые черными пятнами запекшейся крови—солдатики еле переставляли ноги, и, опираясь, кто на ружье, кто подъ руку съ сердобольной сестрой милосердія, шли отыскивать назначенныя имъ мѣста. Поминутно сновали госпитальные служители съ живой ношей на носилкахъ. Тяжело раненые и больные, въ забытѣ, бережно перекладывались на заготовленные постели. Доктора и сестры милосердія сейчасъ же принимались за дѣло. Всюду, куда ни взглянешь, перевязывались и промывались раны, успокаивали страждущихъ. Тяжелая картина, откликъ войны—въ тылу арміи. Тамъ, впереди, въ пылу сраженій, дѣйствій, захватывающихъ дѣлу стремленіемъ къ побѣдѣ, страстнымъ желаніемъ идти впередъ, ужасъ войны не замѣтенъ. Что значитъ тысяча человѣческихъ жизней—если важный стратегическій пунктъ взятъ,—если сбланы еще шагъ къ заветной цѣли—побѣдѣ. Стоянь умирающихъ не слышенъ, не виденъ потокъ багряной крови подъ знаменами, ведущими все впередъ и впередъ. Но сзади, въ тылу, гдѣ нѣтъ воодушевленія борьбы, гдѣ омываются раны, гдѣ слышны стоны умирающихъ, гдѣ гаснутъ молодыя жизни,—тамъ понятенъ весь ужасъ войны, тамъ видна самая суровая, безжалостная ея сторона.

На офицерскую половину принесли тяжело раненаго.

— Ему очень плохо стало, рассказывалъ сопровождавшій поѣздъ докторъ,—часа за три до Яссы, и теперь онъ въ забытѣ.

Оказалось, что затянувшаяся, было, рана на груди, вновь открылась, и черная кровь сочилась изъ перевязки.

— Сестра Гаврилова... держите кружку выше... Ивановъ... что же ты... валяй пульверизаторомъ... чортъ тебя побери... Губку промойте... Петрова... дренажъ приготовьте... хлопоталъ докторъ въ бѣлыхъ рукавахъ, весь красный и потный отъ работы.

— Вина дайте ему, приказалъ онъ, окончивъ свою работу, сестрѣ Гавриловой, и отошелъ къ другому раненому.

Сестра стала исполнять данное ей порученіе. Послѣ третьей ложки вина, больной открылъ глаза. Сперва тусклый взглядъ его блуждалъ по сторонамъ, точно онъ хотѣлъ распознать, гдѣ онъ, а затѣмъ остановилъ глаза на лицѣ сестры милосердія, съ участіемъ наклоненномъ надъ нимъ.

Вдругъ взглядъ его ожилъ, зрачки широко раскрылись, что-то безумно-радостное мелькнуло въ нихъ, и онъ шопотомъ, но внятно произнесъ:

— Свѣтлана!

Сестра еще ниже наклонилась надъ нимъ.

Она тоже узнала его.

Передъ ней лежалъ ея бывший женихъ Гордѣевъ.

Въ первую минуту она не могла ничего вымолвить, а, только взявъ его исхудалую руку, бессознательно, точно она хотѣла всего его приютить, приласкать, прижала ее къ своей груди. Въ это мгновеніе передъ ней мелькнула вся ея жизнь. Вспомнилъ ея разрывъ съ нимъ, какъ она тогда гордилась своей храбростью. Увидала она вдругъ передъ собой милый, дорогой образъ отца, котораго уже не стало... Вспомнилъ ея года, когда, слоняясь изъ одного семейства въ другое, гувернанткой, учительницей, она узнала всѣ невзгоды жизни.

Она такъ обрадовалась видѣть его—откликъ давно прошедшаго, счастливаго прошлаго,—что никогда и въ прежніе года, когда онъ ухаживалъ за ней, старался ей нравиться, онъ ей

не былъ такъ дорогъ, какъ въ эту минуту, когда между ними была лишь одна связь—его смерть.

— Будьте покойны, не тревожьтесь, точно ребенку, сказала она.—Я не отойду отъ васъ, добавила она, замѣтивъ его тревожный взоръ, и, присѣвъ на постель, взяла его руку въ свою. Гордѣевъ закрылъ глаза и снова впалъ въ безпамятство.

— Ну, что, какъ? освѣдомился опять докторъ.

— Слабъ очень, кажется, отвѣчала Свѣтлана, а непрошенные слезы такъ и брызнули изъ ея глазъ.

Докторъ, осмотрѣвъ раненаго, про бурчалъ:

— Къ чему только намъ такихъ присылають, лучше бы уже тамъ оставляли. Сестра Гаврилова вздрогнула.

— Надежды нѣтъ? произнесла она. Докторъ даже ничего не отвѣтилъ, а отходя отъ больного, только рукой махнулъ.

Часа черезъ два больной очнулся. Свѣтлана подала ему вина.

Онъ слабо пожалъ руку сестры и улыбнулся ей.

— Ахъ, какъ хорошо!... Богъ милостивъ... далъ намъ свидѣться... прошепталъ онъ.

— Вотъ, поправитесь, часто будемъ видѣться, хотѣла она утѣшить умирающаго.

— Все та же, та же! улыбнулся онъ.—Что-нибудь пріятное... каждому... а счастья... никому... не такъ-ли?

Свѣтлана молчала, сознавая впервые всю истину его словъ.

— Ахъ, Коля... Коля... Неужто я могла составить че-либо счастье? Я, такое ничтожество! проговорила она, чувствуя какое-то сердечное желаніе озарить счастьемъ хотя послѣднія минуты своего отвергнутаго жениха.

— Могла бы попробовать... отвѣтилъ онъ мягко.

Слова эти точно ударили ее...

— А какъ бы я могъ быть счастливъ, тихо продолжалъ онъ.— знаешь... Вѣдь я хотѣлъ умереть. Я увидалъ... у него... у Васюка... твое письмо... Я тогда не зналъ... онъ мнѣ потомъ показалъ... Ты писала, что тебѣ сватались... что ты отказалась, попрежнему, никого не любивъ. А я думалъ... что ты... того Васюка полюбила... Жить не хотѣлъ... Васюка меня спасъ... славный онъ... Дай видишь.

Гордѣевъ выпилъ большой глотокъ и въ изнеможеніи упалъ на подушку.

— Ближе, ближе, прошепталъ онъ черезъ нѣсколько минутъ.

Свѣтлана наклонилась надъ нимъ головой.

— Скажи мнѣ, продолжалъ онъ едва слышно,—а если я поправлюсь... не откажешь теперь... выйдешь за меня замужъ?...

— Конечно, милый, хорошій, выйдешь, сквозь слезы отвѣчала Свѣтлана.

— За кого?... переспросилъ онъ пытливо смотря на нее.

— За тебя!...

Онъ радостно посмотрѣлъ на нее, закрылъ глаза. Тихая, счастливая улыбка показалась на его воспаленныхъ отъ внутренняго жара губахъ. Онъ лежалъ совсѣмъ спокойно, а потомъ, раскрывъ глаза и вглядываясь въ дорогое лицо любимой дѣвушки, чуть слышно произнесъ:

— А если не поправлюсь... умру, онъ опять улыбнулся, будто не въѣвъ въ возможность этого,—выйди за Васюка... скажи, что я тебя объ этомъ просилъ... Да... скажешь?

Онъ сжалъ ея руку.

— Ты моя... мой... свѣтъ...

Но онъ не докончилъ начатаго слова, выпрямился, лицо его приняло радостное, счастливое выраженіе,—онъ увидѣлъ въ этотъ мигъ тотъ чудный свѣтъ, который, дай Богъ всѣмъ намъ, грѣшнымъ, лицезрѣть въ страшный часъ смерти.

Повивальная бабушка осталась очень довольна крестинами.

Гости были все «господа хорошие», и клали на поднось съ шампанскимъ крупныя бумажки. Въ особенности расщедрился отецъ малютки Коли, капитанъ перваго ранга Василий Сергѣевичъ Любимовъ, подаривъ «швейцару къ жизни», кромѣ оговоренныхъ денегъ, шелковое платье.

Мать младенца принимала въ спальнѣ поздравленія и пожеланія близкихъ:

— Ну, весь въ отца!

— Нѣтъ, глаза матери...

— Большой будетъ... Посмотрите, какія у него большія ноги... были одобряющіе возгласы разныхъ тетусекъ, столпившихся около молодой матери и нарядной колыбельки ребенка.

Въ этотъ самый вечеръ Васюкъ, ложась спать, вдругъ, обнявъ жену, спросилъ:

— Ну, что, Свѣтикъ, ты не раскаиваешься, что исполнила просьбу Гордѣева?

Свѣтлана, вся вспыхнувъ, не отвѣтила...

— А, вѣдь, хорошо мы сдѣлали, что, въ честь его, мы этого карапуза Колей окрестили, продолжалъ счастливый отецъ, указывая на дѣтскую колыбель.

— Конечно, проговорила она, и, обхвативъ голову мужа руками и нагнувшись къ самому его уху, тихо спросила:—ты знаешь, чему онъ научилъ меня? она кивнула на колыбель...

— Чему? переспросилъ Васюкъ.

И она отвѣтила:

— Любить тебя....

ИДИ ВПЕРЕДЪ...

Стихотвореніе Леонида Афанасьева.

Иди впередъ! Борись съ судьбой!
Мужайся духомъ и не падай!
Пушай надежды лучъ живой
Во мракѣ жизни предъ тобой
Сіяеть яркою лампадой!

Иди впередъ! Не унывай!
Но, полный гордаго терпѣнья,
Молись, трудися и страдай,

И отъ людей, какъ кладъ, скрывай
Свои тяжелья мученья!

Иди впередъ! Самъ Богъ съ тобой!
Онъ крестъ послалъ, Онъ дастъ и
силы!

И пусть надежды лучъ живой
Тебѣ спасительной звѣздой
Освѣтитъ жизни мракъ унылый!

ВОЛЬНОЙ ДОРОГОЙ.

Романъ Э. Вернеръ.

Право перевода предоставлено «Нивѣ» авторомъ.

Переводъ съ нѣмецкаго.

(Продолженіе).

VIII.

Было еще раннее утро; по лѣсу еще стлались голубые туманы, и крупная роса покрывала мшистую землю. Слышны были только отдѣльные птичьи голоса, а высокія верхушки деревьевъ шептались и шумѣли, наклоняясь подъ вѣтромъ.

Эгбертъ Рунэкъ направлялся на Альбенштейнскую гору; онъ хотѣлъ сдержать слово и лично осмотрѣть стоявшій тамъ крестъ.

Онъ вышелъ изъ лѣсу на открытую горную полянку, и передъ нимъ выросла отвѣсная скала. Вся верхняя часть ея была въ трещинахъ и разсѣлинахъ, по которымъ ползъ низкорослый кустарникъ. А на вершинѣ, видимой далеко кругомъ, возвышался исповинскій крестъ.

Высокій, одиноко стоящій, утесъ игралъ немаловажную роль въ мѣстныхъ преданіяхъ, повѣствовавшихъ объ альфахъ и гномахъ, которые якобы обитали на лѣсистыхъ вершинахъ. Альбенштейнъ скрывалъ, по народнымъ повѣрьямъ, глубоко зарытые клады, которые ждали избавителя, но всѣ попытки добыть ихъ до сихъ поръ оканчивались смертью смѣльчаковъ-искателей. Только разрывъ-трава могла раскрыть нѣдра горы. Только тотъ, кто найдетъ ее и трижды ударитъ ею по скалѣ, можетъ

«...изъ зловѣщаго мрака
Ларецъ тотъ волшебный достать
И всѣхъ самоцѣтныхъ сокровищъ,
И злата властителемъ стать».

Странное дѣло, слова этой давно забытой пѣсни такъ и звучали въ умѣ молодого человѣка. Онъ давно пересталъ вѣрить въ зарытыя сокровища, нѣдра горы были для него мертвы и пусты, а между тѣмъ послѣднія слова пѣсни или, лучше сказать, голоса, который недавно произнесъ ихъ, не отступно звучалъ въ его ухахъ. Въ глубинѣ души своей Эгбертъ ненавидѣлъ красивую дѣвушку, которая околдовала товарища его дѣтства и готовилась сдѣлаться госпожею Оденсберга, но онъ не могъ отдѣлаться отъ чарующаго звука ея голоса, отъ какой-то сверхъестественной власти ея глазъ, и никакая сила воли, никакія старанія не могли помочь ему.

Онъ перешелъ черезъ полянку и испытующе оглядѣлъ Альбенштейнъ. Сугробы снѣга и недавнія весеннія бури, можетъ-быть, и пошатнули немного крестъ, но онъ, насколько можно было разглядѣть отсюда, казался — твердо стоялъ на мѣстѣ.

Вдругъ Эгбертъ вздрогнулъ. Наверху, у креста, видѣлась дѣвушка. Рунэкъ узналъ ее тотчасъ-же, несмотря на разстояніе.

Такъ это было не пустое хвастовство, не мимолетный капризъ! Она

дѣйствительно, рѣшилась на безумно-смѣлый подъемъ! Эгбертъ нахмурилъ брови, но объ отступленіи нечего было и думать: его, очевидно, уже замѣтили. Онъ медленно сталъ подниматься дальше.

Дорога, которая вела отсюда на утесъ, требовала, дѣйствительно, смѣлости и отваги. Это была, скорѣе, охотничья тропинка. Мѣстами она пропадала вовсе, и тогда приходилось карабкаться по камнямъ и валунамъ и самому прокладывать себѣ путь.

Странное дѣло, — обычное хладнокровіе оставило молодого инженера; ноги отказывались служить, и ему потребовалось гораздо болѣе времени, чѣмъ обыкновенно, чтобы достичь вершины горы. Но вотъ, наконецъ, передъ нимъ стояла Цецилія фонъ-Вильденродъ, вся залитая свѣтомъ просыпающагося дня, вся сіяющая красотой и отвагой.

— Вотъ какъ, г. Рунэкъ, мы встречаемся здѣсь, на Альбенштейнѣ! Однако, вамъ понадобилось не мало времени, чтобы взобраться сюда; я поднялась скорѣе!

— Я лучше васъ знаю опасности подъема, проговорилъ Рунэкъ спокойно, — и потому не бравирую ими.

— Опасности? Объ этомъ я и не думала! Вотъ, вы говорили, что я не рѣшусь пойти или возвращусь черезъ пять минутъ. Что вы теперь скажете?

Она вызывающе взглянула на Эгберта.

Должень-же онъ хоть удивится ей!

Но онъ только спросилъ холодно:

— А въ Оденсбергѣ знаютъ о вашей экскурсіи, баронесса?

— Этого не хватало! воскликнула

Цецилія, смѣясь. — Чтобы меня подвергли домашнему аресту, или, по крайней мѣрѣ, слѣдили за мной по пятамъ? Нѣтъ, я вышла изъ дому рано утромъ, пока всѣ еще спали, приказала заложить лошадей и поѣхала въ

казенный лѣсъ. Оттуда уже не трудно найти дорогу и, какъ видите, я не заблудилась.

— Какая страшная неосторожность идти такъ одной! Если-бъ вы сдѣлали одинъ невѣрный шагъ и упали, помощи не откуда было бы явиться, и...

— Ахъ, Боже мой, теперь вы будете читать мнѣ наставленія! воскликнула она нетерпѣливо. — Мнѣ и такъ придется ихъ выслушать довольно, когда я вернусь въ Оденсбергъ.

— Я не имѣю ни права, ни желанія читать вамъ правоученія, баронесса; это дѣло Эриха.

— А отъ него я менѣе всего желаю выслушивать ихъ.

— Отъ вашего будущаго супруга?

— Вотъ именно. Я намѣрена удерживать за собой право главенства.

— Вы сдѣлаете это безъ всякаго труда. У Эриха такой мягкій, уступчивый характеръ. Онъ и не подумаетъ защищаться.

— Защищаться? не то гнѣвно, не то съ любопытствомъ повторила Цецилія. — Наша супружеская жизнь представляется вамъ, кажется, чѣмъ-то въ родѣ военнаго положенія? Очень лестно для меня!

— Ну, однако, простите, перебилъ ее Эгбертъ, — мнѣ нужно крестъ осмотрѣть, я для этого, вѣдь, пришелъ сюда. Надо предупредить возможность несчастнаго случая...

Цецилія, закусивъ губу, молча, стала слѣдить за Рунэкомъ, который подошелъ къ кресту, стоявшему на самомъ краю обрыва. Онъ осматривалъ его такъ тщательно, что только черезъ десять минутъ обратился къ молодой дѣвушкѣ:

— Напрасная тревога, проговорилъ онъ спокойно. — Крестъ стоитъ совершенно твердо, и о паденіи его не можетъ быть и рѣчи. Можетъ-быть, вы будете такъ добры, что потрудитесь сообщить объ этомъ въ Оденсбергъ,

такъ какъ самъ я не могу быть тамъ ранѣе, какъ послѣзавтра. Вѣдь, вы, вѣроятно, не будете дѣлать секрета изъ вашей смѣлой экскурсіи?

— Напротивъ, я буду хвастаться ею во всеулышаніе. Не смотрите на меня съ такимъ удивленіемъ, г. Рунэкъ! Этотъ шарфъ вовсе не принадлежитъ къ моему сегодняшнему костюму; я взяла его съ собой только затѣмъ, чтобы оставить по себѣ вещественное доказательство моего присутствія на Альбенштейнѣ. Вѣдь, я не могла предположить, что встрѣчу васъ здѣсь и буду имѣть въ вашемъ лицѣ живого свидѣтеля.

Цецилія сняла кружевной шарфъ, свободно обмотанный вокругъ ея шеи и талии, и сдѣлала нѣсколько шаговъ по направленію къ кресту.

— Что вы дѣлаете? остановилъ ее Эгбертъ.

— Вѣдь, я сказала, что хочу оставить видимый знакъ моего присутствія на Альбенштейнѣ. Пусть мой шарфъ развѣвается на вершинѣ креста.

— Зачѣмъ? Это капризь, безуміе! Вернитесь!

Цецилія не обратила на его слова никакого вниманія. Подойдя къ самому краю обрыва, она обвила свой шарфъ вокругъ креста и привязала его. Одно неловкое движеніе, и она разбилась бы о камни при паденіи въ бездну.

— Фрейлейнъ фонъ-Вильденродъ, вернитесь! Я прошу васъ!

Голосъ молодого инженера звучалъ глухо и сдержанно; что-то въ родѣ испуга слышалось въ немъ.

Цецилія съ улыбкой обернулась къ нему.

— Неужели вы умѣете *просить*, г. Рунэкъ? Я сейчасъ приду; мнѣ хочется только заглянуть внизъ, меня такъ и тянетъ туда.

И она наклонилась, придерживаясь правой рукой за крестъ. Эгбертъ сдѣлалъ шагъ впередъ, неловко протя-

нувъ руку, какъ бы желая силой оттащить ее отъ опаснаго мѣста, но онъ сдержалъ себя. Лицо его было смертельно блѣдно, когда она, наконецъ, подошла къ нему.

— Ну, что, вѣрите вы теперь въ мою смѣлость? спросила она вызывающе.

— Совершенно лишнее было рисковать такимъ образомъ, чтобы убѣдить меня въ вашей смѣлости, сказалъ онъ. — Одинъ неловкій шагъ, и вы упали-бы!

Она равнодушно пожала плечами.

— Я не подвержена головокруженіямъ, и мнѣ хотѣлось испытать, насколько жутко стоять тамъ, надъ самымъ обрывомъ. Вы знаете, что меня такъ и тянуло броситься внизъ. Вамъ не приходилось испытывать этого ощущенія?

— Нѣтъ, холодно возразилъ Эгбертъ. — Надо имѣть очень много времени, чтобы заниматься подобными ощущеніями.

— И вы ихъ считаете недостойными?

— По крайней мѣрѣ, нездоровыми. Тотъ, кому нужны силы для работы, не станетъ тратить ихъ такъ непродуманно.

Цецилія, молча, взглянула на загорѣлое, все еще покрытое матовой блѣдностью, лицо молодого человѣка.

— Благодарю васъ за правоученіе, сказала она, наконецъ, съ улыбкой. — Мы, дѣйствительно, не понимаемъ другъ друга, г. Рунэкъ.

— Вѣдь, я говорилъ... мы принадлежимъ къ двумъ различнымъ мірамъ...

— И тѣмъ не менѣе, стоимъ рядомъ на вершинѣ Альбенштейна! Впрочемъ, съ меня довольно этого удовольствія. Я спущусь внизъ.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ проводить васъ. Спускъ гораздо опаснѣе подъема, и я былъ бы виноватъ передъ Эрихомъ, если бъ пустилъ васъ идти одну.

— Передь Эрихомъ? Да, конечно! Она презрительно сжала губы и оглянулась на крестъ, на которомъ развѣвался ея шарфъ. — Я приношу свой шарфъ въ даръ альбенштейнскимъ духамъ; можетъ-быть, они, въ благодарности, откроютъ мнѣ нѣдра скалы и дадутъ взглянуть на самоцвѣтныя сокровища.

И она съ веселымъ смѣхомъ двинулась въ путь. Эгбертъ шелъ впереди, молча. Онъ былъ правъ: главная опасность являлась теперь.

По временамъ, въ наиболѣе трудныхъ мѣстахъ, онъ протягивалъ руку, но она отказывалась отъ его помощи. Она шла легко.

Большая часть пути была уже пройдена: уже видѣлась внизу зеленая полянка, какъ вдругъ Цецилія неосторожно ступила на нетвердый камень, онъ подался подъ ея ногой и покатился внизъ; она потеряла равновѣсіе, покачнувшись и громко вскрикнула.

Въ эту минуту Эгбертъ, отбросивъ палку въ сторону, обернулся, уперся ногой въ скалу и на-лету подхватилъ испуганную дѣвушку.

Цецилія подняла свои большіе, темные глаза къ склонившемуся надъ нею лицу молодого человѣка. Она увидѣла его блѣдность, увидѣла выраженіе безконечнаго страха въ этихъ спокойныхъ, холодныхъ чертахъ и почувствовала, какъ порывисто дышала его грудь.

Рунэкъ выпустилъ ее изъ рукъ.

— Обопритесь на мое плечо, сказалъ онъ тихо. — Хорошенько, покрѣпите... И не смотрите по сторонамъ... Я введу васъ.

Онъ поднялъ съ земли палку и свободной рукой охватилъ молодую дѣвушку. Цецилія не сопротивлялась; она дрожала вся. Голова ея кружилась.

Наконецъ, вотъ и полянка. За весь переходъ послѣ происшествія молодые люди не обмѣнялись ни словомъ, но

теперь Цецилія протянула руку своему избавителю, стараясь улыбнуться.

— Благодарю васъ, г. Рунэкъ, сказала она.

Слова ея звучали искреннимъ, сердечнымъ чувствомъ, но Эгбертъ едва коснулся протянутой руки.

— Не стойте, баронесса! Я оказалъ бы такую же услугу всякому, кто приходился въ подобной бы опасности. Оправьтесь немного отъ испуга, а потомъ я провожу васъ до казеннаго лѣса, гдѣ ждетъ вашъ экипажъ. Туда еще далеко.

Цецилія съ удивленіемъ взглянула на Эгберта.

Неужели это тотъ самый человѣкъ, который съ такой невыразимой заботливостью склонялся надъ ней, который весь дрожалъ и едва дышалъ отъ волненія, когда скорѣе несъ, чѣмъ вельею потомъ подъ гору. Онъ опять стоялъ передъ ней съ прежнимъ холоднымъ спокойствіемъ на лицѣ и, казалось, забылъ совсѣмъ о только-что случившемся. Но, вѣдь, его нельзя вычеркнуть, это случившееся, когда она успѣла заглянуть въ глубину его сердца: она знала теперь, что скрывается въ этой глубинѣ.

— Вы думаете, что я еще не оправилась отъ испуга? проговорила она тихо. — Я просто устала и, действительно, хочу отдохнуть нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ идти дальше.

Она сѣла подъ высокой сосной.

Далеко у ногъ ихъ разстилались долины, покрытыя голубою тѣнью, а тамъ, наверху, вершины горъ были залиты яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, и все — и долины, и горы — было покрыто безконечнымъ зеленымъ моремъ лѣса, изъ котораго мѣстами высовывалась голая каменная скала или, пѣтаясь, сбѣгала горный ручей. Тайственно шумѣли вдали верхушки деревьевъ, и шумъ ихъ то разрастался, то замиралъ вмѣстѣ съ вѣтромъ.

Было воскресенье: колокола окрестныхъ деревень звучали призывомъ къ молитвѣ, и торжественный благовѣстъ ихъ сливался съ шепотомъ лѣса.

Цецилія сняла шляпу и прислонилась головой къ стволу дерева. Она была совсѣмъ не похожа на обыкновенную, парядно одѣтую Цецилію, но это-то и составляло теперь въ ней особенную прелесть.

Молчаніе длилось нѣсколько минутъ. Наконецъ, она подняла голову и заговорила тихо:

— А вы даже не браните меня?

— Я? Съ чего вы взяли?

— Вы имѣете на то полное право.

Я чуть не увлекла васъ вмѣстѣ съ собой въ бездну. Простите меня.

Смирное, робкое выраженіе, съ которымъ были сказаны эти слова, казалось совсѣмъ непривычнымъ для избалованной свѣтской дѣвушки. Эгбертъ покраснѣлъ.

— Вы не сознавали опасности; вотъ и все, отвѣтилъ онъ. — На будущее время будете осторожнѣе.

— Вы не хотите принять моего извиненія, какъ не приняли моей благодарности, съ угоризной сказала Цецилія. — Вы спасли мою жизнь, рискуя въ собственной, а теперь, кажется, уже раскаиваетесь въ своемъ поступкѣ.

— Я?! переспросилъ Эгбертъ.

— Да, вы! У васъ такой видъ, точно вы готовитесь къ оборонѣ. Но отъ кого же? Здѣсь я одна; кромѣ меня, никого нѣтъ...

Вѣтеръ прошумѣлъ сильнѣе, словно взявъ исполненнаго крыла, пронесся онъ по горнымъ вершинамъ, и слышнѣе загудѣлъ колокольный звонъ. Весь воздухъ былъ полонъ звуковъ; казалось, они неслись и плыли на солнечныхъ лучахъ и сливались въ одну общую пѣсню, таинственную, но безконечно радостную и сладкую.

Онъ и она принадлежали къ двумъ

различнымъ мірамъ; мысли и чувства ихъ раздѣляла глубокая пропасть, но избалованное дитя большого свѣта, Цецилія, жившая до сихъ поръ въ вѣчной погонѣ за модными развлечениями города, — съ наслажденіемъ прислушивалась теперь къ этимъ таинственнымъ звукамъ. А онъ, Эгбертъ, человѣкъ, которому «некогда» было, какъ говорилъ онъ, мечтать, тоже задумался... И какое значеніе могли имѣть для него, знавшаго лишь жизнь борьбы и лишений, волшебныя грѣзы сказочнаго міра? А между тѣмъ онъ опутывали его невѣдомыми нитями.

Онъ провелъ рукой по лбу, какъ бы желая прогнать навязчивыя мечты.

— Извините мнѣ мою молчаливость, баронесса, сказалъ онъ, — я думалъ о своихъ неприятностяхъ въ Родефельдѣ. Тотъ, кто вѣчно погруженъ въ работу, не можетъ быть интереснымъ собесѣдникомъ, какъ видите.

— Развѣ я требую, чтобы вы занимали меня! сказала она нетерпѣливо. — Эрихъ правъ, говоря, что вы тверды, какъ ваши скалы, и неприступны, какъ самъ Альбенштейнъ. Какъ только найдется волшебное средство, которое можетъ открыть на мгновеніе глубину вашей души, такъ тотчасъ она закроется снова, и передъ глазами появится холодная, безмолвная глыба...

Рунэкъ молчалъ.

Онъ не даромъ боялся этой встрѣчи; онъ чувствовалъ, что выдастъ себя въ минуту недавней опасности. А она, познавъ свою силу, хочетъ выпить до дна чашу своего торжества.

— Эрихъ жалуется, что почти совсѣмъ не видитъ васъ, продолжала она. — Когда вамъ приходится бывать въ Оденсбергѣ, вы проводите все время въ рабочемъ кабинетѣ его отца. Ваши занятія даютъ вамъ, конечно, удобный предлогъ, но я отлично понимаю, что удерживаетъ васъ вдали отъ

Оденсберга — общество мое и моего брата!

— Баронесса!..

— Не старайтесь оправдываться; я сь первой же минуты почувствовала нѣмую вражду, которую вы питаете къ намъ обоимъ, и часто спрашивала себя, за что, но не находила отвѣта.

— Такъ спросите г. фонъ-Вильденрода, онъ объяснитъ вамъ! вдругъ проговорилъ Эгбертъ.

— Значитъ, спокойно продолжала она, — между вами есть какая-то вражда со времени вашей первой встрѣчи въ Берлинѣ? Но сь тѣхъ поръ прошли годы. Оскаръ давно забылъ объ этомъ случаѣ, какъ вы сами слышали отъ него. Отчего же *онъ* такъ злопамятенъ? Вы мнѣ расскажите только, что случилось тогда?

Голосъ ея звучалъ мягко, и большіе, темные глаза ласково смотрѣли на Эгберта, который ясно чувствовалъ, какъ петли волшебной сѣти все тѣснѣе и тѣснѣе опутываютъ его, заглашая твердость и силу воли. Онъ боялся въ то же время, что имъ хотятъ играть только, желая удовлетворить собственное самолюбіе, и потому сдѣлалъ послѣднее, отчаянное усиліе порвать свои оковы.

— Вы говорите по порученію вашего брата, баронесса? спросилъ онъ сь такимъ злымъ выраженіемъ, что молодая дѣвушка вздрогнула и сь удивленіемъ взглянула на него.

— Что вы хотите сказать?

— Барону, вѣроятно, желательно узнать, что именно мнѣ известно о немъ, и онъ избралъ сестру свою орудіемъ для этихъ переговоровъ!

Цецилія поднялась сь мѣста.

Хотя смыслъ словъ Рунэка былъ непонятенъ для нея, но она ясно видѣла, какъ далека она отъ ожидаемой побѣды. Ненависть и презрѣніе выражались на его лицѣ, а не нѣжное чувство любви и поклоненія.

— Я не понимаю, что вы хотите сказать, г. Рунэкъ, но чувствую, что вы оскорбляете меня и моего брата. Теперь я требую, чтобы вы сказали мнѣ, что тогда произошло между вами.

— Развѣ въ этомъ есть какая-нибудь надобность? возразилъ онъ. — Я полагаю, что г. фонъ-Вильденродъ давно рассказалъ вамъ все. А потому вы можете передать ему въ отвѣтъ, что мнѣ извѣстно объ его прошедшемъ болѣе, чѣмъ онъ думаетъ!

Цецилія поблѣднѣла, и глаза ея блеснули тѣмъ самымъ огнемъ, который появлялся въ минуты раздраженія въ глазахъ ея брата.

— Что это значитъ?! воскликнула она, дрожа отъ негодованія. — О комъ вы говорите? Берегитесь, Оскаръ заставитъ васъ раскаяться въ вашихъ словахъ.

Если бы Эгбертъ оставался прежнимъ спокойнымъ человѣкомъ, онъ не сталъ бы говорить всего сказаннаго, но крайней мѣрѣ, здѣсь и въ этотъ часъ; онъ бы пощадилъ въ лицѣ Цециліи женщину. Но онъ былъ слишкомъ раздраженъ своей собственной, внутренней мучительной борьбой, которая не давала ему покою вотъ уже цѣлыя недѣли. У него оставалось только одно желаніе — отомстить той, которая нарушила этотъ его покой, приковала къ себѣ всѣ его мысли и чувства, которую онъ старался ненавидѣть и презирать. Если онъ на-смерть оскорбитъ гордую дѣвушку, если вырветъ между ею и собою такую пропасть, которую нельзя будетъ перешагнуть, — тѣмъ лучше: очарованіе будетъ разрушено, и все будетъ кончено.

— Меня заставитъ раскаяться баронъ фонъ-Вильденродъ! заговорилъ онъ снова. — Вы заблуждаетесь, баронесса. Если я молчалъ до сихъ поръ, то только потому, что моя увѣренность безсилна противъ безумной страсти

Эриха и глубокаго чувства справедливости его отца. Оба они потребуютъ доказательствъ, а я пока не имѣю ихъ. Но я найду эти доказательства, и тогда пощады не будетъ!

— Вы сь ума сошли! остановила его Цецилія.

Но онъ не замолчалъ:

— Можетъ-быть, для Эриха это будетъ сильный ударъ, проговорилъ онъ, — но, все равно, рано или поздно этотъ ударъ предстоитъ ему. Пусть лучше оно случится теперь, когда еще есть спасеніе, когда онъ еще не прикованъ къ женщинѣ, которая будетъ такъ же играть имъ, какъ играла своею собственною жизнью, какъ играетъ всякимъ, кто приближается къ ней. Вы не даромъ сестра нашего брата, баронесса Вильденродъ; вы, конечно, научились отъ него, какъ надо подтасовывать карты. Вы оба уже чувствуете себя господами Оденсберга; но не торжествуйте заранее! Вы еще не носите имя Дернбургъ, и я сдѣлаю все отъ меня зависящее, чтобы имя это и самый Оденсбергъ не стали добычей двухъ... авантюристовъ!

Цецилія дрогнула. Мертвенно-блѣдная, въ ужасѣ смотрѣла она на человѣка, котораго считала поработеннымъ и который оказывался, однако, неумолимымъ врагомъ. Она не замѣчала, что страдаетъ онъ, не знала, что каждое его слово въ десять разъ больнѣе было ему самому... Она чувствовала только смертельную обиду.

— Нѣтъ, это черезчуръ, черезчуръ! воскликнула она, когда онъ, наконецъ, кончилъ. — Вы нагромождае одну клевету, одну ложь на другую. Я понимаю, куда клонятся ваши намеки, но это позорнѣйшая ложь, и вы дадите за нее отвѣтъ! Я расскажу все брату, отъ слова до слова, и онъ заставитъ васъ замолчать.

Въ голосѣ Цециліи слышался такой взрывъ негодованія, такой горя-

чій протестъ противъ незаслуженной обиды, что нельзя было сомнѣваться въ ея искренности, и въ душѣ Эгберта словно блеснулъ лучъ надежды. Онъ быстро сдѣлалъ нѣсколько шаговъ ближе.

— Вы меня не понимаете, въ самомъ дѣлѣ, не понимаете? Такъ вы не подосланы братомъ? Скажите...

И Эгбертъ посмотрѣлъ на нее такъ, точно хотѣлъ заглянуть въ самую ея душу.

— Нѣтъ, потому рѣшилъ онъ, — вы, дѣйствительно, ничего не знаете.

Послѣдовало тяжелое молчаніе.

— Въ такомъ случаѣ, я долженъ просить у васъ прощенія, заговорилъ Эгбертъ глухимъ голосомъ. — Но, что касается барона, я не могу взять назадъ сказаннаго. Повторите ему все то, что я сказалъ вамъ, и посмотрите ему прямо въ глаза — можетъ-быть, вы убѣдитесь тогда, что я не солгалъ.

Въ первый разъ Цецилія ощутила смутное безпокойство и какой-то неопредѣленный страхъ. Этотъ Рунэкъ говорилъ такъ, какъ будто онъ готовъ былъ подтвердить свои слова передъ цѣлымъ свѣтомъ. Что, если онъ, дѣйствительно, не солгалъ, эли... Но Цецилія старалась отогнать эту мысль...

— Оставьте меня, проговорила она дрожащими губами, — ступайте!

Когда молодая дѣвушка подняла голову, Эгбертъ уже скрылся за деревьями. Она была одна. Высоко надъ нею, на Альбенштейнскомъ крестѣ, развѣвался ея шарфъ; вокругъ шумѣлъ вѣтеръ, и медленно замирали вдали послѣдніе удары колокола.

IX.

По террасѣ Оденсбергскаго дома прохаживались, разговаривая, Эбергардъ Дернбургъ и Оскаръ фонъ-Вильденродъ. Они говорили о политикѣ. Вильденродъ казался задумчивъ и разсѣянъ. Глаза его по временамъ остано-

вливались на зеленой площадкѣ, гдѣ Майя и графъ Викторъ фонъ-Экардштейнъ играли въ крокетъ.

— Въ будущемъ засѣданіи рейхстага предстоятъ, повидимому, горячіе дебаты, сказалъ Дернбургъ. — Сознавъ въ рейхстагъ произойдетъ, вѣроятно, тотчасъ послѣ выборовъ, и мнѣ придется большую часть зимы посвятить моимъ тамоннымъ обязанностямъ.

— А вы съ увѣренностью рассчитываете быть снова избраннымъ? спросилъ Вильденродъ.

— Еще бы! — Дернбургъ съ удивленіемъ взглянулъ на своего собесѣдника. — Я уже двадцать лѣтъ состою представителемъ здѣшняго избирательнаго округа, и однихъ оденсбергскихъ голосовъ достаточно, чтобы быть избраннымъ.

— Вотъ потому-то я и спрашиваю. Увѣрены-ли вы въ этихъ голосахъ? За послѣдніе три года такъ много измѣнилось.

— Только не здѣсь. Я и мой рабочіе знаемъ другъ друга десятки лѣтъ! Положимъ, и здѣсь за послѣднее время случались разныя напештыванія и подускиванія, но, если кое-кто и прислушивался къ нимъ, то въ массѣ моихъ рабочихъ я совершенно увѣренъ: они крѣпко держатся меня.

— Будемъ надѣяться! Въ словахъ барона, который, несмотря на короткое пребываніе, успѣлъ хорошо ознакомиться съ мѣстными дѣлами, звучало явное сомнѣніе. — Соціал-демократы что-то необычайно дѣятельны здѣсь въ окрестностяхъ; проповѣдуютъ, подстрекаютъ, и уже во многихъ избирательныхъ округахъ, считавшихся вполне надежными, произошли неприятыя неожиданности.

Вильденродъ хотѣлъ продолжать, но въ это время съ зеленой площадки послышался веселый смѣхъ. Баронъ снова сталъ смотрѣть туда.

— Дѣти! сказалъ ему съ улыбкой Дернбургъ. — Моей Майѣ, въ ея шестнадцать лѣтъ, еще прощательно; но господину поручику пора бы, казался, остепениться...

— Я боюсь, что Экардштейнъ навсегда останется несовершеннолѣтнимъ, холодно сказала Вильденродъ. — Это очень милый, но весьма поверхностный человѣкъ.

— Вы несправедливы къ нему! Легкомысленъ онъ, правда, къ сожалѣнію, и не мало доставилъ въ свое время хлопотъ родителямъ своими юношескими шалостями; но сердце у него прекрасное. Онъ не гений, но добрый, честный малый и достаточно способный, чтобы быть со временемъ дѣльнымъ офицеромъ.

— Тѣмъ лучше, проговорилъ баронъ, — для графа и... для Майи.

Дернбургъ быстро обернулся и вопросительно взглянулъ на собесѣдника.

— Дѣя Майи? Что вы хотите сказать?

— Мнѣ кажется, это не требуетъ объясненій. Графъ Экардштейнъ нисколько не скрываетъ своихъ намѣреній, и я увѣренъ, что онъ съ полной готовностью принялъ планъ своего брата.

— Какой планъ? спросилъ Дернбургъ, нахмуривъ брови.

Вильденродъ слегка пожалъ плечами.

— Молодой графъ, какъ вы сами изволили сказать, былъ въ свое время нѣсколько легкомысленъ, а онъ находится, въ матеріальномъ отношеніи, въ полной зависимости отъ своего брата, владѣльца маіората. Весьма естественно молодому офицеру дѣлать долги, но онъ, должно-быть, зашелъ слишкомъ далеко, по крайней мѣрѣ, по мнѣнію графа Конрада. Между братьями дѣло дошло, говорятъ, до крупныхъ разговоровъ, и старшему, право, нельзя поставить въ вину, если

онъ придумалъ для своего блуднаго брата нѣсколько геройское средство.

— А именно?

— А именно, — богатую женитьбу! Говорятъ, молодой графъ пріѣхалъ сюда по желанію или по приказанію старшаго, чтобы возобновить близкія отношенія къ Оденсбергу; съ какой цѣлью — угадать не трудно. Васъ удивляетъ, что все это такъ хорошо извѣстно мнѣ? Дѣло случая. Мнѣ пришлось слышать, когда я былъ приглашенъ въ послѣдній разъ въ Экардштейнъ, разговоръ двухъ братьевъ, которые не подозрѣвали о моемъ присутствіи въ сосѣдней комнатѣ; иначе они, конечно, не стали бы говорить такъ откровенно. Они, кажется, считали этотъ бракъ дѣломъ рѣшеннымъ.

Брови Дернбурга сдвигались все грознѣе и грознѣе, но голосъ звучалъ спокойно.

— Мнѣ кажется, въ такомъ «вполнѣ рѣшенномъ дѣлѣ» послѣднее слово принадлежитъ мнѣ, потому что Майя еще полуробенюкъ и слишкомъ молода, чтобы, вообще, заводить рѣчь объ ея замужествѣ. — А, вотъ и ты, Эрихъ! Ну, что Циллія? Все еще не вернулась?

— Нѣтъ еще! отвѣчала Эрихъ озлобленно. — Я былъ на конюшняхъ, но никто не знаетъ, куда она поѣхала. Она приказала рано утромъ, когда всѣ еще спали, заложить шарабанъ и взяла съ собой только Бертрана. Я тутъ ничего не понимаю.

— Просто, одна изъ ея фантазій, вмѣшался Оскаръ. — Циллія очень своеправна; тебѣ надо будетъ привыкать къ ея капризамъ...

— Или постараться отучить свою будущую жену отъ этихъ капризовъ, сказалъ Дернбургъ нѣсколько рѣзко. — Они, во всякомъ случаѣ, не увеличиваютъ семейнаго счастья.

Бѣдный Эрихъ растерянно взгля-

нулъ на отца, но Вильденродъ пошелъ къ нему на помощь.

— Тутъ, вѣрно, просто, какая-нибудь шутка. Я держу пари, что циллія имѣла въ виду сдѣлать каки-нибудь сюрпризъ.

Между тѣмъ, на крокетной площадкѣ поднялся споръ, который, однако, привелъ къ примиренію и кончился веселымъ смѣхомъ. Дернбургъ снова, но уже безъ улыбки, взглянулъ на молодыхъ людей и кричалъ нетерпѣливо:

— Ну, Майя, мнѣ кажется, довольно играть. Поди сюда.

Майя подошла, вся раскрасѣвшись отъ игры; Викторъ Экардштейнъ тоже приблизился.

— У меня къ вамъ просьба отъ имени моего брата, сказалъ онъ Дернбургу. — Конрадъ празднуетъ въ этотъ день своего рожденія; у насъ соберется кружокъ близкихъ, въ числѣ которыхъ мы, конечно, рассчитываемъ видѣть оденсбергскую семью. Можемъ мы надѣяться?

По тону его видно было, что молодой графъ нисколько не сомнѣвался въ утвердительнономъ отвѣтѣ, но Дернбургъ сухо проговорилъ:

— Мнѣ очень жаль, графъ, но мы сами ждемъ гостей въ этотъ день.

— Гостей? Кого же, папа? спросила Майя съ удивленіемъ. — Я ничего не слыхала объ этомъ.

— Такъ слышишь теперь! Во всякомъ случаѣ, мы не можемъ принять вашего приглашенія.

Рѣшительность, съ которою были сказаны эти слова, не допускала возраженій. Викторъ промолчалъ, но не могъ не замѣтить необычной холодности Дернбурга, точно такъ же, какъ и того, что тотъ счелъ нужнымъ назвать его «графомъ». Молодой человѣкъ взглянулъ на Вильденрода, точно почувяль, откуда идетъ неприятыя. Впрочемъ, неприятыя эта вскорѣ

разсѣялась; Майя увела брата и Виктора въ оранжерею смотреть только что распустившіяся орхидеи.

На террасѣ на нѣкоторое время наступило молчаніе: баронъ заговорилъ первый:

— Мнѣ очень жаль, если я тѣмъ, что сказалъ вамъ,—повредилъ въ вашихъ глазахъ молодому графу, но я не считалъ себя въ правѣ молчать.

Дернбургъ кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— Конечно, я вамъ очень благодаренъ. Но не въ моихъ правилахъ обвинять кого-нибудь на основаніи простого разговора, я сумѣю узнать правду.

— Узнайте, сказалъ Вильденродъ спокойно.—Что же касается до крайней молодости Майи, то я долженъ сказать, что въ нашемъ кругу дѣвушки часто выходятъ замужъ въ этомъ возрастѣ, и если она, дѣйствительно, чувствуетъ симпатію къ человѣку...

— Который охотится за богатыми невѣстами для поправленія своихъ обстоятельствъ! съ горечью перебилъ Дернбургъ. Слова барона, очевидно, попали въ цѣль.—Отъ такой участи я сумѣю охранить свою дочь.

— Это будетъ не легко. Развѣ, если явится человѣкъ, вполне обеспеченный и самъ настолько богатый, чтобы подвѣрженіе въ расчетъ не могло коснуться его. Всякій Другой будетъ помнить о милліонахъ.

— Не всякій! возразилъ Дернбургъ съ удареніемъ.—Я знаю человѣка, который не имѣетъ ничего, кромѣ своей головы. Голова, положимъ, дѣльная, способная обеспечить будущность. Ему былъ указанъ путь къ независимости и богатству; ему стоило только протянуть руку, но онъ долженъ былъ пожертвовать для этого своимъ убѣжденіямъ, и онъ отказался.

Оскара передернуло.

— Кто же это?

— Эгбертъ Рунэкъ! Васъ это удивляетъ? Я давно понялъ, что Эрихъ одинъ не въ состояніи будетъ управлять Оденсбергомъ; тутъ нуженъ человекъ моего склада, а таковъ именно Эгбертъ,—онъ не даромъ прошелъ мою школу. Къ несчастію, его въ Берлинѣ такъ крѣпко опутали социаль-демократическими сѣтями, что я отчаиваюсь высвободить его изъ нихъ.

— И вы пытались сдѣлать это, не смотря на то...

— Да, несмотря ни на что, потому что увѣренъ, что, рано или поздно, у него откроются глаза,—и только бы не слишкомъ поздно для насъ обоихъ!

Вильденродъ сжалъ губы, какъ бы опасаясь сказать лишнее, потомъ проговорилъ медленно, отчеканивая слова:

— Г. Дернбургъ, я въ первый разъ не понимаю васъ...

— Весьма возможно. Во всякомъ случаѣ, вы можете быть увѣрены, что я не брошу собственноручно зажженной головы въ свой Оденсбергъ. Если Эгбертъ останется при своемъ—между имъ и мною все кончено. Но этого не будетъ. Ему нужна вольная дорога въ жизни; онъ способенъ бороться, чтобы добиться своего, способенъ создавать и творить, но, въ концѣ концовъ, захочетъ быть господиномъ своего творенія. Такія натуры, какъ его, не выносятъ ярма партіи, которая требуетъ слѣпое повиновенія и подавляетъ всякую индивидуальность. Я боюсь только, что онъ опомнится слишкомъ поздно, когда счастье будетъ утрачено.

Баронъ нахмурился.

— Мнѣ кажется, сказалъ онъ,—вы слишкомъ преувеличиваете достоинства вашего фаворита. Но какъ бы то ни было, судя по вашимъ словамъ...

Онъ остановился.

— Договаривайте, г. фонъ-Вильденродъ.

— Нѣтъ, я лучше промолчу; я считаю невозможнымъ...

— Почему же? Потому только, что онъ сынъ простого рабочаго? Родители его умерли, но если бы и были въ живыхъ—я стою выше такихъ предразсудковъ.

Вильденродъ молчалъ.

— Вы не согласны со мной, я вижу, продолжалъ Дернбургъ.—Въ васъ говорить аристократъ. Но я другого мнѣнія. Эриху я предоставилъ свободу выбора, но о счастья своей дочери я долженъ позаботиться самъ. Я не допущу, чтобы она сдѣлалась жертвой какого-нибудь расчета. Она должна быть любима и счастлива, а до сихъ поръ я знаю только одного человѣка, которому я безъ опасенія могу вѣрить ея судьбу, потому что я увѣренъ, что онъ любитъ ее. Ему чужды расчеты; онъ доказалъ мнѣ это.

Барону не пришлось отвѣчать. Явился лакей и доложилъ Дернбургу, что директоръ заводовъ желаетъ его видѣть.

— Въ воскресенье! удивился Дернбургъ.—Вѣроятно, что-нибудь серьезное. Еще одно слово, г. фонъ-Вильденродъ; добавилъ онъ, обращаясь къ барону,—то, что мы сейчасъ говорили, должно остаться между нами.

Дернбургъ ушелъ.

Баронъ остался одинъ на террасѣ и, скрестивъ руки, облокотился о перила и задумался.

Явилась новая опасность, о которой минуту тому назадъ онъ не подозривалъ, на которую не рассчитывалъ. Зато образъ графа Экардштейна, казавшагося опаснымъ, теперь совѣмъ ступшевался. Дернбургъ, очевидно, предполагаетъ взаимную склонность между своей дочерью и этимъ Рунѣкомъ. На губахъ Вильденрода появилась самоувѣренная, насмѣшливая улыбка. Ему лучше было знать, кому Майя отдала свою любовь, и нечего опасаться этого новаго соперника. Во всякомъ случаѣ, медлить нельзя, раздумывать некогда.

Надо дѣйствовать! Оскаръ рѣшительно подвѣялъ голову. Не въ первый разъ ему приходилось играть на банкъ, и на этотъ разъ ставка была такая, что могла обеспечить всю его будущность.

X.

Въ концѣ обширнаго Оденсбергскаго парка, тамъ, гдѣ онъ примыкалъ къ лѣсу, находился «розовый прудъ», небольшое озеро, съ поросшими тростникомъ и осокой берегами. Могучій букъ простиралъ тутъ свои вѣтви, густой, цвѣтущій кустарникъ тѣснился вокругъ.

На скамейкѣ, подъ букомъ, сидѣла Майя съ только что сорванными цвѣтами въ рукахъ. Она намѣревалась связать ихъ въ букетъ, но ей помѣшала сидѣвшая Оскаръ фонъ-Вильденродъ, который «случайно» забрелъ въ этотъ уголокъ, и такъ умѣлъ заинтересовать молодую дѣвушку своей бесѣдой, что она совѣмъ забыла о цвѣтахъ.

Онъ рассказывалъ о своихъ путешествіяхъ и рассказывалъ мастерски. Майя слушала, затаявъ дыханіе.

— Чего вы только не пережили, чего только не видѣли! воскликнула она, наконецъ, въ восхищеніи.—Вы явились въ Оденсбергъ совѣмъ изъ другого міра!

— Изъ другого, но не изъ лучшаго, серьезно проговорилъ Вильденродъ.— Правда, жизнь, безгранично свободная, съ ея вѣчной смѣной впечатлѣній, ослѣпляетъ и опьяняетъ; и меня она ослѣпляла когда-то. Но это давно прошло. Долженъ же быть придти день отрезвленія, когда я почувствовалъ наконецъ, какъ все это пусто и ничтожно, когда я почувствовалъ себя одинокимъ среди толпы, среди этой свободы,—совѣмъ, совѣмъ одинокимъ!

— Но, вѣдь, у васъ есть сестра! воскликнула Майя укоризненно.

— Надолго-ли! Черезъ нѣсколько

мѣсяцевъ она выйдетъ замужъ, и я съ ужасомъ думаю о томъ времени, когда снова вернусь къ своему безцѣльному существованію. Вы не можете себѣ представить, Майя, какъ я завидую вашему отцу. Онъ даетъ тысячамъ хлѣбъ и заработокъ; общая любовь и уваженіе окружаютъ его, и добрая память останется по немъ. А я, что будетъ у меня, когда я подведу итоги своей жизни?

Майя видѣла въ немъ до сихъ поръ только свѣтскаго человѣка, который отпосидся къ ней съ покровительственной шуткой, какъ къ очень молодой дѣвочкѣ. Но сегодня онъ говорилъ съ ней совсѣмъ иначе.

— Я думала, что вы вполне счастливы, сказала она тихо.

— Счастливы? переспросилъ онъ.— Нѣтъ, Майя, я никогда не былъ счастливъ, ни одного дня, ни одного часа.

— Такъ зачѣмъ же вы такъ долго вели эту жизнь?

Онъ взглянулъ въ ясные, дѣтскіе глазки, которые участливо смотрѣли на него, и невольно опустилъ глаза.

— Зачѣмъ? А зачѣмъ мы живемъ вообще? Чтобы достигъ счастья, о которомъ намъ поютъ уже въ колыбели. Оно манитъ насъ издали, мы гоняемся за нимъ лихорадочно, неумоимо; думаемъ, вотъ-вотъ схватимъ его, а оно уходитъ все дальше и дальше, пока не превратится въ блѣдный призракъ. Тогда мы отказываемся отъ безумной погони, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ надежды!

Эти слова его и грусть, вложенная въ нихъ, мало соотвѣтствовали окружающей обстановкѣ, гдѣ все дышало счастьемъ и весной. Солнце ярко играло на поверхности маленькаго озера. Золотые блики падали сквозь молодую листву и играли на свѣтлой весенней травѣ. Цвѣла сирень, наполняя все кругомъ своимъ благоуханіемъ, и весь старинникъ вокругъ пруда былъ засы-

панъ цвѣтами. Все цвѣло и радовалось, а вдали возвышалась, синѣя, высокая гора, словно любясь этимъ маленькимъ раемъ.

— Неужели вы, въ самомъ дѣлѣ, не вѣрите въ счастье? спросила Майя.

— О, нѣтъ, я вѣрю, вѣрю!— Здѣсь, въ Оденсбергѣ, я снова научился надеяться. Со мной повторилась сказка о кладѣ, который ищутъ по всему свѣту, по тысячѣ дорогъ, а онъ лежитъ себѣ въ лѣсной глуши, пока не отыщется счастливецъ, который найдетъ его. Можетъ-быть, этотъ счастливецъ—я!

Онъ взялъ руку Майи и крѣпко сжалъ ее въ своей. И вдругъ ей стало ясно то, что до сихъ поръ смутно и бессознательно жило въ ея душѣ. Ее охватило чувство счастья и бессознательный страхъ, который знала она уже раньше, при первой встрѣчѣ... И, сама не зная, что она говоритъ, она прошептала:

— Г. фонъ-Вильденродъ...

— Меня зовутъ Оскаръ!

— Оскаръ, пустите меня!

— Нѣтъ, я не пушу тебя! заговорилъ онъ.— Я нашелъ свое сокровище и не выпущу его изъ рукъ. Майя, между нами лежатъ годы, десятки лѣтъ, я не могу предложить тебѣ молодости, но я люблю тебя, какъ можетъ любить юноша. Съ той минуты, какъ я увидѣлъ тебя, я понялъ, что въ тебѣ моя жизнь, мое счастье. И ты... Ты тоже любишь меня, я знаю это, ты мнѣ должна сказать, что любишь...

Онъ притянулъ ее къ себѣ. Она не сопротивлялась, и голова ея склонилась къ нему на грудь. Странно, теперь она смѣло подняла на него глаза. Взглядъ Оскара не пугалъ ее болѣе. Она видѣла въ немъ только счастье, и ея смутный страхъ потонулъ въ охватившей ее волнѣ этого счастья.

— Да, я люблю тебя, Оскаръ, проговорила она тихо,— люблю!..

— Майя моя!

— А что скажетъ папа, Оскаръ? Согласится-ли онъ?

Вильденродъ засмѣялся. Онъ зналъ, что разница лѣтъ должна послужить препятствіемъ, что Дернбургъ съ трудомъ дастъ согласіе; но это не пугало его.

— Твой отецъ хочетъ только, чтобы ты была любима и счастлива, я слышалъ это отъ него самого. А ты будешь счастлива, будешь любима и счастлива!

XI.

Дернбургъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ у себя въ кабинетѣ. Совѣщаніе съ директоромъ было окончено, и онъ просматривалъ оставленные послѣднимъ бумаги, когда дверь снова отворилась, и вошелъ графъ Экардштейнъ.

— Могу я побеспокоить васъ на нѣсколько минутъ? сказала молодой человѣкъ.— Я пришелъ только проститься съ вами.

— Какъ, развѣ вы не останетесь обѣдать?

— Благодарю васъ, я сиѣшу домой.— Неужели я, дѣйствительно, долженъ передать брату вашъ отказъ? Мы рассчитывали, что вы будете непременно!

Дернбургъ пожалъ плечами и разставилъ руки.

Экардштейнъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и проговорилъ, невольно понижая голосъ:

— Г. Дернбургъ, что вы имѣете противъ меня?

— Я? Ничего рѣшительно! Почему вамъ кажется?

— Уже по тому, что вы говорите мнѣ «графъ». Сегодня утромъ еще вы называли меня просто Викторомъ, не могъ же я за нѣсколько часовъ вдругъ сдѣлаться для васъ чужимъ. Ясно, что здѣсь есть что-то постороннее вліяніе.

Дернбургъ нахмурилъ брови. Ясный намекъ на Вильденрода не понравился ему; но онъ привыкъ идти всегда прямымъ путемъ. Онъ твердо взглянулъ въ открытое, красивое лицо молодого офицера и проговорилъ медленно:

— Я не поддаюсь ничѣму вліянію и не имѣю обыкновенія обвинять, не выслушавъ, а тѣмъ болѣе васъ, Викторъ, котораго я знаю еще мальчикомъ. Такъ какъ вы сами заговорили объ этомъ дѣлѣ— извольте. Могу я предложить вамъ нѣсколько вопросовъ?

— Пожалуйста.

— Во-первыхъ, почему вы столько лѣтъ не были въ Экардштейнѣ?

— Тутъ были замѣшаны семейныя дѣла...

— О которыхъ вы предпочитаете умолчать?

— Нѣтъ, г. Дернбургъ, съ вами я буду откровененъ! Мои отношенія къ брату никогда не отличались особой сердечностью, а со смертью отца сдѣлалась прямо тяжкими. Конрадъ—старшій сынъ, онъ владѣлецъ маіората, а я вполне завишу отъ него и безъ его помощи не могу служить въ военной службѣ. Онъ нерѣдко давалъ мнѣ это чувствовать, и въ такой обидной формѣ, что я предпочиталъ не видѣться съ нимъ.

Видно было, что молодому человѣку не легко было это признание, хотя, въ сущности, онъ не сообщалъ ничего новаго. Во всей округѣ извѣстны были натянутыя отношенія между братьями, при чемъ все принимали скорѣе сторону младшаго. Владѣлецъ маіората, человѣкъ еще холостой и всего нѣсколькими годами старше Виктора, пользовался репутаціей высокомернаго, жесткаго человѣка, а скупость его вошла въ пословицу. Его не любили.

— И несмотря на все это, вы прѣбрали къ нему? спросилъ онъ.

— Да, по его настоятельному требованию.

— Такъ, значить, у вашего брата есть относительно васъ опредѣленные планы?

Викторъ смутился, и густая краска залила его лицо.

Дернбургъ продолжалъ, пристально глядя на него:

— Вы, конечно, угадываете, что я хочу сказать. Я буду съ вами откровененъ, но ожидаю такого же откровеннаго отвѣта и съ вашей стороны. Поворотъ, вы вызваны вашимъ бракомъ въ Экардштейнъ для того, чтобы привлечь известную пользу изъ вашихъ старинныхъ дружескихъ отношеній къ Оденсбергу.

Викторъ поднималъ голову.

— Г. Дернбургъ, воскликнулъ онъ.

— Я спрашиваю васъ, Викторъ, къ-ли это?

Молодой человѣкъ опустилъ глаза и видимымъ смущеніемъ.

— Вы ставите вопросъ въ такой формѣ...

— Которая не допускаетъ уклончиваго отвѣта! И такъ, скажите: да или нѣтъ?

— Вы, кажется, считаете мои намѣненія оскорбительными, сказалъ Викторъ, не поднимая глазъ. — Неужели это мое преступленіе? Ну, да, я вернусь сюда, чтобы попытать счастья, которое носилось передо мной еще въ моихъ юношескихъ грѣзахъ, что-жъ изъ дурного? Вы сами, въ мои годы, поступили бы такъ же...

— Но не по чужому приказанію, только отвѣтилъ Дернбургъ. — И я могъ дополнить своей невѣстѣ другую будущность, чѣмъ вы, г. поручикъ.

Молодой графъ вспыхнулъ, но овладевъ собой.

— Вы даете мнѣ почувствовать мою свободу, сказалъ онъ, и голосъ его задрожалъ.

— Нѣтъ, потому что бѣдность, въ

моихъ глазахъ, не укорь. Вы только раздѣляете участь всѣхъ младшихъ сыновей тѣхъ фамилій, состояніе которыхъ лежитъ въ маіоратѣ. Но, говорятъ, вашъ братъ имѣетъ особья причины, чтобы посоветовать вамъ богатую женитьбу. Мои слова неприятны вамъ, графъ, что-жъ дѣлать, вы сами желали этого объясненія.

— Вамъ успѣли сообщить и объ этомъ, сказалъ Викторъ съ горечью, — и вы самымъ обиднымъ образомъ намекаете мнѣ на ошибки моей молодости. Если я былъ легкомысленъ, то братъ мой заставилъ меня вынести тяжелое покаяніе. Да, я не сумѣлъ избѣжать долговъ при тѣхъ ничтожныхъ средствахъ, которыми я могъ располагать. Конраду не трудно было бы освободить меня отъ моихъ обязательствъ, но онъ не сдѣлалъ этого и даже указалъ мнѣ на необходимость выйти въ отставку, и тогда...

— Тогда вы согласились на его предложеніе, сказалъ Дернбургъ. — Я вполне понимаю васъ, но и вы поймете, надѣюсь, что я не захочу сдѣлать дочь свою жертвой подобной финансовой операціи.

Лицо молодого человѣка то блѣднѣло, то краснѣло, но при послѣднихъ словахъ старика онъ вскопчилъ съ мѣста и поднималъ руку.

— Что это, графъ? остановилъ его Дернбургъ. — Дуэль? — Перестаньте! Человѣкъ моихъ лѣтъ и моего положенія не пойдетъ на такія глупости.

Викторъ сдѣлалъ шагъ назадъ.

— Г. Дернбургъ, я въ продолженіе столькихъ лѣтъ видѣлъ въ васъ почти второго отца и считалъ Оденсбергъ роднымъ домомъ; къ тому же, вы отецъ Майи, которую я...

— Которую вы любите, докончилъ Дернбургъ.

— Да, которую я люблю, воскликнулъ Викторъ, поднимая голову, и глаза его открыты и твердо встретили

взглядъ старика. — Я понялъ это въ ту минуту, когда увидѣлъ вашу дочь, которую оставилъ ребенкомъ, взрослой дѣвушкой. Послѣ вашихъ словъ, мнѣ не остается ничего другого, какъ навсегда покинуть вашъ домъ, но я требую, по крайней мѣрѣ, чтобы вы не сомнѣвались въ искренности моихъ чувствъ.

— Я не считаю себя въ правѣ провѣрять ваши чувства, графъ, холодно отвѣтилъ Дернбургъ, — но совершенно согласенъ съ вами, что послѣ нашего разговора вамъ неудобно посѣщать Оденсбергъ. Мнѣ очень жаль, что намъ

приходится разстаться такимъ образомъ, но, при существующихъ обстоятельствахъ, это неизбежно.

Викторъ не отвѣтилъ ни слова.

Онъ, молча, поклонился и вышелъ изъ комнаты. Дернбургъ грустно посмотрѣлъ ему вслѣдъ.

— И этотъ тоже! мелькнуло у него. — Честный, правдивый мальчишка, которому чужды были всякіе расчеты! Неужели все должно рушиться въ этой безумной погонѣ за богатствомъ, въ которомъ они видятъ единственное счастье!

(Продолженіе будетъ).

Среднеафриканская степь и ея фауна.

Очеркъ А. Брема.

Сѣверъ Африки всегда былъ, есть и будетъ пустыней и не можетъ быть ничѣмъ инымъ. Предъ огромными, спаленными солнцемъ, пространствами земли, расположенными между Краснымъ моремъ и Атлантическимъ океаномъ, оплодотворяющая вода теритируетъ все свое значеніе; Красное море совсѣмъ не можетъ приниматься въ расчетъ. Средиземное оказывается слишкомъ мало, и даже вліяніе Атлантическаго океана сказывается только въ узкой полосѣ вдоль его береговъ. Надъ обширной раскаленной поверхностью всѣ облака разсыпаются, какъ дымъ, не оросивъ и не оплодотворивъ изнывающую отъ зноя и жажды землю. Только гораздо южнѣе, не далеко отъ экватора, тамъ, гдѣ съ одной стороны глубоко врѣзывается Атлантический, съ другой орошаетъ берега Африки Индійскій океанъ, гдѣ, такъ сказать, оба океана протягиваютъ одинъ другому руки, условия измѣняются, такъ какъ тамъ ежегодно, въ извѣстные періоды, съ громомъ, бурей и молніей, низвергается на землю такая масса дождевой воды, что пустыни превращаются въ цветущую степь. Годъ раздѣляется тамъ на два періода — періодъ жизни и смерти, періодъ дождей и засухи, тогда какъ въ пустынѣ только время отъ времени поднимающіеся вѣтры указываютъ на смѣну времени года въ другихъ мѣстахъ.

Съ прекращеніемъ дождей начинается во внутренней Африкѣ мертвящее время года или долгая, страшная зима, которая своимъ зноемъ производитъ точно такое же дѣйствіе, какъ сѣверная зима морозами. Не успѣетъ еще окончателно проясниться небо, до тѣхъ поръ часто покрывавшееся тучами, какъ нѣкоторыя изъ заселенныхъ весной деревьевъ уже начинаютъ терять свой лиственный уборъ, а вмѣстѣ съ опаденіемъ листа, отлетаютъ и перелетныя птицы, выводящія весной птенцовъ. Стебли хлѣбоблюдинокъ желтѣютъ еще до конца дождей; мелкія травы вянутъ и сохнутъ. Временно возникающіе ручьи исчезаютъ, наполненные дождями бассейны сохнутъ, а живущія въ нихъ пресмыкающіяся и рыбы принуждены зарыться во влажный суглинокъ, чтобы найти себѣ убѣжище на зиму.

Осень длится всего нѣсколько дней. Она не вызываетъ увяданія и омертвѣнія листвья, не окрашиваетъ ихъ въ желтые и красные тона, какъ у насъ, но ея палачіе вѣтры производятъ такое страшное дѣйствіе, что листья сохнутъ, какъ скошенная трава подъ лучами солнца, и частью опадаютъ еще зелеными на землю, частью разсыплются прахомъ на самыхъ стебляхъ, и деревья, за очень малыми исключеніями, въ очень короткий срокъ принимаютъ свой зимній видъ. Надъ степью, покрытой еще за нѣсколько дней передъ тѣмъ волнуемоюся,

высокою травой, теперь клубится пыль: пересохшие русла рѣкъ и водных бассейнов дают глубокія трещины. Невыразимый жар, душивая жара ночью составляют муку зимней поры, и вѣтъ против той муки никаких средств защиты. Тот, кто не пережилъ самъ такихъ дней, когда термометръ въ тѣни показываетъ пятьдесятъ градусовъ по Цельсию, когда непрерывно льется потомъ, да и то только въ тѣхъ прохладныхъ мѣстахъ, а иначе зной ушасть даже испарину, когда облака или взвиваются одно за другимъ на воздухъ и мучительная, сухая жажда свинцомъ вѣситъ грудь,—кто не испыталъ всего этого, можетъ представить себѣ всѣхъ этихъ бедъ. Кто не проводилъ безъ сна, сономъ катаясь по постели, эти ночи, въ которыя нельзя ни отдохнуть, ни уснуть, кто не въ состоянн постигнуть всей муки людей и животныхъ. Даже ясное, голубое небо болѣзненно блѣднѣетъ, ибо испаренія то на цѣлыя полдня скрываютъ солнце, уменьшая, однако, его палищаго зноя; противъ того, именно тогда, когда все видное пространство окутано этимъ паромъ, то какъ будто еще усиливается. Безъ сна, безъ отрады идутъ дни за днями. Жизнь, яркое, поэтическое исчезло, пошло въ мертвый сонъ. Человѣкъ и животные блекнутъ, какъ поблекли уже раньше листья, и многие засыпаютъ навѣки. Такая работа утомляетъ, всякая одежда кажется слишкомъ тяжелою, каждое движение изнуряетъ, каждое легкое пораненіе приводитъ въ злокачественное воспаленіе. Однако, зима должна, наконецъ, уступить мѣсто веснѣ. Но первое вѣяніе послѣдней весны ужасно. Тотъ самый вѣтеръ, который пустыни превращается въ самумъ, здесь вѣстникомъ весны; онъ говоритъ теперь надо всѣмъ и свирѣпѣетъ такъ неукротимо, словно желаетъ сожечь все, что попадется ему на пути; онъ же вѣтеръ, нѣсколько далѣе, на югѣ, несетъ массы дождливыхъ тучъ и горитъ на обожженную землю. Вскорѣ начать казаться, будто онъ, усиливаясь, ил понемногу свою душивость, будто на немъ онъ уже не жжетъ, а освѣжаетъ и охладѣваетъ. И это не самообманъ,—весна готова вступить въ свои права, и на крыльяхъ бурн уже несутся весеннія тучи. И короткое время, вся южная сторона покрыта ими; еще нѣсколько дней, и начинается прорѣзывать ихъ темные полосы черезъ нѣсколько недѣль слышится громъ, и громъ, возвѣщающій о приближеніи освѣжающаго дождя.

Возвѣщается съ юга вода. Она приби-

ваетъ съ каждымъ часомъ, заливая всѣ глубокія трещины и щели пересохшихъ руселъ и посылая оживляющую влагу во внутрь страны. Уже прилетѣли, перелетныя птицы, и число ихъ увеличивается съ каждымъ днемъ.

Наконецъ, надвигается первая гроза.

На югѣ подымается густая масса облаковъ, освѣщенная словно огромное зарево надъ горящимъ городомъ или обширнымъ лѣснымъ пожаромъ. Огненно-красный, пурпуровый, темнокрасный и коричневый, блѣдно-желтый, сѣрый, темносиній и черный цвѣта какъ бы чередуются въ ней, смѣшиваются и опять отдѣляются, то темнѣютъ, то снова выступаютъ ярко. Стѣна эта отъ земли поднимается все выше къ небу, съ каждою минутою суживаетъ горизонтъ и покрываетъ все видимое непроницаемою мглой. Какой-то зловѣщій шумъ, свистъ несется издалека. Вблизи все еще безмолвно и тихо.

Вдругъ налетаетъ короткій, сильный порывъ вѣтра. Могучія деревья сгибаются, какъ былинки; гордые пальмы низко наклоняютъ свои вершины. За первымъ порывомъ слѣдуютъ другіе все съ ускоряющейся быстротой; вѣтеръ обращается въ бурю, буря—въ ураганъ, который начинаетъ свирѣпствовать съ безпримѣрной силой. Его ревъ такъ силенъ, что покрываетъ и поглощаетъ всѣ другіе звуки,—говорящій не слышитъ своего собственнаго голоса.

Наконецъ, разражается первый ударъ грома, и раскаты его заглушаютъ вой и свистъ бури. Облака подытой вѣтромъ пыли все еще настолько густы, что сквозь нихъ не виденъ блескъ молніи; но скоро какой-то новый шумъ выдѣляется изъ этой путаницы звуковъ, и неестественный мракъ начинаетъ уступать мѣсто слабому свѣту, напоминающему сумерки. Кажется, какъ будто падаетъ крупный градъ; а между тѣмъ это капли дождя, прибывающія къ землѣ поднятый ураганомъ песокъ и пыль. Видна уже и молнія. Блескъ ея такъ непрерывенъ, что невольно закрываешь глаза, и только по слѣдующимъ другъ за другомъ безъ перерыва ударамъ грома отдаешь себѣ отчетъ о состоянн погоды. Дождь превращается въ ливень; вода бѣжитъ ручьями съ горъ, на низменностяхъ собирается въ озера, въ долинахъ несется бурными потоками. Цѣлые часы длится ливень, но уже съ началомъ дождя ослабѣваетъ, и прохладный вѣтерокъ освѣжаетъ людей, животныхъ и растенія. Постепенно слабѣетъ блескъ молніи, затихаетъ громъ... Небо проясняется, и лучи солнца прорѣзываютъ облака.

Могуче пробуждается жизнь. Жадно впитываетъ земля освѣжающую ее влагу; по про-

шествіи нѣсколькихъ дней, дождь снова пробуждаетъ дремлющіе соки растеній.

Послѣ новой грозы развертываются почки на деревьяхъ и появляется трава. Послѣ третьяго ливня распускаются цвѣты, и почва покрывается сочною зеленью. Весна наступаетъ какъ бы по волшебству. На что въ другихъ странахъ требуются мѣсяцы, поспѣваетъ здѣсь въ одну недѣлю; то, что въ умѣренныхъ поясахъ развивается медленно, здѣсь распускается въ теченіе нѣсколькихъ дней и даже часовъ.

Но спустя нѣсколько недѣль, весна уже оканчивается и наступаетъ мало чѣмъ отличающееся отъ нея, короткое лѣто, за нимъ—столь же непродолжительная осень; такъ что, строго говоря, можно весну, лѣто и осень разсматривать, какъ одно общее время года. И снова уже стоитъ у порога смертоносная зима, прекращающая всходы, ростъ и созрѣваніе, тогда какъ въ другихъ экваторіальныхъ странахъ, благодаря большому обилію воды, развитіе растительнаго міра гораздо продолжительнѣе. Но выпадающихъ здѣсь дождей, во всякомъ случаѣ, достаточно, чтобы вызвать страну изъ отблѣиванія, покрыть ее болѣе или менѣе роскошнымъ ковромъ растеній, или, другими словами, пустыню обратить въ степь.

Я употребляю слово степь для обозначенія тѣхъ равнинъ Центральной Африки, которыя извѣстны у арабовъ подъ словомъ «Chala»,—что въ переводѣ означаетъ «земли, покрытыя свѣжею, зеленою растительностью». Конечно, Chala такъ же мало похожа на южно-русскія и средне-азиатскія степи, какъ на преріи Сѣверной и на пампасы или льяносъ Южной Америки. Степь тянется черезъ всю Центральную Африку, начиная отъ лежащей на сѣверѣ пустыни до Карру, т. е. южно-африканской степи, отъ восточнаго берега моря до западнаго.

Негостеприимной, однообразной и однотонной кажется она тому, кто вступаютъ въ нее въ первый разъ. Далекая, необъятная, разстилается она передъ вашими глазами; только въ видѣ исключения поднимаются на ней то здѣсь, то тамъ конусообразныя вершины, еще рѣже соединяются онѣ въ цѣпи горъ. Чаще волнообразные холмы чередуются съ глубоколежачими, плоскими долинами; иногда, перелетаясь въ причудливую сѣть и образуя котловины, въ которыхъ въ дождливое время вода застаивается въ лужи, пруды и озера. Зимой глинистое дно ихъ представляетъ тысячу расщелинъ и трещинъ. Въ самыхъ глубокихъ и удлиненныхъ лощинахъ вмѣсто стоячей воды образуется «Сбог» или дождевая рѣка, которая весной, при благоприятныхъ условіяхъ, имѣетъ теченіе,

какъ настоящая рѣка, хотя далеко не всегда впадаетъ въ другую рѣку. Самая почва степи покрыта довольно богатой растительностью. Главнымъ образомъ, растительность эта состоитъ изъ различныхъ породъ травъ. У воды, по берегамъ временныхъ рѣкъ, растутъ деревья и кустарники, въ особенности, различныя мимозы, адасоніи, пальмы, терновники. Но деревья эти не достигаютъ развитія, они корявы и низкорослы, съ некрасиво расположенной листвою, и только изрѣдка скрываются ползущими по нимъ вьющимися растеніями. Всѣ они страдаютъ отъ долгой, палищей зимы. Трава, напротивъ того, въ теченіе хотя короткой, но влажной весны успѣваетъ вырасти, расцвѣсть и созрѣть. Но она придаетъ степи удивительное однообразіе.

Среди этихъ безобидныхъ на видъ травъ, встрѣчаются растенія болѣе колючія, чѣмъ даже шипы мимозы. По землѣ стелется «tarba», сѣменная капсюлька которой настолько остра, что прокалываетъ насквозь подошвы охотничьей обуви; надъ нею вышляется «essek», колючки котораго такъ вшиваются въ платье, что ихъ почти невозможно отцѣпить; еще нѣсколько выше поднимается «askanit», самое страшное изъ этихъ трехъ растеній, потому что его мелкія колючки (иглы) отблѣются при малѣйшемъ прикосновеніи, вшиваются, несмотря ни на какую одежду, въ тѣло и образуютъ нарывы, хотя очень мелкіе, но весьма тягостные по своей многочисленности. Эти три растенія затрудняютъ свободное движеніе въ травѣ и становяся источникомъ истиннаго мученія для человѣка и животнаго, почему туземцы всегда носятъ съ собою тоненькіе шипчики, какъ самое необходимое орудіе, и у нихъ, какъ и у обезьянъ, величайшая дружеская услуга заключается въ томъ, что они вытаскиваютъ другъ у друга изъ тѣла вшившіяся туда колючки. Всякій, кому приходилось пробираться сквозь африканскія чащи, знаетъ, что большая часть степныхъ растеній и всѣ почти деревья и кусты покрыты болѣющимъ или меньшимъ количествомъ колючекъ и шиповъ.

Ночью степь представляется еще болѣе неприятной. Часто приходится, за немнѣнимъ другого ночлега, останавливаться и почевать подъ открытымъ небомъ. Разыскавъ не безъ труда вблизи дороги подходящее, песчаное, свободное отъ колючекъ мѣсто, развѣиваютъ верблюдовъ и устраниваютъ себѣ скромный ночлегъ, т. е. разстилаютъ на землю коверъ и разводятъ большой костеръ въ защиту отъ хищныхъ звѣрей. Солнце заходитъ, и черезъ нѣсколько минутъ почва окутывается равниною. Все вокругъ оживаетъ

и приходит въ движение. Со всѣхъ сторонъ, привлекаемые свѣтомъ костра, бѣгутъ и ползутъ по-одиночкѣ, самъ-другъ, десятками и сотнями разныхъ существъ. Появляются гигантскіе пауки, которые со своими восемью лапами занимаютъ пространство, равное растопыренной рукѣ человека; показываются скорпионы, затѣмъ нападаютъ змѣи. Между ними попадаются желто-песочная рогатая гадюка, изображенная на многихъ египетскихъ памятникахъ, та самая, ядовитому укушению которой Клеопатра обязана своей смертью. Одно ея имя наводитъ уже ужасъ. Въ некоторыхъ мѣстахъ степи эта змѣя въ состояніи привести человека въ полное отчаяніе. Благодаря удивительному сходству ея кожи съ цвѣтомъ песка, а также ея обыкновенно днелъ, или, вообще, во время отдыха зарываться въ песокъ по самымъ рожекъ, служащіе ей щупальцами, рогатую гадюку почти невозможно отыскать въ теченіе дня, но какъ только наступитъ ночь, и зажгутъ на привалѣ огонь, она ужъ тутъ какъ тутъ—извивается и высовываетъ свое жало.

Иногда она появляется цѣлымъ стадомъ во множествѣ и заставляетъ возиться до тѣхъ поръ, пока всѣ змѣи, отдохавшія днемъ на пространствѣ, освѣщенномъ теплымъ костромъ, или попавшія сюда во время своихъ ночныхъ передвиженій, не будутъ переловлены. Иногда и это не помогаетъ, и утромъ, поднимая коверъ, находятъ въ складкахъ его двѣ-три змѣи, которыхъ, потревоженныхъ, быстро зарываются въ песокъ. Въ степи именно укоренилось во мнѣ тогда нѣкимъ еще не раздѣляемое убѣжденіе, что, за малыми исключениями, всѣ ядовитыя змѣи, по крайней мѣрѣ, всѣ гадюки принадлежатъ къ породѣ ночныхъ животныхъ.

Но кромѣ гадюкъ и скорпионовъ есть еще въ степи врагъ человеку. — Это, термиты—аскомое, похожее на нашего муравья, которое, несмотря на свою незначительную величину, причиняетъ больше вреда, чѣмъ рождившая саранча. Появленіе его можно считать положительно бѣдствіемъ, производящимъ имъ опустошенія болѣе чувствительныя, чѣмъ нашествіе стада слоновъ на поле. Онъ стѣбается вездѣ, и вездѣ наноситъ вредъ. Высоко надъ травой торчатъ конусообразныя мѣлкія постройки термитовъ. По землѣ и по деревьямъ тануютъ ихъ ходы и соединительныя пути. Работать они начинаютъ съ сумерекъ или въ темнотѣ. Прежде всего покрываютъ термиты облюбованный ими предметъ пропускающимъ свѣтъ слоемъ земли и затемъ принимаются за свое дѣло. Дерево, которое намѣтятъ себѣ термиты, погибаетъ, стро-

итица дома, въ которомъ они завелись, обрекается на уничтоженіе. Отъ подошвы дерева до его вершины пролагаютъ они свои ходы, прогрызаютъ стволъ, сучья и вѣтви; они поднимаются по землянымъ стѣнамъ или балкамъ домовъ, просверливаютъ всѣ деревянные части, и черезъ короткое время домъ обрушивается. Термиты составляютъ страшнѣйшій бичъ Средней Африки, въ особенности, ея степей.

Но въ степи есть много также хорошаго и привлекательнаго.

Тотъ, кто пробудеть въ степи болѣе долгое время и, дѣйствительно, изслѣдуетъ ее, примирится съ нею. Она богата и полна жизни.

Къ замѣчательнѣйшимъ обитателямъ степи я причисляю рыбу, живущую въ ея временныхъ рѣчкахъ и озерахъ. Уже Аристотель рассказывалъ о рыбахъ, которыя зарываются въ иль на то время, когда испаряется вода изъ ихъ обиталища.

Интересна, напримѣръ, живущая въ стѣнныхъ рѣчкахъ и водахъ Центральной Африки «сааламандра»—родъ угря, длиною около метра. У ней длинное плавательное перо на спинѣ, переходящее въ хвостъ, два узкія, далеко выступающія впередъ, грудныя плавательныя и два длинныхъ, выдающихся назадъ, брюшныя пера. Сааламандра замѣчательна тѣмъ, что кромѣ жаберъ для дыханія снабжена также и легкими. Это удивительное существо, составляющее середину между земноводнымъ и рыбой, даже при половѣ держится больше въ илѣ, чѣмъ въ водѣ, и охотно прячется въ норы, которыя, по видимому, устраиваетъ себѣ. Когда вода убываетъ слишкомъ быстро, сааламандра зарывается глубоко въ иль, плотно свертывается кружкомъ и при этомъ, поворачиваясь на одномъ и томъ же мѣстѣ, образуетъ наконецъ закрытую со всѣхъ сторонъ, непроницаемую для воздуха капсулю, выложенную внутри собственной слизью; въ этой капсулѣ она неподвижно лежитъ всю зиму. Если капсулю осторожно выкопать и тщательно запаковать, ее можно, безъ вреда для нея, переслать куда угодно, а также можно, по желанію, и возвратитъ къ жизни, положивъ ее вмѣстѣ съ оболочкой въ теплую воду. Первое время сааламандра лежитъ, при этомъ безъ движения, какъ бы погруженная въ глубокой сонѣ; но уже по прошествіи часа оживаетъ совершенно. Въ то время года, когда въ Африкѣ ея родичи закупориваются на зиму, она и въ акваріумѣ начинаетъ дѣлать къ тому приготовленія, по крайней мѣрѣ, становится очень безпокойна и выдѣляетъ чрезвычайное количество слизи. Если дать ей возможность, она зароется.

Такимъ же образомъ проводятъ степную

зиму и сомы, и даже нѣкоторыя пресмыкающіяся, въ особенности водяныя черепахи и крокодилы, зарываются въ иль на это время года. Всѣ же земноводныя пресмыкающіяся, напротивъ, во время палачаго зимняго зноя пробѣгаютъ наибольшую подвижность и не мало способствуютъ оживленію пустынной степи. Населяютъ они степь въ поразительномъ множествѣ. Наряду съ гадюкой, о которой я уже упоминалъ прежде, встрѣчается еще одна порода ядовитыхъ змѣй: аспидъ египетскій,—опаснѣйшее изъ всѣхъ существующихъ пресмыкающихся. Змѣя эта, еще болѣе, такъ сказать, популярна, чѣмъ рогатая гадюка, есть та самая, золотое изображеніе которой древне-египетскіе цари носили на головахъ въ видѣ диадемы, какъ олицетвореніе своего несокрушимого могущества; та самая, при помощи которой они совершали правосудіе надъ преступниками и мщеніе надъ врагами; та самая, наконецъ, о которой у древнихъ писателей встрѣчаются ужасные и далеко не всегда вымышленные рассказы. Въ противоположность другимъ породамъ ядовитыхъ змѣй, аспидъ проявляетъ дѣятельность днемъ, а не ночью; онъ имѣетъ безобидный видъ, до тѣхъ поръ, пока его не затронутъ, но легко раздражается при этомъ. Приготовляясь къ нападенію, аспидъ поднимаетъ одну патулю или шестую переднюю часть своего туловища, распускаетъ на шеѣ чешую, образуя такимъ образомъ щитъ, надъ которымъ помѣщается маленькая головка съ живыми, словно мочущими искры глазами. Въ такую минуту аспидъ представляетъ страшное и вѣстѣ зарующее зрѣлище, вызывая въ человекѣ и животномъ ужасъ и восхищеніе. Утверждаютъ, что змѣя эта опасна не только своимъ укушеніемъ, но и извергаемымъ ею на противника ядомъ; и дѣйствительно, чрезвычайно развитыя железы ея выдѣляютъ въ такомъ огромномъ количествѣ смертоносную жидкость, что она стоитъ большими каплями на концахъ трубочекъ ея ядовитого жала. Не удивительно поэтому, что туземцы и европейцы гораздо больше боятся аспиды, чѣмъ неповоротливой рогатой гадюки, которая посягаетъ ихъ на ночлегъ; не удивительно, что они, безъ разсужденія, стрѣляютъ по всякой, даже самой безвредной, завидливой ими змѣѣ, и что малѣйшій шорохъ въ травѣ или листьяхъ пугаетъ ихъ или, по крайней мѣрѣ, заставляетъ принимать мѣры предосторожности. Но подобный шорохъ вторгается въ степи безъ перерыва, такъ какъ не менѣе часто, чѣмъ аспидъ, появляются всевозможныя пресмыкающіяся, начиная отъ геролифической змѣи-исполниа, доходящей до шести метровъ длины, и кон-

чая маленькимъ, безвреднымъ ужомъ, помимо безчисленнаго множества ящерицъ всѣхъ видовъ. Того, кто боится змѣй, могутъ примирить въ степи съ классомъ пресмыкающихся разнообразныя ящерицы. Онѣ быстро скользятъ по землѣ, по вѣтвямъ деревьевъ и кустовъ, вылазываютъ съ построекъ термитовъ, видныя на крышахъ жилищъ и роютъ ходы даже въ песокѣ. Нѣкоторыя породы могутъ поспорить яркостью красокъ и блескомъ съ колибри; другія, право, прелестны быстротой и граціозностью своихъ движеній, а нѣкоторыя поражаютъ оригинальностью строенія. Ящерицы—дневныя животныя, по преимуществу, но есть и ночныя:—это гекко, которыя, въ теченіе дня, сидятъ, крѣпко прицѣпившись къ стволамъ деревьевъ и стропиламъ домовъ. Въ качествѣ ночныхъ животныхъ, гекко отличаются по строенію отъ дневныхъ сочленовъ своей семьи главнымъ образомъ тѣмъ, что на конечностяхъ пальцевъ имѣютъ подушкообразныя шарики, съ нижней стороны снабженные частыми лепестками, которые служатъ имъ для присасыванія и необыкновенно облегчаютъ лазаніе. Въ этихъ подушечкахъ предполагали присутствіе ядовитыхъ железъ. Въ дѣйствительности гекко совершенно безвредны. Ихъ можно считать домашними животными въ лучшемъ смыслѣ этого слова, ибо они ревностно и успѣшно уничтожаютъ вредныхъ наѣдокъ.

Но, тѣмъ не менѣе, они остаются пресмыкающимися, надъ которыми тяготѣтъ проклятіе людей, и не могутъ идти въ сравненіе по возбуждаемымъ ими симпатіямъ съ легкокрылымъ подлиннымъ птицъ, которая однѣ, въ сущности, являются желанными гостями живущаго въ степи человека и примиряютъ его съ остальными стѣнными животными.

Пернатое царство степи разнообразно и многочисленно. Гдѣ бы ни находился человекъ, вездѣ онъ видитъ или слышитъ птицъ. Изъ частыхъ дѣловъ раздаются громкія крики дрозды; изъ береговыхъ чащъ—трубный звукъ цесарокъ или громкія говоры франколиновъ; съ деревьевъ несется воркованіе и стоны голубей, радостные крики и долбаніе дятловъ; громогласный приманный призывъ бородачей; тѣны различныхъ ткачиковъ и нѣкоторыхъ породъ дроздовъ. На выдающихся вѣтвяхъ деревьевъ или на другихъ высоко расположенныхъ сторожевыхъ постахъ караулятъ добычу сарычи, астреба и пчелояды. Въ лѣсу бѣгаетъ и рѣветъ надъ нимъ въ воздухѣ змѣядный секретарь, котораго туземцы называютъ птицею судьбы. А когда настаетъ у насъ суровая зима, новые гости летятъ въ степь: соколы, коршуны, жуланы, перепела, аисты и другія птицы,

которым степь служит гостеприимным убежищем въ продолженіе зимняго у насъ времени года.

Очень немногія изъ птицъ, встрѣчающихся въ степи, составляютъ ея исключительную собственность; онѣ не отличаются какими-либо рѣзко обозначенными особенностями, какъ то мы встрѣчаемъ у птицъ пустыни. Тѣмъ не менѣе, внимательный наблюдатель замѣчаетъ, что и степныя птицы до известной степени проявляютъ отличительныя черты своей родины. Мы должны признать, что степи принадлежатъ: большая хищная птица напоминающая журавля, змѣядный секретарь, съ роскошнымъ, мягкимъ и длиннымъ опереньемъ, медленно и лѣниво летающій истребъ; колпикъ, полуночникъ, какъ желтый, такъ и тотъ, крылья котораго употребляются для украшеній; десарки и франколинны, дрохва и, наконецъ, страусъ, которымъ только степь можетъ служить обиталищемъ. Хотя степь ни въ какомъ случаѣ не богаче красками, чѣмъ пустыня, но она даетъ больше прикрытій, а потому допускаетъ большее разнообразіе въ окраскѣ своихъ обитателей; однако и имъ свойственны преимущественно только два цвѣта—желто-соломенный, съ большимъ или меньшимъ числомъ отливковъ, и трудно опредѣлимый сѣро-синій,—встрѣчающіеся на перьяхъ хищныхъ птицъ куръ, но при этомъ она не исключаетъ возможности и другихъ, болѣе темныхъ, яркихъ и блестящихъ красокъ. Мнѣ кажется, что стойкимъ вниманію то обстоятельство, что такое большее разнообразіе красокъ и рисунка является у тѣхъ птицъ, которыя по роду и, такъ сказать, по средству, принадлежатъ преимущественно пустынь.

Если, для надлежащей характеристики степи, попробовать подробно описать какой-нибудь видъ степныхъ птицъ, то выборъ будетъ очень затруднителенъ, такъ какъ всѣ онѣ заслуживаютъ полнаго вниманія. Но, безъсмысленный средѣнными рамками, я долженъ буду ограничиться изображеніемъ одной породы птицъ верхнихъ слоевъ воздуха, одной породы изъ живущихъ на землѣ и одной изъ ночныхъ, чтобы дополнить еще нѣсколькими штрихами общую картину степи.

Тотъ, кому приходилось провести значительное время въ степи, не могъ не замѣтить большой хищной птицы, отличающейся въ прочихъ, себѣ подобныхъ, красивыми перьями длинныхъ, острыхъ крыльевъ и обыкновенно короткимъ хвостомъ, что даетъ ей возможность летать съ замѣчательной, почти невѣроятной быстротой. Высоко въ воздухъ летаетъ большая, величійю съ орла, цаца, плавая, рѣдъ, кружась, кувиркаясь и ая; то, распустивъ крылья, держится она

нѣсколько минутъ почти безъ движенія, то съ силой хлопаетъ ими, то поднимаетъ ихъ вверхъ, то, складывая ихъ, падаетъ камнемъ внизъ, то снова, съ силой сгибая ихъ, поднимается въ нѣсколько минутъ на недостижимую высоту. Когда она приближается къ землѣ, ясно выдѣляется ея черная, бархатистая головка, шея, грудь и брюшко отъ серебристой подкладки крыльевъ и отъ свѣтло-каштановаго хвоста; когда она перекувырнется въ воздухъ, становится видна окраска ея спины и верхней стороны крыльевъ, одинаковая съ хвостомъ; если она приблизится еще больше, дѣлается замѣтенъ ея кораллово-красный клювъ и такіе же когти. Если разспросить кочевника объ этой хищной, во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательной птицѣ, то изъ устъ его навѣрно можно услышать слѣдующую многозначительную легенду. «Птица этой, скажетъ онъ,—ниспослана Всемогущимъ богатымъ дары, и прежде всего—мудрость. Она—врачъ между небесными птицами; ей известны болѣзни, поражающія Божіихъ тварей, известны и травы, и корни, ищущіе ихъ. Изъ далекихъ странъ несетъ она корни, но ты напрасно будешь стараться узнать, куда летитъ она врачевать страждущихъ. Дѣйствіе этого корня непреодолимо; употребленіе его даетъ жизнь, пренебреженіе имъ—принимаетъ смерть; онъ подобенъ заповѣди Магомета, смиренно просящей насъ. Бѣдняку, передъ лицомъ своего господина, сыну Адамову не воспрещено пользоваться имъ. Тамъ, гдѣ орлы-врачи основали свое гнѣздо, берегись уничтожать его яйца; подожди, пока изъ перьевъ птенцовъ его не будетъ больше течь крови; тогда пойдѣ въ жилище орла и порань одного изъ дѣтей его. И ты увидишь, что отецъ полетитъ къ Востоку, туда, куда ты обращаешься съ молитвой. Ожидай терпѣливо его возвращенія. Онъ появится, держа корень въ лапахъ; испугай его, чтобъ онъ выронилъ корень, овладѣй корнемъ безъ страха; ибо онъ идетъ отъ Бога, въ рукахъ Котораго—жизнь и смерть. Корень этотъ не одержимъ волшебствомъ. Возьми его и иди къ своимъ больнымъ: всѣ они исцѣлятся—такъ предопредѣлено Милосерднымъ Богомъ».

Птица, вызвавшая такую поэтическую легенду, есть змѣядный краучунъ или фигляръ, какъ мы ее называемъ, или, наконецъ, «небесная обезьяна», какъ называютъ ее абиссинцы; корешки, о которыхъ упоминается въ легендѣ, суть не что иное, какъ змѣя, которыхъ она уноситъ. Чрезвычайно рѣдко можно видѣть этого орла отдыхающимъ; обыкновенно онъ летаетъ вышеописаннымъ образомъ до тѣхъ поръ, пока не увидитъ змѣю и не бросится съ шумомъ внизъ, чтобы

вступитъ съ нею въ бой. Какъ и всѣ, пожирающія змѣй хищныя птицы, защититель онъ противъ ея ядовитаго укушенія толстымъ, роговымъ покровомъ на ногахъ и густо растущими перьями, что позволяетъ ему съ успѣхомъ бороться противъ этого ядовитаго пресмыкающагося и дѣлаетъ его истиннымъ благодѣтелемъ степи. Но не столько полезная дѣятельность фигляра, сколько его удивительный полетъ заслужилъ ему славу между всеми народами его отечества.

Совершенно противоположность названному орлу составляетъ страусъ, прикованный къ землѣ. И онъ является героемъ арабской сказки, въ которой однако играетъ далеко не возвышенную роль. Преданіе гласитъ, что страусъ, изъ высокогорья, хотѣлъ взлетѣть на солнце, но былъ опаленъ имъ и въ теперешнемъ своемъ видѣ брошенъ на землю. Жизнь страуса представляетъ тѣмъ болѣе благодарную почву для изслѣдованія, что о гигантской птицѣ и ея нравахъ господствуютъ до сихъ поръ еще самыя прятратныя понятія.

Хотя страусъ появляется и въ богатыхъ растительностью африканскихъ и западно-азиатскихъ пустыняхъ, но главнымъ его мѣсто-пребываніемъ надо, во всякомъ случаѣ, считать обильную пищу степь. Здѣсь можно ежедневно встрѣтить его характерныя слѣды, хотя вамого его увидѣть очень трудно. Онъ достаточно высокъ ростомъ, чтобъ видѣть поверхность окружающаго лѣса травъ, притомъ дальноророкъ и пугливъ, а потому, болѣею частью, своевременно прячется отъ чело-вѣка. Тотъ, кому случалось наблюдать хотя издалека за нравами страусовъ, могъ убѣдиться, что они, за исключеніемъ времени выводки птенцовъ, ведутъ очень спокойную и полную довольства жизнь. Раннимъ утромъ и вечеромъ они пасутся сообца, собравшись въ стада; въ полдень ложатся отдыхать для пищеваренія, быть-можетъ, въ это же время ходить на водопой или купаться, при случаѣ, даже въ морѣ; затѣмъ развлекаютъ себя удивительными плясками: становясь въ кружокъ, они прыгаютъ до потери сознания, махая при этомъ крыльями, какъ бы съ намѣреніемъ подняться и полетѣть; съ закатомъ солнца они укладываются спать, но не покидаютъ и тузъ своей бдительности. Если имъ угрожаетъ опасный врагъ—они вскакиваютъ съ мѣста и обращаются въ бѣгство, оставляя преслѣдующаго далеко позади; если хищникъ менѣе силенъ, они убиваютъ его ударомъ своихъ необычайно крѣпкихъ ногъ. Такъ протекаетъ жизнь страусовъ мирно и безпрятратно до тѣхъ поръ, пока не чувствуется недостатка въ кормѣ, который

они уничтожаютъ въ чрезвычайномъ количествѣ. Прожорливость страуса поразительна и не менѣе удивительна способность его желудка переваривать, или, по крайней мѣрѣ, воспринимать и сохранять безъ вреда для здоровья самыя разнообразныя предметы. Все, что даетъ растеніе, начиная отъ корней до плодовъ, поглоняется этимъ, вошедшимъ въ половицу, желудкомъ, мелкія животныя, какъ позвоночныя, такъ и беспозвоночныя, пожираются имъ массами. Но это еще далеко не все. Страусъ проглатываетъ камни въ фунтъ вѣсомъ; въ неволѣ, онъ глотаетъ обломки кирпича, паклю, тряпье, кожи, ключи и цѣлыя связки ключей, гвозди, осколки стекла, черепки, свинцовыя пули, колокольчики и другія вещи; онъ иногда причиняетъ себѣ даже смерть, проглатывая негашеную известь. Въ желудкѣ издохшаго въ неволѣ страуса нашли всевозможныя предметы, въ общей сложности вѣсившіе четыре съ четвертью килограмма. На птичьемъ дворѣ прожорливая птица глотаетъ маленькихъ утятъ и дылчатъ, словно устрицъ, отламываетъ куски штукатурки, чтобъ наполнить известью свой желудокъ, не падать вообще никакой подвижности, ничего, что только можно проглотить. Жажда его соответствуетъ массѣ пожираемой имъ пищи, которая, впрочемъ, вполнѣ пропорциональна его росту и подвижности; поэтому мѣстопробываніе страуса всегда находится въ связи съ присутствіемъ питательныхъ растеній и озеръ или источниковъ. Когда иссякнуть и тѣ, и другіе, страусъ вынужденъ перекочевывать и въ подобныхъ случаяхъ дѣлаетъ иногда огромныя концы.

Переходя къ ночнымъ птицамъ, мнѣ остается сказать лишь нѣсколько словъ о полуночникѣ или козодоѣ, появляющемся и у насъ, но въ степи встрѣчающемся въ разнообразныхъ и иногда чрезвычайно оригинально окрашенныхъ видахъ. Съ появленіемъ на небѣ первой вечерней звѣзды начинается жизнь и дѣятельность этихъ добродушнѣйшихъ и привлекательнѣйшихъ изъ ночныхъ птицъ. Днемъ только рѣдкій случай можетъ натолкнуть на нихъ, и даже трудно представить себѣ, въ какой мѣрѣ именно эта птица способуетъ оживленію степи; но, съ наступленіемъ ночи, онѣ являются неизмѣнно. Огонь привлекаетъ полуночника къ лагерю путешественниковъ такъ же, какъ скорпионовъ и змѣй; онъ кружитъ, какъ бы играя, надъ остановившимися на ночлегъ, то подлетая къ нимъ, то удаляясь прочь, садится иногда невдалекѣ на отдыхъ, издаетъ нѣсколько курныкающихъ, похожихъ на мурлыканье кошки, звуковъ, исчезаетъ въ окружающей темнотѣ, черезъ

несколько минут появляется снова, и так продолжается до утра.

Особенно интересна одна порода, посвящая название четверокрылых. Они отличаются тем, что от сустава крыльев у них растет одно длинное, в полметра, перо, далеко выдающееся за пределы крыльев, совершенно голое и только на концѣ снабженное широкой опушкой. Летящий и играющий четверокрылый полонщик напоминает какое-то привидѣніе. Кажется, будто двѣ меньшія птицы все время преслѣдуютъ большую, будто одна дѣлится на двѣ или на три, или будто она действительно имѣетъ четыре крыла. Темъ не менѣе, онъ столь же привлекателенъ, какъ и другіе виды его породы, и потому появленіе его также встрѣчается съ радостью, какъ могущее нѣсколько оживить и сократить непривѣтливую степную ночь.

Отдѣлы млекопитающихъ въ степи тоже богаты породами и численностью. Разнообразная, обильная ея растительность прокармливаетъ не только безчисленныя стада антилопъ,—характерныхъ животныхъ степи, но и дикихъ буйволовъ и кабановъ, зебръ, дикихъ ословъ, слоновъ, носороговъ, жирафовъ и извѣстныхъ намъ только въ общихъ чертахъ различныхъ породъ грызуновъ. Такому многочисленному травоядному населенію составляютъ протововѣсь хищныя звѣри, во множествѣ волчящія въ степи, безъ которыхъ число жвачныхъ животныхъ и грызуновъ увеличилось бы, можетъ быть, въ такой угрожающей степени, что всего богатства растительности страны не хватило бы на ихъ прокормленіе. Однообразие сѣверо-африканскихъ степей и, относительно, не малое количество стоячихъ водъ и рѣкъ препятствуетъ образованію большихъ стадъ антилопъ, подобныхъ встрѣчаемымъ въ Карру Южной Африки, но зато въ одиночку и мелкими стадами эти граціозныя, съ чудными глазами, жвачныя встрѣчаются повсюду, и притомъ почти на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ зимою и лѣтомъ. Дикія лошади и дикіе ослы, напротивъ, избираютъ себѣ сухія возвышенности; жирафы живутъ исключительно въ рѣдкихъ лѣсахъ, а носороги въ густыхъ чащахъ; слонъ совершенно избѣгаетъ большихъ равнинъ, тогда какъ лютый буйволъ предпочитаетъ сырыя низменности. Къ нему, какъ и къ прирученнымъ стадамъ его породичей, присоединяется левъ, а лукавый леопардъ и проворный, выносливый на бѣгу фаххадъ преслѣдуютъ стада антилопъ; шакалы и степныя волки охотятся преимущественно за зайцами и лисицами; виверры и хорьки отдають предпочтеніе маленькимъ рысунамъ и птицамъ, живущимъ на землѣ.

Если я попытаюсь теперь взять на выборъ нѣсколькихъ степныхъ млекопитающихъ, и воздержусь отъ соблазна описывать льва или фаххада, гізну, хомяка, зебру или дикую лошадь, слона или носорога, ибо есть другія млекопитающія, которыя кажутся мнѣ еще болѣе характеристичными для описываемой мною мѣстности. Къ таковымъ я прежде всего причисляю трубочкубовъ и ящеровъ-муравьеѣдовъ, какъ издавнихъ представителей беззубыхъ, населяющихъ по преимуществу западную половину нашей планеты. Цвѣтущая пора этихъ млекопитающихъ относится къ давно прошедшимъ временамъ. Обѣ названныя породы, по крайней мѣрѣ, въ Сѣверной Африкѣ, принадлежать степи; ибо только въ ней многочисленныя виды муравьевъ и термитовъ доставляютъ имъ надлежащую пищу. Какъ всѣ муравьеѣды, они въ теченіе дня лежатъ, свернувшись въ клубокъ, и спятъ въ глубокихъ, самими выкопанныхъ норахъ, входы въ которыя можно видѣть какъ въ обширныхъ лѣсахъ, такъ и между рѣдко стоящими деревьями и кустами. Только съ наступленіемъ ночи просыпаются они и, тяжело переваливаясь и припрыгивая, отправляются за добычей; они передвигаются при помощи сильныхъ заднихъ ногъ, опираясь на крѣпкіе когти переднихъ и на тяжелый хвостъ; пища ихъ состоитъ изъ всевозможныхъ мелкихъ животныхъ, но преимущественно изъ куколокъ муравьевъ и термитовъ и изъ червей. Низко опустивъ къ землѣ рыло, съ подвижнымъ, все время обнюхивающимъ носомъ, двигаются они по развѣ найденному муравьиному слѣду до главной постройки термитовъ, безъ особеннаго труда продѣлываютъ въ ней отверстіе, куда просовываютъ свою удлинненную морду, ощупываютъ длиннымъ, липкимъ, нитеобразнымъ языкомъ ходы насѣкомыхъ, ждуть, пока языкъ покроется насѣвшими на него муравьями или термитами, и затѣмъ втягиваютъ его обратно вмѣстѣ съ добычей въ свое узкое рыло. Этотъ способъ питанія ничтожными мелкими частицами пищи производить жалкое впечатлѣніе; но въ сущности языкъ муравьеѣды настолько же могучее и действительное орудіе, какъ и его когти, и онъ при помощи ихъ обоимъ такъ или иначе пробивается въ жизни. Муравьеѣды далеко не такъ безпомощны, какъ это кажется съ перваго взгляда. Чешуя ящера, противустоящая даже сабельнымъ ударамъ, защищаетъ его еще вѣрнѣе, чѣмъ крѣпкіе когти; наоборотъ, трубочкубовъ умѣетъ пользоваться и когтями, да кромѣ того даетъ сильные боковые удары хвостомъ, при помощи которыхъ онъ легко отдѣвывается отъ не слишкомъ сильнаго противника. Зато,

замѣтивъ приближеніе болѣе опаснаго врага, трубочкубовъ быстро зарывается въ землю, вскидывая за собою цѣлое облако песку и пыли, которое застилаетъ глаза противнику и даетъ возможность животному укрыться на недостижимую для нападающаго глубину. Только человѣку попадаетъ муравьеѣды легко въ руки; ибо длинная, острая пика протыкаетъ его насквозь во время сна и навѣрняка убиваетъ его въ норѣ, если послѣдняя не особенно глубока и извилиста. Такимъ образомъ и это допотопное животное не избѣжитъ участи рано или поздно быть вычеркнутымъ изъ книги жизни.

Между хищными животными степи особое вниманіе привлекаетъ свойственная ей порода собакъ. Ничто среднее между собакой и гізной по своему строенію и отчасти по окраскѣ, животное это составляетъ одно изъ интереснѣйшихъ явленій описываемой нами страны, а по своимъ обычаямъ и нравамъ—самое привлекательное изъ всѣхъ хищныхъ животныхъ, населяющихъ степь. За исключеніемъ обезьянъ, я не знаю ни одного млекопитающаго настолько самоувѣреннаго, гордаго и дѣятельнаго, какъ эта собака. Всякая цѣль ей кажется достижимой, ни одно млекопитающее не застраховано отъ ея нападенія. Соединившись въ многочисленныя стаи, рыщетъ она по степи, алча добычи; нападаетъ на стада поселенцевъ и кочевниковъ и страшно опустошаетъ ихъ; преслѣдуетъ по пятамъ быструю и проворную антилопу; смѣло приближается къ человѣку; мужественно прогоняетъ, преимущественно своимъ шумомъ и крикомъ, хищныхъ звѣрей изъ облюбованной ею мѣстности. За сильной и хорошо вооруженной антилопой несется иногда цѣлая стая такихъ собакъ, съ лаемъ, воемъ, визгомъ и радостными криками. Антилопа мчится изо всѣхъ силъ, но по ея слѣдамъ несутся кровожадные собаки, отрывая ей всѣ пути, все болѣе и болѣе настаивая ея и принуждая, наконецъ, защищаться. Зная цѣну и силу своихъ роговъ, антилопа ловко и стремительно пускаетъ ихъ въ ходъ; прободенная насквозь, падаетъ мертво, быть-можетъ, не одна собака; но остальные хватають антилопу за горло и брюхо и съ громкимъ воемъ загрызають ее до смерти. Не стѣняясь присутствіемъ человѣка, нападаютъ онѣ и на домашнихъ животныхъ, растерзываютъ мелкихъ съ кровожадностью кунницъ и изувѣчиваютъ тѣхъ, съ которыми не могутъ справиться. Выступающихъ противъ нихъ домашнихъ собакъ онѣ выжидаютъ безстрашно, борются съ ними не на животь, а на-смерть и въ концѣ концовъ оставляють бездыханными на полѣ

битвы. Если бы ихъ можно было приручить и подчинить вполнѣ человѣку цѣлымъ рядомъ поколѣній, изъ нихъ вышли бы лучшія въ свѣтѣ ищейки; но ихъ не такъ легко приручить. Онѣ привыкають къ своему воспитателю, привязываются къ нему, даже оказываютъ нѣкоторую вѣрность, но дѣлають это по-своему. На зовъ хозяина онѣ вскакиваютъ съ мѣста, бросаются радостно впередъ, прыгаютъ вокругъ него, стараются выказать свою безконечную радость самими шаговымими собачьими выходками и въ концѣ концовъ выражаютъ ее тѣмъ, что кусаютъ своего любимаго хозяина. Буйное своеволие, неукротимое стремленіе укусить отличаетъ почти всѣ ихъ дѣйствія. Впечатлительныя, болѣе, чѣмъ какое-либо другое существо, двигаютъ онѣ каждымъ членомъ, подергиваютъ каждымъ мускуломъ, какъ только ихъ займетъ или поразитъ что-либо новое; необычайная подвижность ихъ ума выражается въ первую минуту чрезмѣрной веселостью, но минутою спустя переходитъ въ хищничество и кровожадность. Тогда онѣ начинаютъ кусать все, что попадется; кусаютъ безъ всякаго повода, вѣроятнo, безъ всякой злобы, просто, для собственнаго удовольствія. Это поистинѣ удивительнѣйшія изъ созданій, пріотившихся въ степи.

Въ тѣхъ частяхъ степи, которыя мнѣ пришлось больше всего видѣть, именно въ Кордофанѣ, Сенаарѣ и Така жизнь животныхъ, за исключеніемъ смѣны времени года, не подвергается такимъ тяжкимъ и вреднымъ влияніямъ, какъ на югѣ Африки или въ степяхъ Центральной Азіи. Для тѣхъ, которыя не кочуютъ и не проводятъ цѣлыя мѣсяцы въ оцѣпеннѣи спячки, зима хотя и приноситъ лишенія, быть-можетъ, даже горькую нужду, но не заставляетъ терпѣть голодь и жажду, которые принудили бы ихъ покинуть свою родину и бѣжать, въ паническомъ ужасѣ, отыскивая болѣе благопріятныхъ условій жизни. Животныя сѣверо-африканскихъ степей тоже кочуютъ; но они не бѣгутъ безпорядочно, какъ обитатели другихъ степей, покидающіе свою родину сотнями тысячъ. О такихъ несмѣтныхъ сборищахъ антилопъ, какъ въ Южной Африкѣ, на сѣверѣ не слышно. Всѣ обществами живущія птицы и млекопитающія собираются стадами при наступленіи зимы и разбиваются весною; всѣ перелетныя птицы улетаютъ и возвращаются всегда около одного и того же времени. Но это совершается регулярно, привычнымъ образомъ, а не безпорядочно и не случайно. Есть однакоже сила, вліяющая на жизнь животныхъ и въ этихъ степяхъ: сила эта—огонь.

Ежегодно въ то время, когда на югъ темныя тучи и сверкающая въ них молнія возвѣщаютъ о приближеніи весны, въ тѣ дни, когда южный вѣтеръ бушуетъ по степи, живущій здѣсь кочевникъ поджигаетъ волнующійся лѣсъ травы. Быстро и неудержимо распространяется пожаръ. Предшествующее дымомъ и гарью, темно-красное облако свидѣтельствуетъ по ночамъ о разрушающей и вѣтѣ съ тѣмъ, плодотворной дѣятельности огня. Не рѣдко пламя достигаетъ дѣвственнаго лѣса, ползетъ по сухимъ, вышшимъ растеніямъ къ вершинамъ деревьевъ, пожираетъ уцѣлѣвшіе ещѣ листья, обугливаетъ наружную кору стволовъ; иногда, хотя гораздо рѣже, охватываетъ оно деревья и забрасываетъ искры на соломенные постройки, которыя, съ быстротою молніи, становятся его жертвой.

Хотя степной пожаръ, несмотря на массу легко воспламеняемаго горючаго матеріала, никогда не можетъ угрожать опасностью готовому встрѣтить его, посаженному на коня человѣку или быстроногимъ млекопитающимъ; тѣмъ не менѣе, онъ въ высшей степени возбуждаетъ все животное царство, обращая въ бѣгство все живущее и притаившееся въ лѣсу; страхъ, причиняемый пожаромъ, дѣйствуетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ быстрота, съ которой распространяется огонь. Антилопы, дикія лошади и страусы несутся быстрѣе вѣтра черезъ равнину; фахадъ и леопардъ слѣдуютъ за ними, смѣшиваются съ ними, не думая уже о добычѣ; собака-гиена забываетъ свою кровожадность; левъ охваченъ тѣмъ же ужасомъ, какъ и прочія млекопитающія, и только живущіе въ норахъ поспѣшно прячутся въ свои убѣжища и перекидаются, пока пройдетъ надъ ними, не задевъ ихъ, море огня. Зато всѣ пресмыкаю-

щіеся, ползающія и вообще прикованныя къ землѣ животныя сильно страдаютъ. Очень немногія змѣи и развѣ только травоядныя ящерицы успѣваютъ спастись отъ надвигающагося пламени; скорпионы, тарантулы и тысяченожки настаиваютъ имъ или, подобно вступнутымъ и взлетѣвшимъ насѣкомымъ, попадають въ пищу врагамъ, привлеченнымъ огнемъ и способнымъ противостоять ему. Какъ только, расширяясь во всѣ стороны, поднимется надъ степью облако дыма, со всѣхъ сторонъ начинаютъ стекаться хищники, питающіеся пресмыкающимися и насѣкомыми, какъ, напр., змѣяды, коршунъ, аисты, пчелояды и вѣтрильники, чтобы поохотиться за испуганными огнемъ и спасающимися отъ него ящерицами, змѣями, скорпионами, пауками, жуками и стрекозами. Передъ линіей огня беззаботно прогуливаются змѣядные секретари и аисты, надъ огнемъ, въ облакѣ дыма, парятъ легкокрылые соколы, пчелояды и вѣтрильники, и всѣмъ имъ достается богатая добыча. Охота эта не прекращается до тѣхъ поръ, пока длится пожаръ, пока пламя находитъ себѣ пищу, пока вѣтеръ разноситъ его по степи; только съ прекращеніемъ бури гаснетъ огонь.

Такъ очищаетъ степной кочевникъ свои пастбища отъ сорныхъ травъ и гадюкъ. Остающаяся на землѣ зола удабриваетъ почву; живительный дождь обильно смачиваетъ ее, и новая, могучая растительность появляется изъ ея нѣдръ послѣ первой грозы. Вмѣстѣ съ нею возвращаются на свои покинутыя мѣста напуганныя огнемъ животныя, чтобы послѣ бѣдствій и тягостей минувшей зимы и ужасовъ послѣднихъ дней съ новымъ наслажденіемъ и вновь проснувшимися силами вкушать радости бытія.

Императрица Феодора.

Историческій очеркъ В. Теплова.

(Окончаніе).

VII.

Насталъ день великаго зрѣлища, день 13-го января, кровавыми буквами вписанный на граници исторіи Юстиніанова царствованія. Когда царь появился въ своей каеизмѣ, вѣсто обычныхъ привѣтственныхъ кликовъ, онъ встрѣтила настоящая буря. «Милости! щадя!» кричали непрерывъ голубые и

зеленые. Вмѣсто того, чтобы, по обыкновенію, осмѣивать другъ друга, обѣ партіи братались между собою.

Юстиніанъ хранилъ упорное молчаніе. Состязанія начались, но ожесточеніе партій возрастало съ каждымъ моментомъ — послѣ двадцать второго бѣга оно достигло своей высшей степени. Партіи дѣлали видъ, что не замѣчаютъ вовсе присутствія царя и,

вмѣсто «да здравствуетъ Юстиніанъ!» раздавались крики: «да здравствуютъ голубые и зеленые! Да здравствуетъ милосердіе партій!» Затѣмъ начались ругательства, уже прямо направленные противъ императора. Подъ градомъ сыпавшихся на него оскорбленій, бѣдный, взволнованный Юстиніанъ поспѣшилъ скрыться въ своемъ дворцѣ, который, при надобности, могъ служить и крѣпостью.

Случайное прибытіе Велизарія съ войскомъ усилило константинопольскій гарнизонъ. Кроме городской стражи и царскихъ тѣлохранителей, у правительства въ ту минуту было до пяти тысячъ войска, тѣмъ болѣе надежнаго, что оно состояло изъ готовъ, армянъ, славянъ и геруловъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ внутреннею борьбою византийскихъ партій. Но и этихъ силъ было недостаточно для того, чтобы занять всѣ важные пункты такого обширнаго города, какъ Константинополь. Поэтому, правительство предпочло сосредоточить войска въ самомъ дворцѣ, городъ же предоставить на произволъ судьбы и во власть бунтовщиковъ. Эти послѣдніе не замедлили воспользоваться предоставленною имъ свободой: они начали съ того, что разграбили зданіе префектуры и дома нѣкоторыхъ ненавистныхъ имъ чиновниковъ.

Въ Константинополѣ ни одно возмущеніе не обходилось и не обходится безъ пожаровъ. И въ тотъ день смятеніе возросло отъ поджоговъ, къ вечеру значительная часть города была охвачена пламенемъ. Въ то же время бунтовщики бросились къ городской тюрьмѣ, разбили ея ворота и выпустили на волю всѣхъ содержавшихся тамъ колодниковъ. Вся эта накипь столичной жизни съ восторгомъ присоединилась къ производившимъ беспорядки. Они разсыпались по всему городу, оглашая стогны его свирѣпыми криками «viva, viva!» (*ника* по-гречески — побѣждай!) — слово, которое было избрано бунтовщиками, какъ боевой кличъ, и вслѣдствіе котораго бунтъ этотъ въ исторіи носилъ названіе возмущенія *никагосъ*.

При свѣтѣ пожаровъ, въ городѣ происходили въ теченіе всей ночи неслыханныя сцены ужаса. Дикія толпы разгулявшейся черни вламывались въ жилища частныхъ лицъ, грабили и уничтожали все, что попало подъ руку, и огонь, раздуваемый сильнымъ вѣтромъ, дѣлалъ, между тѣмъ, свое дѣло, пожирая все, что было пощажено людьми. Тушить его было некому — грабителямъ онъ былъ на руку, мирные обыватели заботились, прежде всего, о спасеніи жизни своей и своихъ близкихъ.

Юстиніанъ все еще не понималъ опасности положенія и назначилъ даже на 14-е

января продолженіе игръ въ циркѣ. Надъ царскимъ трибуналомъ взвилась флаги, возвѣщавшіе новое предствленіе, но мятежники и не думали отпираться въ циркѣ, а продолжали неистовствовать и поджигать городъ, надѣясь, что огонь перекинеть вѣтромъ во дворецъ, и что такимъ путемъ удастся смирить Юстиніана.

Тогда царь рѣшился потушить возстаніе уступками.

Небольшой отрядъ войска, которому запрещено было употребить въ дѣло оружіе, получилъ приказаніе сопроводить царскихъ герольдовъ, у которыхъ, въ знакъ мира, въ рукахъ были палмы. Развѣзая по всему городу, герольды отъ имени царя освѣдомлялись о народныхъ желаніяхъ.

Немедленно по возвращеніи царскихъ посланцевъ во дворецъ, Трибоніанъ, Іоаннъ Каппадокійскій, Эвдемонъ и Калоподій были отставлены и замѣнены лицами, пользовавшимися народною любовью, но было уже поздно: разыгравшіеся вождѣлнія искали новыхъ жертвъ.

Въ свой чередъ, приверженцы династии Анастасія стали дѣйствовать деньгами и обѣщаніями въ пользу племянниковъ покойнаго императора, не мудрено, что толпа не удовлетворялась уже царскими уступками, а требовала отреченія самого Юстиніана, избранія новаго Августа.

Подъ влияніемъ тревожныхъ вѣстей о ходѣ возстанія, переходя отъ одного рѣшенія къ другому, императоръ вознамѣрился попробовать усмирить бунтъ силою, и Велизарію приказано было сдѣлать, во главѣ готовъ, вылазку изъ дворцовыхъ воротъ Халки.

Величественно было зрѣлище, когда главнокомандующій восточною арміею — этотъ челоѣкъ исполнискаго роста и сложенія, съ благородными и гордыми чертами лица — показался предъ мятежниками, во главѣ своихъ всадниковъ, покрытыхъ кольчугою, на которую наброшены были большіе мѣховые плащи, открытые спереди и испававшіе по обѣ стороны коней, закованныхъ въ металлическую чешую. За кавалеріею двигалась пѣхота.

Но и вылазка Велизарія окончилась неудачею. Не будучи въ состояніи въ узкихъ улицахъ развернуться фронтомъ, подавленный массою бунтовщиковъ, его небольшой отрядъ былъ вынужденъ отступить и, чтобы спастись отъ преслѣдованія яростно наступавшей на него толпы, долженъ былъ самъ поджечь дома на пути своего отступленія, дабы поставить между собою и народомъ непроницаемую огненную стѣну.

Пользуясь тѣмъ же средствомъ, но уже въ смыслѣ наступательномъ, мятежники при-

представлялось для всех в самых мрачных красках.

Император сам был до такой степени проникнут такими же мыслями, что, собственно говоря, и не спрашивал ничего совета, а желал лишь, чтобы присутствующие согласились с ним, что, в данных обстоятельствах, существовал лишь один исход—бегство. Уже три дня, как в дворцовой гавани стояла царская трирема, с нагруженною на ней казною, приготовленная для бегства Юстиниана с женою в Тераклею Фракийскую. Велизарий, с оставшимся у него войском, должен был попытаться еще раз справиться с бунтом.

Большинство совета высказалось за подобный план, забывая, что в государстве, с такою централизациею, как византийская империя, участь правительства зависела прежде всего от обладания столицею. Вследствие этого, если бы план Юстиниана был приведен в исполнение, то царь, быть может, спас бы свою жизнь, но, без всякого сомнения, утратил бы престол. Точно также, для того, чтобы Велизарий, с бывшими в его распоряжении малыми силами, мог решиться на новую, отчаянную попытку наступления, нужно было, чтобы войска были воодушевлены личным присутствием императора и были поставлены в необходимость либо победить, либо умереть.

Феодора хранила все время глубокое молчание, но, чем дальше шло заседание совета, тем больше ее прекрасное лицо искажалось чувством негодования и презрения к этим людям, черезчур нерышительным или трусливым. Ее гордая душа не знала трепета ни в каких обстоятельствах. И теперь, в сомнѣ этих сановников, из которых многие, быть может, уже приветствовали мысленно только что восходящее светило Ипатія, одна лишь императрица сохранила присутствие духа и ничѣм неукротимую энергию. Она принадлежала к числу тех, которые не страшатся борьбы, а, напротив, ищут ее, и в которых новые препятствия лишь разжигают жажду одолѣть их, во что бы то ни стало. Как стал закаляться усиленным дѣйствіем огня, так и подобные характеры достигают полного подъема лишь в тѣ минуты, когда, повидимому, все идет против них, когда они являются одиноким борцом, смѣло тѣм же менѣе поднимающим бросаемую им перчатку.

Долго пересиливала себя царица, но когда какіе вожди, как Велизарий и Мундъ, высказались за необходимость бегства императора, Феодора не выдержала: сердце ее закипѣло, гнѣвные рѣчи полились изъ ее уст: «не

время теперь разсуждать, прилично ли женщинѣ участвовать въ совѣтѣ мужей, а въ особенности произносить смѣлые слова предъ трусами. Когда дѣла дошли до такой крайности, нужно думать только объ одномъ, какъ бы поправить свое положеніе. Что касается меня, то я полагаю, что если бы, дѣйствительно, бѣгство было единственнымъ исходомъ, то и тогда я не согласилась бы къ нему прибѣгнуть, какъ къ средству недостойному и позорному. Бѣгство, если и избавитъ насъ отъ смерти, будетъ для насъ гибельнѣе всякой другой мѣры. Развѣ смерть не есть неизбежный удѣлъ, уготованный для каждаго человѣка съ самаго часа его рожденія? Но тѣ, кто въ своей жизни носили царскій вѣнецъ, тѣ не должны переживать его потери, не должны скитаться по бѣдѣ-свѣту, въ качествѣ изгнанниковъ. Молю Бога, чтобы меня никто не видѣлъ и одного дня безъ царской порфиры. Да померкнетъ же меня свѣтъ въ тотъ день, когда встрѣчные не станутъ больше величать меня императрицей! Если ты хочешь бѣжать, о, царь, то ничто тому не препятствуетъ. У тебя есть достаточно казны: вотъ вполне готовая къ отплытію трирема, вотъ море!.. Но берегись, подумай лучше о томъ, что, убѣгая отсюда, ты, вмѣсто желаннаго спасенія, найдешь не только позорное изгнаніе, но, быть можетъ, пойдешь навстрѣчу смерти. Мнѣ же лично болѣе нравится старинная поговорка:—лучшій саванъ для мертваго—это царская порфира!»

Впечатлѣніе рѣчи Феодоры было чрезвычайное: мужественное краснорѣчіе императрицы прістѣидило присутствующихъ, вдохнуло въ сердца рѣшительность бороться до послѣдней крайности. Тотчасъ же былъ составленъ планъ дѣйствій на завтрашній день. Одновременно съ силою было рѣшено пустить въ ходъ и другое средство—подкупъ. Выполненіе этой задачи было возложено на оберъ-камергера Нарзеса, который проникъ переодѣтымъ въ гипподромъ и успѣлъ завязать тамъ необходимыя сношенія. Почва къ тому была уже отчасти подготовлена.

Многие изъ голубыхъ, увлеченные въ возстаніе порывомъ внезапнаго негодованія на образъ дѣйствій Юстиніана, опомнились при мысли, что вновь избранный императоръ былъ приверженцемъ и орудіемъ противной имъ партіи. Духовенство точно также не могло видѣть равнодушно на престолѣ отъявленнаго монофизита и всюю душою желало восстановленія прежняго правительства. Съ своей стороны, Нарзесъ не скупился предъ нѣкоторыми главарями возстанія на обещанія: онъ сулилъ имъ царскую милость и богатые дары въ случаѣ восстановленія прежняго порядка.

Успѣху стараній приверженцевъ Юстиніана въ значительной степени способствовалъ неумѣлый образъ дѣйствій Ипатія.

Пропустивъ благоприятный моментъ, когда можно было взять дворецъ приступомъ, новый народный избранникъ повѣрилъ нарочно распушеннымъ слухамъ о бѣгствѣ Юстиніана и Феодоры и думалъ только о томъ, какъ бы воспользоваться всеми царскими почестями. Забывъ о присутствіи враговъ, онъ дошелъ до того, что назначилъ на 20-е число игры въ циркѣ.

Когда народъ собрался въ гипподромъ, съ самаго же начала игра обнаружилась плодомъ тайныхъ переговоровъ Нарзеса. Среди привѣтствій новому императору, между голубыми вдругъ раздались крики: «да здравствуетъ Юстиніанъ! Да здравствуетъ побѣдитель! Да хранитъ Богъ императора и императрицу Феодору!» Услышавъ это, зеленые въ мгновеніе ока бросились на голубыхъ, упрекая ихъ, зачѣмъ они отстали отъ общаго дѣла. Тѣ оборонялись камнями, обломками сѣдалищъ, словомъ, чѣмъ попало. Неожиданное появленіе Велизарія рѣшило дѣло. Въ теченіе ночи на 20-е января, во дворцѣ приняли все мѣры къ послѣднему усилію.

Рано утромъ 20-го числа, когда народъ только что началъ стекаться въ циркѣ, Велизарій двинулся въ путь со своими готами и герулами. Длиннымъ обходомъ, чрезъ пожарища и развалины домовъ, достигъ онъ, никѣмъ не замѣченный, западнаго входа въ гипподромъ: часть его войска заняла выходы изъ цирка, другая часть взбѣжала по внутреннимъ лѣстницамъ въ верхнія галлерей, которыя тянулись надъ сѣдалищами, и отсюда осыпала градомъ стрѣлъ всехъ собравшихся въ циркѣ. Это было какъ разъ тогда, когда тамъ завязалась драка между зелеными и голубыми.

Подъ влияніемъ неожиданности нападенія и охватившаго всехъ смятенія, толпившейся тамъ народъ представлялъ изъ себя пеструю, безпорядочную массу, неспособную къ серьезному сопротивленію.

Видя себя окруженными войсками, но болѣе храбрые изъ нихъ, сначала, попробовали вытѣснить воиновъ Велизарія изъ верхнихъ галлерей, но убѣдившись въ бесплодности своихъ попытокъ, искали спасенія въ бѣгствѣ чрезъ боковые коридоры (vomitoria); тутъ, однако, ихъ ужъ ждали герулы: первые ряды бѣглецовъ пали подъ ударами ихъ копій—стѣна изъ труповъ поднялась предъ каждою дверью и закрыла выходъ для всехъ остальныхъ бѣглецовъ.

Растеряшіяся толпы безосознательно бросались то въ ту, то въ другую сторону арены.

Тогда-то отряды Велизарія двинулись внутрь арены. Смятеніе достигло своего апогея: всякій изъ бывшихъ тамъ думалъ только о томъ, какъ бы спасти свою жизнь, не помня о томъ, какъ бы сопротивленію наступающимъ варварамъ: бѣглецы давили и топтали другъ друга.

Вопль отчаянія погибавшихъ, смѣшанный съ криками ярости и ужаса всехъ участниковъ этой страшной сцены, послужили призваннымъ сигналомъ для остальныхъ отрядовъ Юстиніанова войска.

Мундъ бросился въ восточныя ворота гипподрома, такъ называемыя, «ворота покойниковъ»,—сынъ его пошелъ по тому же пути, что и Велизарій.—Нарзесъ штурмовалъ царскую казизму, гдѣ находился самъ Ипатій, и, наконецъ, пятый вождь, Констанціозъ, съ отборнымъ войскомъ, открылъ себѣ путь съ сѣвера.

Толпа за толпою воиновъ врвалась на арену и безъ разбора рубили всехъ—и зеленыхъ, и голубыхъ. Поднялась ужасающая рѣзня на аренѣ, на уступахъ цирка, въ конюшняхъ, въ помѣщеніи возницъ, словомъ, вездѣ, гдѣ мятежники старались скрыться отъ преслѣдованія. Нѣкоторые изъ нихъ карабкались на *Стіну* и падали оттуда, пораженные длинными копытами геруловъ. Другіе бросались въ Эврий и тонули; наконецъ, нѣкоторые, совершенно безумѣвшие отъ страха, бросались съ верхняго этажа цирка на площадку и, разумеется, разбивались на смерть.

Груды убитыхъ затрудняли нападеніе и бѣгство, ноги скользили на землѣ, упитанной кровью.

Кровь струилась потоками съ блѣдноромныхъ ступенъ амфитеатра, и большія лужи ея выдѣлялись красными пятнами на пескѣ арены.

Легко представить себѣ, съ какимъ тяжелымъ чувствомъ смотрѣлъ съ высоты царскаго трибунала Ипатій, присутствуя при крушеніи всехъ своихъ надеждъ, при избіеніи своихъ вѣрныхъ друзей, и не будучи въ состояніи имъ помочь! Путь отступленія для него самого былъ также отрѣзанъ и, какъ только солдаты покончили съ несчастными никатами, корчившимися теперь на аренѣ въ предсмертныхъ судорогахъ, они устремились къ императорской ложѣ. Одни изъ воиновъ разбили двери, другіе, подъ предводительствомъ племянниковъ Юстиніана—Боранда и Юстина—взобрались на каизму посредствомъ штурмовыхъ лѣстницъ. Ипатій стацили съ его мѣста и, вмѣстѣ съ его братомъ, Помпеемъ, привели къ Юстиніану. Они простерлись предъ царемъ на землѣ съ восклицаніемъ: «о, трижды Августъ! Это мы выдали тебѣ твоихъ враговъ, такъ какъ лишь

по нашему приказанию собрались они въ църквѣ!»

Юстинианъ, къ которому вернулась уже обычная находчивость, не замедлил замѣтить съ жестокою ироніею на недостойныя и коварныя слова своихъ поверженныхъ въ прахъ соперниковъ: «Прекрасно! Но если вы имѣли такое вліяніе на этихъ людей, то вы должны были бы имъ воспользоваться раньше, чѣмъ они сожгли мой городъ!»

По повелѣнію царя, Ипатій и Помпей были преданы казни, а тѣла ихъ брошены въ море. Но на другой день волны выбросили трупъ Ипатія на берегъ. Юстинианъ приказалъ похоронить его на кладбищѣ, отведенномъ для преступниковъ. Только по прошествіи года было дозволено вдовѣ и дѣтямъ казненнаго перенести его останки въ часовню Св. Мавры.

Въ городѣ рѣзня продолжалась до поздней ночи. Опыянные кровью варвары убивали всѣхъ, кто попадался имъ подъ руку. Изъ бѣдшихъ на гипподромѣ не спасся никто. Возмущеніе было потоплено въ потокахъ крови. Въ слѣдующіе дни пришлось похоронить, по Проконію, 30,000, а по Зонарѣ — 0.000 труповъ.

Расправа правительствъ, вообще, была жестокая: начиная съ 20-го января пошли озыски. Аресты, конфискаціи имущества, ссылки, смѣненія, казни слѣдовали одинъ за другимъ. Ни одинъ изъ сенаторовъ, приставшихъ къ Ипатію, не остался безъ наказанія: всѣ они лишились своего сана и имущества; многие же были казнены.

Такъ окончилась попытка возстановить на византійскомъ престолѣ прежнюю династію, въ имперіи—старые порядки. Новыя идеи централизаціи восторжествовали окончательно: староримскія учрежденія уступили мѣсто новымъ формамъ. Язычество и его философскіе представители исчезли изъ имперіи навсегда.

IX.

Когда страшная буря, грозившая развѣять въ замыслы Юстиниана, разрушить самый остовъ его, пронеслась благополучно для царя, само собою разумѣется, что та, которая своими совѣтами, своими мужественными рѣшимами подняла упавшій духъ императора и его военачальниковъ и тѣмъ сошено измѣнила ходъ событий, та женщина должна была приобрести преобладающее вліяніе въ государствѣ, занять въ немъ праву то положеніе, которое догоду она имѣла скорѣе въ силу царской любви. И, действительно, можно сказать, что, въ особенности, со времени подавленія возстаній Атаговъ и до самой ея смерти, въ Теодорѣ

находился центр тяжести византійскаго правленія.

Юстинианъ вовсе не скрывалъ, что по всякому дѣлу онъ предварительно совѣщался съ императрицею: онъ торжественно объявлялъ о томъ въ издаваемыхъ имъ законодательныхъ актахъ, въ которыхъ онъ величалъ Теодору «высокопочтеннѣйшею, Богомъ данною намъ супругою».

Павелъ Симендарій, въ посвященіи поэмы своей о Св. Софіи, напоминаетъ Юстиниану, что его, тогда уже покойная, супруга была для него «вѣрною соудницею»; — отзывъ, которому тѣмъ болѣе можно довѣряться, что Теодора уже не было въ живыхъ, когда писались тѣ строки; и, слѣдовательно, не лезть вчуждъа ихъ лѣтописцу-поэту.

Проконій, Эварій, Зонара и большинство византійскихъ лѣтописцевъ сходятся въ мнѣніи, что Теодора была не только супругой Юстиниана, но и, действительно, самодержавною императрицею, что власть ея была столь же велика и могущественна, какъ и власть самого императора, если даже не «нѣсколько болѣе» (εἰ μὴ καὶ πλεον).

На основаніи всего, что намъ извѣстно о царствованіи Юстиниана, необходимо признать, что Теодора играла въ правленіи выдающуюся роль, и что ей слѣдуетъ приписать широкое участіе въ дѣятельности Юстиниана, какъ законодателя, строителя и завоевателя.

Во внутренней политикѣ Теодора, обыкновенно столь суровая по отношенію къ мужчинамъ, является постоянною покровительницею женщинъ, охранительницею ихъ правъ. Подъ непосредственнымъ ея вліяніемъ были издавы многочисленные законы, направленные въ пользу женщинъ, а именно законы о разводѣ, о залогѣ женщинъ, объ узаконеніи дѣтей, о похищеніи монахинь. Только Теодорѣ должны быть приписаны эдикты объ избавленіи актрисъ отъ вѣчнаго рабства, дозволявшіе соблазненнымъ дѣвушкамъ требовать, чтобы соблазнитель ихъ искупалъ свою вину бракомъ, либо вознагражденіемъ въ размѣрѣ одной четвертой части всего ихъ имущества. Благодаря исключительно императрицѣ, были издавы законы, обязывавшіе самоубійницъ выдѣлять извѣстную часть имущества въ собственность ихъ женамъ, а также законы, опредѣлявшіе права женщинъ по наследованію вообще.

Въ частной жизни Теодора постоянно выступала въ роли милосердной покровительницы несчастныхъ, обиженныхъ женъ, являлась блюстительницею правдивости и карательницею порока во всѣхъ его формахъ, столь разнообразныхъ на Востокѣ: она вмѣшивалась въ дѣло устройства браковъ, ста-

вила себѣ цѣлью возстановлять въ семьяхъ миръ и согласіе.

Какъ мало выжестъ это глубоко-правственное направленіе со всѣмъ тѣмъ, что разсказываетъ Проконій о первыхъ годахъ юности Теодоры! Не служить-ли фактъ этотъ однимъ изъ лучшихъ доказательствъ живости Проконія? Тѣмъ болѣе, что ни самъ Проконій, ни никто изъ самыхъ отъявленныхъ враговъ супруги Юстиниана не осмѣливается заподозрять чистоту семейной жизни Теодоры-императрицы, никто не дѣлаетъ ей въ этомъ отношеніи ни малѣйшаго упрека, ни даже не намекаетъ на что-либо предосудительное въ ея образѣ жизни, а, напротивъ, всѣ сходятся въ томъ, что согласіе и искренняя любовь, существовавшая между обоими царственными супругами, никогда и ничѣмъ не были нарушены.

Любя и понимая все истинно прекрасное, Теодора могла лишь поощрять страсть Юстиниана къ постройкамъ, когда въ головѣ царя зародились грандіозные проекты возстановленія собора Св. Софіи въ Константинополѣ и, вообще, всѣхъ частей столицы; сожженныхъ или сторѣвшихъ во время возстанія никетовъ. Она не только не сдерживала его страсти къ строительству, но и сама возела много различныхъ сооружений. Ея усердіемъ и заботами были сооружены крѣпости, церкви, сиротскіе дома и пріюты, больницы, а также знаменитый, перебранный изъ дворца, монастырь *Метаноія* для раскаявшихся женщинъ. Преданіе, впрочемъ, говоритъ, что оказываемое этимъ послѣднимъ вниманіе имѣло нѣсколько принудительный характеръ: насильно навязываемаго благодѣянія, и что въ связи съ коренною переменою прежняго образа жизни, оно такъ подѣйствовало сначала на заключенницъ, что нѣкоторыя изъ нихъ утопились въ Босфорѣ.

Подъ могучимъ воздѣйствіемъ личнаго почета Юстиниана и Теодоры, гигантскія постройки производились не только въ столицѣ, возродившейся изъ пепла съ еще болѣе широкимъ противъ прежняго великолѣпіемъ, но и по всѣмъ областямъ имперіи. На границахъ Персіи, въ Сиріи, Египтѣ, Киренаикѣ, Нумидіи, Италіи—повсюду поднимались грозныя крѣпости, древніе разрушенные города возстали изъ своихъ развалинъ.

Теодора принимала также живое и непосредственное участіе въ военныхъ планахъ императора: славолубивая и смѣлая, она настаивала на рѣшеніи вести войны съ вандалами и съ готами, — войны, которыя увѣщали византійское оружіе лаврами и сообщили блескъ царствованію Юстиниана.

Африканская война съ вандалами была

вызвана, по преимуществу, желаніемъ Теодоры отомстить Гелимеру, свергнутому съ престола покровительствуемаго ею королемъ Гильдерика, несчастныхъ дочерей котораго императрица благосклонно приняла къ себѣ.

Войны въ Италіи отчасти обусловливались стремленіемъ императрицы подчинить себѣ палъ римскихъ, но, главнымъ образомъ, обусловливались дѣлами завоевательными. Православіе послужило къ тому могущественнымъ рычагомъ.

Всѣдствие преслѣдованія послѣдователей Арія, арианство было уничтожено въ предѣлахъ восточной имперіи, но сохранилось на Западѣ. Между остъ-готами въ Италіи, вѣстготами въ Испаніи и вандалами въ Африкѣ арианство господствовало исключительно, хотя подвластные имъ народы романскаго племени держались православія. При такомъ порядкѣ вещей, вѣра составляла то невидимое звено, которое связывало тѣсными узами западныхъ православныхъ съ православными государями Византіи. И послѣдующія завоеванія Юстиниана въ Италіи и Африкѣ болѣе всего зависли отъ сочувствія, которыми онъ пользовался между ними, въ качествѣ защитника и представителя православія, а также отъ ихъ ненависти къ своимъ иновѣрнымъ властителямъ.

Результатомъ этихъ войнъ было то, что византійской имперіи были возвращены почти всѣ земли, которыми владѣли римскіе императоры, была возвращена сама древняя ея столица—сѣдой Римъ. Потомокъ Гейзериха преклонилъ главу свою предъ Юстинианомъ, наследникъ великаго Теодориха приведенъ былъ въ цѣпяхъ въ Константинополь.

Подобно Юстиниану, Теодора была неразборчива въ средствахъ для достиженія цѣли и въ выборѣ нужныхъ ей лицъ: она не столько обращала вниманіе на нравственную сторону каждаго, сколько на то, чтобы избранный ею служилъ ей вѣрно и хорошо.

Умѣвшая очень быстро проникать въ тайну козввъ, подготовляемыхъ ей ея врагами, Теодора сама умѣла до поры до времени таить свою вражду.

Никто не былъ такъ устойчивъ въ своихъ привязанностяхъ, такъ постояненъ въ своей дружбѣ, какъ императрица, но зато, всегда послѣдовательная въ своихъ дѣйствіяхъ, Теодора была непримирима въ своей мести. Оно и не могло быть иначе.

Обязанная, прежде всего, оберегать свое личное, высокое положеніе, въ которое она была возведена въ силу простой случайности, зная чувства ненависти, съ которыми встрѣтили ея неожиданное возвышеніе, стра-

шась ежеминутно интриги, въ которыхъ при византійскомъ дворѣ были очень искусны, она должна была быть жестока — особенно при правахъ того времени — такъ какъ и сама не могла разсчитывать ни на чье снисхожденіе. Осудивъ кого-нибудь на гибель, она непременно и неуклонно выполняла свой замыселъ, тѣмъ болѣе, что искусенная горькимъ опытомъ, она знала, какъ мало можно полагаться на искренность раскаяннаго прощеннаго царедворца.

Ревниво относясь къ своей власти, Теодора не терпѣла сопротивленія ей повелѣніямъ, ни какихъ-либо замѣчаній по ихъ поводу.

Прискъ Пафлагояннинъ, частный секретарь Юстиніана, овладѣлъ полнымъ довѣріемъ своего государя и имѣлъ неосторожность похваляться, что къ Теодорѣ онъ относится, только какъ къ супругѣ императора, а не какъ къ соправительницѣ. Сначала Теодора попыталась погубить дерзкаго наговорами, когда же это не удалось, то, просто, велѣла хватить Приска ночью порою въ его собственномъ домѣ и перевести немедленно въ Африку, гдѣ его тотчасъ же постригли въ монахи — отнынѣ онъ не могъ исполнять никакой государственной или общественной обязанности и, слѣдовательно, былъ безопасенъ.

Юстиніанъ сдѣлалъ видъ, что ему невѣстна эта быстрая расправа Теодоры, и скоро забылъ своего прежняго любимца.

Труднѣе было справиться съ Иоанномъ Каппадокійскимъ, снова назначеннымъ префектомъ преторіи Востока, послѣ усмиренія гунта никакотъ. Въ этомъ дѣлѣ Теодорѣ поглагола жена Велизарія, Антонина: она попаралась сблизиться съ Иоанномъ и войти съ нимъ въ тайныя сношенія. Въ разговорѣ съ нимъ, она горько жаловалась на несправедливость Юстиніана къ Велизарію, указывала на недовольство высшихъ классовъ и народа и, наконецъ, предложила ему войти въ заговоръ, имѣвшій цѣлью низложеніе императора.

Увлеченный лестно и пышными обѣщаніями, префектъ согласился явиться на свѣтлѣ въ загородный домъ, расположенный въ глухомъ мѣстѣ, — тамъ должны были быть приняты окончательныя рѣшенія заговорщиковъ.

Въ то же время, Теодора, со словъ Антонины, сообщила обо всемъ императору, который послалъ Нарзеса и начальника тѣлохранителей, Марцелла, присутствовать, оставаясь самъ невидимымъ, при разговорѣ мнѣхъ заговорщиковъ.

Уличенный въ измѣнѣ, Иоаннъ Каппадокійскій былъ лишенъ всѣхъ своихъ званій и

должностей и изгнанъ въ Африку: имущество его было отобрано въ казну, и бывшій всесильный министръ, правая рука Юстиніана, умеръ на чужбинѣ въ страшной нищетѣ.

Жители Константинополя не сожалѣли о павшемъ временщикѣ, такъ какъ его корыстолюбіе, жадность и насилія давно уже сдѣлали его предметомъ народной ненависти. Хотя въ этомъ дѣлѣ Теодора, конечно, стремилась по преимуществу отдѣлаться отъ личнаго и опаснаго врага, тѣмъ не менѣе, своимъ крутымъ и рѣшительнымъ образомъ дѣйствій, она оказала благотворное всему народу, вздохнувшему свободѣе послѣ опалы Иоанна Каппадокійскаго.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Теодора была безопасна по отношенію къ людямъ, худо понимавшимъ ея приказанія или исполнявшимъ ихъ только на половину, тѣмъ не менѣе рассказы объ ея жестокости и объ истязаніяхъ, которымъ она будто бы подвергала людей въ подземельяхъ своего дворца лишь потому, что это доставляло ей особенное наслажденіе, входятъ, по всей вѣроятности, въ разрядъ злобныхъ вымысловъ, распущенныхъ личными врагами Теодоры, не брезгавшими никакими средствами, чтобы только очернить императрицу, твердо и открыто проводившую политику, которой тогда далеко не всѣ сочувствовали.

Теодорѣ ставятъ въ упрекъ ея дружбу съ такою недостойною во всѣхъ отношеніяхъ женщиною какъ Антонина, но признъ эта была на политической подкладкѣ.

Проницательный умъ Юстиніана сумѣлъ угадать въ Велизарія, когда тотъ занималъ еще низшія военскія должности, задатки великаго полководца, и сталъ выдвигать его впередъ. Императоръ не ошибся въ своихъ ожиданіяхъ, и неувядаемая слава покрыла избраннаго имъ вождя, столько разъ водившаго византійскія войска къ побѣдамъ.

Велизарій былъ одаренъ военнымъ талантомъ первой величины: онъ первый постигъ, что единственный способъ успешной борьбы съ варварами, сражавшимися сплошными, стотысячными массами, заключался въ противопоставленіи имъ армій небольшихъ по численному составу, но превосходно обученныхъ, дисциплинированныхъ и закаленныхъ въ бояхъ.

Этотъ великій человекъ имѣлъ лишь одну слабость — безавѣтную любовь къ своей порочной женѣ, Антонинѣ, любовь, которую ничто не могло поколебать.

При неустойчивости византійскихъ династій, народная любовь, окружавшая счастливыхъ полководцевъ, и привязанность къ нимъ ихъ собственныхъ войскъ могли, при извѣст-

ныхъ обстоятельствахъ, создать серьезную опасность для царствующаго императора.

Теодора слишкомъ хорошо помнила исторію возвышенія Юстиня, чтобы не взвѣсить въ своемъ разсчетливомъ умѣ всю опасность, простекавшую для Юстиніана отъ постоянно увеличивавшейся, подъ влияніемъ новыхъ побѣдъ, популярности Велизарія. Съ другой стороны, она не могла не видѣть, что военные таланты Велизарія были необходимы для блага имперіи, что устранить его отъ командованія было бы опасно, такъ какъ тогда нужно было вести непрерывныя войны съ готами, персами, вандалами и съ тѣми безчисленными полчищами варваровъ, которые, какъ сталъ хищныхъ коршунъ, сторожили лишь моменты, чтобы ринуться въ византійскіе предѣлы и огнемъ и мечомъ пройти чрезъ цвѣтущія дотолѣ области.

Въ семейной жизни Велизарія Теодора нашла орудіе собственной безопасности, которое можно было направлять къ вящей пользѣ государства.

Привязывая къ себѣ Антонину, Теодора привязывала къ себѣ и Велизарія. Съ помощью же Велизарія она могла держать въ своей власти и его жену. Оказывая нѣкоторое послабленіе наклонностямъ Антонины, содѣйствуя къ тому, чтобы онѣ оставались скрыты отъ глазъ свѣта, императрица могла тѣмъ самымъ разсчитывать на безусловную вѣрность Антонины; владя же ея тайнами, Теодора связывала ее по рукамъ и по ногамъ и дѣлала себѣ изъ нея преданнѣйшую слугу.

Впрочемъ, Велизарій, несмотря на всѣ свои заслуги, впасть однажды въ немилость у императрицы, и вотъ по какому случаю.

Въ исходѣ декабря 543 года, появилась въ Константинополѣ страшная чума, уносившая свои жертвы въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, а иногда моментально. Четыре мѣсяца свирѣпствовала она въ столицѣ — бывали дни, когда отъ нея умирало отъ пяти до десяти тысячъ человекъ въ сутки. Хоронить такое множество покойниковъ, положительно, не успѣвали, а потому сбрасывали трупы въ глубокіе колодецы и городскія бани, что, разумѣется, еще болѣе содѣйствовало распространенію заразы; лишь потомъ додумались до необходимости устранить эти ужасные очаги болѣзни и стали сжигать трупы.

Теодора не была постигнута чумою, что дало злобному Прокопію поводъ замѣтить, что самые порочные люди избѣгли ея; зато Юстиніанъ заболѣлъ очень тяжело, а въ восточной арміи распространилась даже ложная вѣсть объ его смерти. Тамашніе военачальники согласились между собою не признавать никакого правительства, которое со-

ставилось бы въ Константинополѣ безъ ихъ согласія.

Императрица, которая въ качествѣ Анугсты и соправительницы, вѣроятно, разсчитывала, по кончинѣ Юстиніана, править царствомъ самостоятельно или, по крайней мѣрѣ, надѣялась имѣть право выбрать преемника Юстиніану и царствовать съ нимъ совместно, крайне оскорбилась поступкомъ тѣхъ военачальниковъ и вызвала всѣхъ ихъ, а въ томъ числѣ и Велизарія, въ столицу. Лѣтописецъ говоритъ, что вина Велизарія состояла не столько въ прямомъ участіи въ заговорѣ противъ Теодоры, сколько въ томъ, что онъ не принялъ мѣръ къ уничтоженію его.

Виновные вожди были всѣ наказаны. Съ Велизаріемъ было поступлено милостивѣе: у него отняли командованіе восточною арміею и конфисковали часть имущества.

Чрезъ нѣсколько дней, императрица возвратила, однако, Велизарію свою милость — онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ арміями, находившимися въ Италіи. Только, чтобы еще тѣснѣе привязать Велизарія къ Антонинѣ, а Антонину къ себѣ, Теодора увѣрила знаменитаго полководца, что своимъ прощеніемъ онъ обязанъ исключительно заступничеству за него его жены.

Уже позднѣйшіе лѣтописцы выдумали, по поводу этой опалы, сказку объ ослѣпленіи Велизарія. Свѣдѣніе о томъ въ первый разъ, и то въ видѣ слуха, сообщаетъ въ своей стихотворной лѣтописи монахъ Іоаннъ Цецесъ, жившій въ XII столѣтіи. Легенда о томъ держится и до нашихъ дней, несмотря на то, что она противорѣчитъ всѣмъ историческимъ даннымъ, несмотря даже на то, что самъ Цецесъ, въ другомъ мѣстѣ своей поэмы, утверждаетъ, что въ прочихъ византійскихъ лѣтописяхъ онъ нашелъ, что ничего подобнаго не было. Но, повторимъ, легенда иногда болѣе живуча, чѣмъ исторія, и точно такъ же, какъ воображенію народному правится изображать императрицу Теодору олицетвореніемъ порока и всякаго зла, въ томъ же воображеніи доселѣ сохраняется измѣжденное лицо слѣплого Велизарія, просящаго себя на хлѣбъ!

Какъ въ груди, которымъ Теодора страдала уже давно, истощилъ, наконецъ, ея силы, 28-го іюня 547 года печальный звонъ колоколовъ возвѣстилъ жителямъ Константинополя, что ихъ императрица не стала.

Желаніе Теодоры исполнилось: до послѣдняго ея вдоха ей не пришлось разставаться съ царскою порфирію, которую она такъ любила — и на смертномъ ложѣ она была все тою же повелительницею, какою ее привыкли видѣть за двадцать одинъ годъ ея царствованія.

потрясенъ. Дугласъ забылъ, что онъ пойманъ, какъ шпионъ, и забылъ о томъ, что его ожидаетъ. Мнѣ стало жаль его. Я примирился съ нимъ; послѣдніе слѣды прежней, давнишней ненависти прошли. Но я видѣлъ необходимость предупредить его. И въ разговорѣ я назвалъ его «майоромъ». Онъ страшно испугался, услышавъ свой военный титулъ. Сразу онъ понялъ, что его выдало свѣдѣтельство въ бумажикѣ. Съ минутой сидѣлъ онъ, молча, и вдругъ тихо и жалобно сорвалось съ его губъ: «обѣдняя Мерритъ!» Черезъ минуту онъ выпрямился. Онъ, видимо, рѣшился, былъ готовъ ко всему. Но во мнѣ это «обѣдняя Мерритъ» такъ и жало сердце. Она, любимая, должна лишиться мужа, ея дѣти—отца! И вы знаете, что я сдѣлалъ? Я перерѣзалъ веревки, которыми былъ связанъ Дугласъ. И взявъ съ него клятву, что онъ не выдастъ своимъ ничего о насъ, вывелъ его изъ лагеря... Судите меня, какъ хотите. Я готовъ идти подъ арестъ.

Я удержалъ его за руку.

— Стойте, капитанъ. Нельзя разглашать этого дѣла; я не могу допустить, чтобы вы лишились чести передъ всѣми.

И я взялъ клочокъ бумаги, служившій уликой противъ Дугласа, и сжегъ его.

— Въ рапортѣ будетъ донесено, что фермеръ Джемсъ Дугласъ былъ опущенъ, какъ не заслуживающій подозрѣнія. Что касается васъ, капитанъ, то въ ближайшемъ сраженіи я буду рассчитывать на васъ въ критическую минуту, когда надо будетъ отбить болѣе сильнаго врага.

Съ видимою радостью онъ выслушалъ свой приговоръ.

— Благодарю васъ, полковникъ, сказали онъ просто.

Я долженъ былъ сдержать свое слово. Это случилось въ первый день сраженія при Чикамангѣ, когда надо было, какою бы ни пришлось цѣною, удержать стремительное наступленіе непріятеля. Я приказалъ Фальку съ его ротой встать во главѣ полка. При первой жешибкѣ пуля сразила его наповаль.

* * *

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ войны, дѣла привели меня въ Чарльстонъ. Тамъ я навелъ справки о Джемсѣ Дугласѣ изъ Райейга. Онъ невредимо вернулся домой съ войны.

Я навѣстилъ его. Какъ только я произнесъ имя Фалька, онъ обѣими руками сжал мою руку.

— Онъ живъ?

Я покачалъ головою:

— Онъ убитъ при Чикамангѣ: его послѣдняя мысль была о другѣ его юности, Мерритѣ Фостерѣ.

Взволнованный, онъ отвернулся.

Меня онъ не узналъ. Я напомнилъ ему обстоятельства нашей встрѣчи.

— Вы все знаете? спросилъ онъ меня.

— Все.

Онъ повелъ меня къ женѣ и оставилъ насъ наединѣ. Мы долго говорили съ нею о Фалькѣ, но то, что онъ пошелъ на смерть изъ-за нея, я умалчалъ. Эту тайну я храню до сихъ поръ.

250-лѣтній юбилей барометра.

Очеркъ.

Во Флоренціи до сихъ поръ благоговѣнно и свято сохраняются двѣ старыя стекляныя трубки, служившія гениальному итальянцу Эвангелиста Торричелли для устройства перваго барометра. Трубки эти были когда-то частью того инструмента, которымъ великій изобрѣтатель раскрылъ одну изъ великихъ сокровенныхъ тайнъ природы, обогативъ науку открытіемъ законовъ воздушнаго давленія.

Еще въ древности имѣлся уже насосъ, съ помощью котораго давленіемъ воздуха вода подымалась изъ одного сосуда въ другой, знали всасывающіе насосы разныхъ конструкций, въ которыхъ, благодаря воздуш-

ному давленію, подымались цѣлыя водяные столбы. Но самой сути этихъ явленій, причины, законовъ ихъ не могли познаться ни египтяне, ни греки, ни римляне. Аристотель изобрѣлъ для этого явленія—подъема воды—свое знаменитое, оригинальное объясненіе: природа не терпитъ пустоты, — стоитъ только таковой гдѣ-нибудь оказаться, какъ сейчасъ же природа старается восполнить ее какимъ-либо веществомъ, будь это вода, воздухъ, безразлично. Это замѣчательное свойство природы, получившее названіе «horror vacui» (боязнь пустоты), какъ объясненіе сказаннаго явленія, пережило чуть ли не тысячелѣтіе, пока не было случайно

сдѣланъ опытъ, испровергнувшій прежнее ученіе.

250 лѣтъ тому назадъ, понадобилось какъ-то въ садахъ флорентійскаго герцога провести воду съ помощью насоса изъ глубокаго колодца на расположенную выше террасу. Для этого была устроена длинная труба, и привели въ дѣйствіе насосы, но, къ изумленію, несмотря ни на какія усилія, насосы не давали воды. Вода въ трубѣ достигла 10 метровъ, 32 парижскихъ футовъ высоты и не двигалась ни на одинъ футъ выше. Это необычайное явленіе дошло до свѣдѣнія знаменитаго физика Галилео Галилея и заставило его ближе заняться аристотелевскимъ ученіемъ о «horror vacui». Колодцы во Флоренціи доказали, что нетерпимость природы къ пустому пространству никоимъ образомъ не безгранична. Эта загадочная естественная сила, какъ выразился Галилей, была динъ въ состояніи удерживать въ равновѣсн столбъ воды въ 32 фута вышины. Но ограниченный, такимъ образомъ, «horror vacui» не имѣлъ уже никакого смысла. Стали изучать это явленіе еще глубже, и, наконецъ, Торричелли, одному изъ самыхъ выдающихся учениковъ Галилея, удалось разгадать эту таинственную загадку.

Дѣлать опыты съ трубкой въ 32 фута длины было очень неудобно. Поэтому Торричелли рѣшился для своихъ опытовъ избрать вмѣсто воды другую, болѣе тяжелую жидкость, и остановился при этомъ на ртути. Такъ какъ ртуть въ 13½ разъ тяжелѣе воды, то, полагая Торричелли, такъ-называемый, «horror vacui», ограниченный 32-футовой высотой водянаго столба, долженъ быть ограниченъ 28-дюймовой высотой ртутнаго столба. Однажды говорилъ онъ объ этомъ со своимъ другомъ ученикомъ Вивіани и объяснилъ ему слѣдующее: если взять стеклянную трубку въ 30 дюймовъ длины, запаянную съ верхняго конца, наполнить ее ртутью и затѣмъ, заткнувъ пальцемъ ее нижнее отверстіе, опустить трубку въ сосудъ, наполненный ртутью, и отнять палецъ, то ртуть понизится въ трубкѣ такимъ образомъ, что въ верхнемъ концѣ ея образуется пустое пространство въ два дюйма вышины, и ртуть такъ и останется стоять на высотѣ 28 дюймовъ.

Правильны ли были ходъ мыслей Торричелли? Вивіани сейчасъ же принялся за изслѣдованіе и уже на слѣдующій день привелъ въ восторгъ своего учителя блестяще удавшимися опытами. Все случилось какъ разъ такъ, какъ рассчиталъ Торричелли.

Съ этихъ поръ Торричелли отринувъ совершенно теорію о «horror vacui». Силою, подъявшею въ трубкѣ ртуть, былъ, по его мнѣ-

нію, вѣсъ воздушнаго столба, производившій давленіе на поверхность ртути въ открытомъ сосудѣ. Торричелли замѣтилъ, однако, что высота ртути въ трубкѣ неизмѣнна. По поводу этого Торричелли въ 1644 году, въ письмѣ къ Микело Анджело Риччи, въ Римѣ, между прочимъ, говоритъ: «я дѣлаю свой опытъ не столько для того, чтобы добиться существованія пустого пространства, сколько съ намѣреніемъ изготовить инструментъ, по которому можно было бы узнать измѣненія давленій воздуха, дѣлающагося то тяжелѣе и плотнѣе, то легче и рѣже».

Открытіе Торричелли произвело переворотъ въ наукѣ. Но не скоро разстаются со старыми, вѣвшимися со школьной скамьи взглядами; ученіе о «horror vacui» нѣсколько столѣтій удовлетворяло людей науки, и вдругъ, теперь, приходилось ему уступить и даже совсѣмъ исчезнуть, благодаря какой-то новой, темной еще теоріи воздушнаго давленія. Въ справедливости опытовъ Торричелли никто, однако, не могъ сомнѣваться, каждый имѣлъ возможность ихъ проверить. Но справедливо ли было самое объясненіе? Это требовалось еще доказать. Доказательство нашелъ извѣстный французскій физикъ Паскаль. Если, дѣйствительно, высота ртутнаго столба въ трубкѣ обуславливается давленіемъ воздуха на свободную поверхность ртути, то, по мнѣнію Паскаля, на вершинѣ горы ртуть должна стоять ниже, чѣмъ у ея подошвы, такъ какъ иначе надо было бы отвергнуть существованіе воздушныхъ слоевъ между вершиной и подошвой горы. Паскаль поручилъ для этого своему шурину Перье, жившему въ Клермонтѣ, у подошвы 900-метровой горы «Puy-de-Dôme», измѣрить высоту ртути въ «торричеллиевой трубкѣ» въ Клермонтѣ и на вершинѣ упомянутой горы. 19 сентября 1648 года исполнить Перье это порученіе, и предположеніе Паскаля подтвердилось самымъ блестящимъ образомъ. На вершинѣ горы ртутный столбъ былъ почти на 3½ дюйма короче, чѣмъ внизу.

Рѣдко челоѣкъ, сдѣлавшій какое-нибудь теоретическое открытіе, самъ же находитъ и его практическія послѣдствія. Торричелли, получивъ въ верхнемъ концѣ своей стеклянной трубки безвоздушное пространство, указалъ на это явленіе, но долженъ былъ ограничиться этимъ указаніемъ. Показать значеніе и особенности воздушнаго давленія удалось другому ученому. Знаменитый магдебургскій бургомистръ Отто фонъ-Герике, заинтересовавшись работами Галилея, занялся вопросомъ о воздушномъ давленіи, и разработалъ его рядомъ интереснѣйшихъ опытовъ. Всѣмъ извѣстенъ опытъ его съ двумя металлическими полушаріями, котора, подъ

влиянием воздушного давления, так плотно пристають другъ къ другу, что шестнадцать лошадей не въ силахъ ихъ оторвать другъ отъ друга. Опытъ этотъ былъ произведенъ въ Вормсѣ, въ 1664 году, въ присутствіи императора Фердинанда III и нѣмецкихъ князей, въ рейхстагѣ и привелъ всѣхъ въ неопредѣлимое изумленіе.

Первая мысль объ устройствѣ барометра принадлежитъ тому же Отто фонъ-Герике. Онъ не имѣлъ еще никакого понятія о блестяще удавшихся опытахъ Торричелли, когда пришло ему въ голову устроить съ помощью воздушнаго насоса водяной барометръ. У себя во дворѣ, у стѣны дома, сдѣлалъ онъ мѣдную трубку въ 20 локтей длины и въ палецъ ширины. Нижнимъ своимъ концомъ стояла она въ сосудѣ съ водой, а къ верхнему ея концу примыкала стеклянная трубка. Когда изъ верхняго конца посредствомъ воздушнаго насоса выкачивался воздухъ, вода подымалась только приблизительно на 19 локтей и останавливалась. При этомъ оказалось, однако, что высота водяного столба не постоянна. Изъ этого Герике заключилъ, что подъемъ и опусканіе водяного столба вызывалось измѣненіемъ давленія воздуха, и что отъ этого измѣненія находится въ зависимости и измѣненіе погоды. Онъ помѣстивъ надъ жидкостью въ инструментѣ вырѣзанную изъ легкаго дерева человѣческую фигуру, указывавшую пальцемъ протянутой руки на прикрепленную къ трубкѣ шкалу. Розенбергеръ въ своей «Исторіи физики» говоритъ, что слытъ Герике, въ письмѣ къ коменданту крѣпости Лубенетци въ Лейпцигѣ, въ 1665 г. утверждаетъ, что ежедневныя наблюденія, въ продолженіе 6—7 лѣтъ, доказали зависимость погоды отъ показаній этой человѣческой фигурки. Поэтому изобрѣтеніе водяного барометра должно быть отнесено къ 1657 или 1658 году. Дѣйствительно, уже 9 декабря 1660 г. предсказалъ Герике бурю по страшно низкому положенію его «человѣчка». Черезъ два часа, въ дѣйствительности, разразилась буря. Герике держалъ въ тайнѣ устройство своего инструмента, который былъ скрытъ весь отъ постороннихъ глазъ вплоть до стеклянной трубки, гдѣ находилась фигурка-указатель. Изумленіе, которое вызывали во всѣхъ движенія этой фигурки, свидѣтельствуешь лишь, насколько тихо распространялись въ то время открытія и изобрѣтенія въ области физики.

Впоследствии Герике работалъ и съ «торричеллиевой трубкой» и хотѣлъ даже измѣнить высоту ртутнаго столба на Брокенѣ съ тѣмъ, чтобы сравнить ее съ измѣренной на Puy-de-Dôme. Но лакей его, несшій барометръ, споткнувшись, упалъ и разбилъ тру-

ку; вслѣдствіе чего, Герике волей-неволей долженъ былъ вернуться домой, въ Магдебургъ.

Термометръ былъ уже извѣстенъ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій; въ то время были устроены и первые гигрометры. Итакъ на лицо въ распоряженіи ученыхъ были всѣ главнѣйшіе инструменты для производства метеорологическихъ наблюденій. Но всѣ они страдали огромными недостатками. Подобно тому, какъ съ теченіемъ времени улучшались они, постепенно совершенствовались и барометръ. Первымъ дѣломъ, признали необходимымъ выкипятить ртуть въ барометрѣ для того, чтобы заставить улѣтучиться содержащейся въ ней воздухъ, такъ какъ иначе онъ проникалъ въ торричеллиеву пустоту и дѣлалъ неточными показанія барометра. Въ концѣ семнадцатаго вѣка Амонтонъ открылъ, что ртуть расширяется на $\frac{1}{113}$ своего объема, когда температура въ Парижѣ переходитъ отъ сильныхъ зимнихъ холодовъ къ страшнымъ лѣтнимъ жарамъ, и, въ виду этого, онъ призналъ необходимымъ дѣлать исправленія въ барометрическихъ высотахъ въ зависимости отъ температуры. Барометру стали придавать различныя формы, стали изготовлять сосудные барометры, барометръ въ видѣ колбы, ливерный барометръ. Хотя онъ и удовлетворялъ вполне всѣмъ научнымъ требованіямъ, но имъ все-таки было неудобно пользоваться, въ особенности трудно было его перевозить съ мѣста на мѣсто. Въ наибѣешее практическое время рѣшили оставить ртутный барометръ, и въ 1847 году былъ устроенъ первый барометръ-анероидъ или металлическій барометръ. Онъ состоитъ изъ почти совершенно безвоздушныхъ металлическихъ коробокъ или трубокъ съ гнущимися стѣнками. Давленіе воздуха сгибаетъ, соответственно своей силѣ, эластичныя стѣнки, и эти движенія передаются показателю, двигающемуся по особой шкалѣ и показывающему силу воздушнаго давленія. Для любителей метеорологіи, для путешественниковъ натуралистовъ барометръ-анероидъ незаменимъ. Его нужно только время отъ времени сравнивать съ ртутнымъ барометромъ и дѣлать въ немъ соответственныя исправленія.

Одно время ужъ, слишкомъ рабски вѣрили барометру въ дѣлѣ предсказанія погоды. Теперь стало общезвѣстно, что колебанія воздушнаго давленія даютъ указанія только на важныя измѣненія въ состояніи атмосферы, и что для правильнаго, основательнаго наблюденія и предсказанія погоды необходимо принять въ расчетъ и температуру, и влажность воздуха, и направленіе вѣтровъ и т. д. Въ наши дни, предсказанія погоды передаются намъ по телеграфу астрономическими обсерваторіями, у насъ, въ

Россіи, Пулковской. Но все-таки барометръ и теперь не потерялъ своей видной роли главнѣйшаго метеорологическаго инструмента, и его внезапныя колебанія могутъ намъ почти безошибочно предсказать наступленіе дождя или приближеніе бури.

Четверть тысячелѣтія служатъ барометры на пользу человѣчества. Помощью его сдѣланы миллионы наблюденій. Онъ далъ намъ возможность основать законы воздушныхъ

теченій, опредѣлить прохождение и движеніе вѣтра; посредствомъ его измѣрено безчисленное количество горныхъ вершинъ. Благодаря ему, наконецъ, удалось намъ точно опредѣлить рельефъ земли. И онъ будетъ необходимъ до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать культурное человѣчество, пока оно будетъ обогащать свои знанія естественно-научнымъ путемъ и черпать въ немъ свою непоколебимую мощь. и 3—17.

Второе лицо человѣка.

Очеркъ П. Люббенау.

«Красивая рука—вѣрный признакъ высокаго назначенія въ жизни», говоритъ Бальзакъ. «У людей съ сильнымъ характеромъ почти всегда красивыя руки». Хотя изученіемъ человѣческой руки занимались еще очень мало, но изъ сотенъ разныхъ замѣчаній и свидѣтельствъ въ мемуарахъ и другихъ подобнаго рода документахъ слѣдуетъ, что выдающіеся люди, славныя имена которыхъ занесены золотыми буквами на скрижали исторіи, имѣли всегда красиво построенныя, и большей частью изумительно маленькія руки. Не только художники и артисты, литераторы и ученые, но и политическіе дѣятели, полководцы и «бичи человѣчества», у которыхъ собственно должны были бы быть мощныя лапы хищныхъ животныхъ. Такъ, напримѣръ, Наполеонъ I, который можетъ быть безусловно отнесенъ къ такому рода «бичамъ», имѣлъ замѣчательно изящную руку и очень любилъ ею хватать. Извѣстно, что живописцы и скульпторы единогласно свидѣтельствуютъ, что гораздо легче найти красивое съ правильными чертами лицо, чѣмъ красиво сложенную руку, которую, вмѣстѣ съ тѣмъ, по ихъ увѣреніямъ, и рисовать гораздо труднѣе. Выдающіеся портретисты нѣрѣдко безсилны при изображеніи контуровъ руки. Примѣромъ тому можетъ служить знаменитый Ленбахъ. Леполь, извѣстный парижскій художникъ, славившійся своими портретами въ срединѣ настоящаго столѣтія, получилъ однажды заказъ написать портретъ съ одной очень красивой дамы, аристократки. Когда онъ при первомъ сеансѣ увидѣлъ ея руки,—руки, которыя онъ тщетно искалъ всю жизнь,—онъ пришелъ въ такой восторгъ, что даже

оскорбилъ эту даму. Она хотѣла, чтобы было написано какъ можно лучше ея лицо, а художникъ думалъ лишь о томъ, чтобы какъ можно лучше вырисовать ея руки. Наконецъ, измученная дама съ пылавшими гнѣвомъ глазами вскочила со своего мѣста и заявила, что она желаетъ имѣть портретъ, а не изображеніе своихъ рукъ. Леполь долженъ былъ пустить въ ходъ уговоры и извиненія, чтобы умиловитивъ, и пришелъ-таки съ ней къ соглашенію. Результатомъ оказался, однако, портретъ, который подъ названіемъ «Дама съ руками» долгое время заставлялъ о себѣ говорить весь Парижъ.

Во всякомъ случаѣ «красивую руку» не слѣдуетъ смѣшивать, какъ это часто бываетъ, съ мягкой, блѣдой и выхоленной рукой, — съ рукой тунеядца, фата или шегоя, — съ рукой, которая обязана своей мнимой красотой заботливому мытью напатыремъ и бурой, овсяными отрубями, или глицериномъ, или которая вышла, по американской модѣ, изъ ателье спеціальнаго «артиста» по уходу за руками. Красота руки заключается въ ея формѣ, въ ея линияхъ, въ пропорциональности ихъ по отношенію другъ къ другу и ко всей рукѣ, въ той жизни, которая сквозитъ въ ея движеніяхъ, которая виднѣется въ каждомъ пальцѣ, въ неотразимой силѣ ея граціозности, наконецъ, прямо-таки, въ характерѣ, который въ ней выражается. То, что маленькая рука правится намъ больше, чѣмъ даже красивосложенная большая, происходитъ, очевидно, вслѣдствіе чувства къ изящному, имѣющагося у насъ. Съ другой стороны, природа считается самымъ эволюционнымъ и самымъ мудрымъ архитекторомъ, — она не

любить излишних трат. Сильный духъ рѣдко бываетъ въ сильномъ тѣлѣ. Большой частью вишняя оболочка сильного духа нѣжна, даже слабая. Принца Савойскаго, благодаря его невидимой фигурѣ, не хотѣли принять на его родинѣ въ военную службу, и храбрый принцъ отправился въ Австрію, гдѣ сталъ однимъ изъ величайшихъ полководцевъ.

По ближайшемъ изученіи оказывается, что рука, въ дѣйствительности, «второе лицо» челоѵка, быть можетъ даже въ еще большей степени характеристичное, чѣмъ первое... Можно, пожалуй, встрѣтить челоѵка съ лицомъ орангутанга, но цюгда нельзя встрѣтить челоѵка съ обезьяньими руками.

И какая безконечная масса способностей заключается въ одной этой челоѵческой рукѣ! Мы выражаемъ наши мысли и желанія, главнымъ образомъ, посредствомъ языка, но и рука говоритъ, она въ состояніи даже передавать самыя тонкія, неуловимыя душевныя движенія (при этомъ можно указать на разговоръ посредствомъ пальцевъ между глухонѣмыми).

Рука не только беретъ, осязаетъ, работаетъ, но и выражаетъ самыя тончайшія впечатлѣнія и изъ таинственныхъ глубинъ души извлекаетъ то, чего не въ состояніи сдѣлать и слова. Взмахъ смычка скрипки, ударъ пѣниста пробуждаетъ въ насъ такія чувства, для выраженія которыхъ языкъ бессиленъ, и любовное пожатіе руки во сто разъ нѣжнѣе и богаче нюансами, чѣмъ языкъ любви. Если до сихъ поръ не изучали руку въ этомъ отношеніи, то это объясняется отчасти трудностью подобнаго изученія (простое изображение руки, какъ уже было выше упомянуто, было почти непосильнымъ для художниковъ и скульпторовъ), а въ особенности тѣмъ, что люди, привыкшіе къ сѣрѣзному изученію, не охотно касаются вещей, имѣющихъ хотя бы какое-либо сопркосновеніе съ суевѣремъ и мистикой. Обыкновенно, искатели истины не имѣютъ смѣлости искать ее тамъ, гдѣ прежде господствовалъ обманъ и, такъ-называемая, грусть. Наблюденіемъ надъ челоѵческой рукой пользовались еще въ сѣдой древности для различнаго рода гаданій, и еще нынѣ, въ нашемъ культурномъ обществѣ, въ главныхъ цивилизованныхъ пунктахъ для многихъ предсказателей будущаго оно составляетъ очень прибыльное занятіе.

Почему-то гадателямъ и гадательницамъ по рукѣ никогда не приходило въ голову пользоваться для своихъ предсказаній всей рукой, такой, какой она представляется нашимъ глазамъ, а они разсматриваютъ только ладони, причудливую сѣтью перекрещивающихся на ладони.

Часть своего юностиа провелъ я въ мѣстности, очень излюбленной цыганами, и тамъ мнѣ предсказывались очень милыя вещи морщинистыми старухами и красивыми, смуглолицыми дѣвушками. Я очень сильно интересовался системой этихъ тайныхъ знаній, которую я вскорѣ открылъ. Система эта основывается, главнымъ образомъ, на четырехъ бороздахъ, бросающихся сейчасъ же въ глаза, при взглядѣ на ладонь: начинающаяся между большимъ и указательнымъ пальцемъ и идущая къ суставу—«линія жизни»; «линія здоровья», начинающаяся почти такъ же, но пересѣкающая руку поперекъ; направляющаяся отъ основанія указательнаго пальца—«линія счастья» и, наконецъ, начинающаяся отъ кисти руки и направляющаяся къ пальцамъ «суставная линия». Длинная, ярко окрашенная и рѣзко выдѣляющаяся линия жизни даетъ хиромантікамъ поводъ заключать о долгой, радостной и счастливой жизни; если же эта линия часто прерывается, то, значить, будетъ много болѣзней. Очень отчетливо выступающая линия здоровья указываетъ болѣе на присутствіе ума и характера, чѣмъ на здоровье. Линія счастья съ тремя развитѣніями къверху предсказываетъ счастье въ любви или въ бракѣ; если же ея нѣтъ, то, значить, это рука несчастнаго, или преступника, или убійцы. Присутствіе большой осторожности въ характерѣ свидѣлствуетъ у дамъ крестъ, имѣющійся на линіи жизни; крестъ на концѣ мизинца указываетъ на безумную любовь; расщепленность линіи жизни къверху — признакъ величія души. Впрочемъ, довольно объ этой мудрости, которая тѣмъ менѣе имѣетъ значенія, что линіи руки разсматриваются лишь въ отношеніи того, какъ онѣ направлены. «Наука о рукѣ» въ нашемъ смыслѣ должна мало обращать вниманія на эти линіи, а главнымъ образомъ заниматься другими вещами, болѣе достойными изученія въ рукѣ.

Основать подобнаго рода науку, впрочемъ, пытались уже нѣсколько разъ, но ни разу не пошли далѣе поверхностныхъ комбинацій. Меланхтонъ, другъ Лютера, старался изо всѣхъ силъ поднять на болѣе высокой уровень искусство толкованія формъ руки, но однажды, въ Виттенбергѣ, онъ долго разсматривалъ ручку одного ребенка и, наконецъ, замѣтилъ: «этотъ мальчикъ будетъ великимъ богословомъ»; но отецъ ребенка возразилъ ему: «почтенный господинъ,—вѣдь, это дѣвочка». Такимъ образомъ, знанія его въ этомъ отношеніи были ничтожны. Въ прошломъ вѣкѣ одинъ англійскій врачъ написалъ анонимное, очень значительныхъ размѣровъ,

но весьма неясное сочиненіе о «хирогноміи» (въ противоположность «хиромантіи»), а въ нынѣшнемъ вѣкѣ занимался мимоходомъ «наукой» о рукѣ д-ръ Карусъ, состоявшій въ сороковыхъ годахъ лейбъ-медикомъ короля Саксонскаго, и довольно тщательно изучилъ французъ д'Арпентиньи. Главнымъ образомъ ими были изучены формы ладони, пальцевъ вообще и большого пальца въ особенности. По мнѣнію д'Арпентиньи, ладонь — центръ инстинктовъ, всего животнаго; въ пальцахъ выражается преимущественно духъ, въ большомъ пальцѣ — характеръ. Слишкомъ длинная ладонь указываетъ на слабый темпераментъ, очень грубая, плотная — признакъ преобладанія животнаго. Лица, богатыя чувствомъ и фантазіей, имѣютъ гладкіе пальцы, люди же воздержанные, будничные, занимающиеся заработками и т. п., имѣютъ заловатые пальцы. Толстые и грубые пальцы служатъ признакомъ суровости, длинные и худые — коварства и лукавosti. Слишкомъ маленькой, сравнительно съ величиной всей руки, большой палецъ указываетъ на слабохарактерность, средней величины — на безпощадность. Безусловно красивая рука должна быть плотна, но не тверда, должна быть эластична, но не мягка. Слишкомъ мягкія руки признакъ слабости, неспособности къ дѣятельности, слишкомъ твердыя — грубости и неводержанности страстей. У кого большая рука, у того сильно развита страсть къ удовольствіямъ. Руки аристократовъ преимущественно длинныя и тонкія, съ гладкими пальцами и изящнымъ большимъ пальцемъ. Руки купцовъ большей частью широкія, съ лопатообразными, заловатыми пальцами и, въ особенности, крупнымъ большимъ пальцемъ. Рука призванныхъ къ власти, великихъ людей, управлявшихъ судьбами народовъ, рука великихъ мыслителей, поэтовъ, государственныхъ людей, полководцевъ и т. д., рука дамъ, завоевывавшихъ также цѣлый міръ, рука эта была маленькая, — маленькая и изящная, съ гладкими, не слишкомъ длинными и не слишкомъ короткими пальцами, съ не слишкомъ нѣжною и, сравнительно со всей рукой, не очень узкой ладонью и со средней крѣпости изящнымъ большимъ пальцемъ. Вышеприведенное представляетъ квинтъ-эссенцію указанныхъ сочиненій.

Въ новѣйшее время вопросомъ этимъ за-

нялся снова французъ, знаменитый писатель Александръ Дюма-сынъ. Но онъ ограничился лишь нѣкоторыми описаніями въ беллетристической формѣ характерныхъ руки по имѣвшимся у него моделямъ. Разсматривая онъ этотъ вопросъ не систематически и ограничился лишь женскими руками, такъ какъ онъ находилъ ихъ, какъ онъ замѣчаетъ въ свое оправданіе, приятными для изученія. Во всякомъ случаѣ, вопросъ этотъ въ наши дни, когда всѣ сильно интересуются психологическо-физиологическими проблемами, заслуживаетъ того, чтобы его снова подняли, а также и чтобы его изслѣдовали болѣе серьезнымъ образомъ. Въ одномъ обществѣ, въ которомъ находились три дамы, былъ предложенъ въ шутку вопросъ, которая изъ нихъ имѣетъ самую красивую руку. Парсъ, которому пришлось рѣшить этотъ вопросъ, ловко вывернулся изъ щекотливаго положенія, замѣтивъ, что въ данную минуту рѣшить нельзя, но что самая лучшая рука та, которая творитъ милостыню. Онъ и не подозревалъ, что своимъ «остроумнымъ» отвѣтомъ онъ не сказалъ ничего остроумнаго, а только одну истину. Самая красивая рука въ дѣйствительности та, въ которой выражается прекрасный, благородный характеръ, хотя бы на ней и были мозоли отъ тяжелой физической работы, хотя бы концы ея пальцевъ были тверды отъ усиленнаго шитья или были бы огрубѣлыми отъ стряпанія на кухнѣ. Тѣ три дамы, которыя сдѣлали упомянутый вопросъ, имѣли въ нашемъ обычномъ смыслѣ красивыя руки, т. е. бѣлыя, мягкія, изящныя съ выхоленными ногтями безъ какого бы-то ни было бросающагося въ глаза уродства, но въ истинномъ смыслѣ у нихъ были некрасивыя руки. Все, что я прочелъ въ ихъ формахъ, было — эгоизмъ, страсть къ удовольствіямъ, жестокосердіе; — я не взялъ бы събѣ въ подруги жизни ни одну изъ нихъ, хотя онѣ были и красивы, и умны, и представляли изъ себя «выгодную партію». Но я поумнѣлъ такимъ образомъ, съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ заниматься «хирогноміей». На лицахъ не прочтешь такъ легко, какъ на рукѣ, особенно когда лица такъ очаровательны, какъ было у этихъ трехъ дамъ, и когда прирожденный мимическій талантъ опутываетъ всякаго чарами любезности. Итакъ, полагаю, ясно вполне, какъ иногда бываетъ полезно, когда умѣешь разгадывать характеръ челоѵка по его рукѣ.

Одна изъ причинъ изнуренія дѣтей.

Гигіеническая замѣтка.

«Одинъ учитель, которому и, въ силу его первой слабости, совѣтовать пользоваться больше свѣжимъ воздухомъ», сообщилъ знаменитый врачъ по нервнымъ болѣзнямъ, профессоръ Крафтъ-Эбингъ, «съ 7 до 2 давалъ уроки, а затѣмъ съ 3 до 9 бѣгалъ по горамъ. Болѣзнь его при такомъ извращенномъ образѣ жизни еще усилась, такъ какъ съ утра онъ напрягалъ себя умственно, а съ послѣ-обѣда—физически». Такой извращенный образъ жизни ведутъ многіе, нервы которыхъ еще не слабы, но которые хотѣли бы избѣгнуть этой нервной слабости: они утомляютъ свое тѣло, чтобы сохранить свѣжимъ свой духъ, но, черезчуръ ужъ стараясь, становятся страшно слабо-нервными. Самое худшее, однако, это то, что теперь многіе родители и воспитатели заставляютъ дѣтей школьнаго возраста вести подобный неправильный образъ жизни. Нервность дѣтей, — вотъ тѣневая сторона нашего блестящаго во многихъ отношеніяхъ времени. Думаютъ, что нервность эта результатъ переутомленія школьными занятіями, и стараются противопоставить умственному переутомленію физическія упражненія. Средство это, что говорить, очень вѣрное, но его нужно умѣло примѣнять. Поэтому-то мы и рѣшаемся вкратцѣ указать родителямъ и воспитателямъ на этотъ очень важный вопросъ.

Въ самыхъ образованныхъ и высшихъ кругахъ общества распространены ошибочный взглядъ, будто умственный и физическій трудъ образуютъ противовѣсъ между собою, что физическія упражненія дѣлаютъ человека болѣе восприимчивымъ къ умственнымъ занятіямъ. При этомъ исходятъ изъ того воззрѣнія, что тѣло наше снабжено разнообразными запасами силъ, другъ отъ друга независимыми, что въ насъ существуетъ особый источникъ духовныхъ силъ, особый—для физическихъ, и что, наконецъ, когда мы мыслимъ, мускулы наши не напрягаются, и, наоборотъ, когда мы заняты физическимъ трудомъ, умъ нашъ не теряетъ ни капли своихъ силъ.

Новѣйшія физиологическія изслѣдованія школьнмъ образомъ не подтверждаютъ этихъ воззрѣній. Въ послѣдніе лишь годы сдѣлано много поучительныхъ опытовъ относительно влияния умственной нашей дѣятельности на мускульную силу. Профессоръ психологіи въ Туринѣ А. Мессо и многіе его товарищи и ассистенты, посредствомъ особыхъ аппаратовъ, измѣрили силу своихъ мускуловъ до и послѣ

умственныхъ напряженныхъ занятій и пришли къ заключенію, что мышленіе утомляетъ не только мозгъ и нервы, но также и мускулы. Послѣ чтенія лекцій, держанія экзаменовъ и т. д. они могли поднять меньше тяжестей, могли исполнить гораздо меньше мускульной работы, чѣмъ при нормальныхъ условіяхъ.

Съ другой стороны, рядомъ ученыхъ наблюденій подтверждено, что физическое напряженіе неблагоприятно отзывается на духовной сторонѣ человѣка. Послѣ продолжительной прогулки, долгой гребли, гимнастическихъ или фехтовальныхъ упражненій мы меньше расположены къ умственнымъ занятіямъ. Намъ нуженъ нѣкоторый отдыхъ, пока мало-по-малу не исчезнетъ вліяніе живительныхъ для тѣла физическихъ упражненій на нашъ умъ.

Взаимодѣйствіе между мозгомъ и мускулами вполне естественно. Известно, что работающій мускуль химически измѣняется и выделяетъ, такъ сказать, продукты утомленія, образующіе извѣстнымъ образомъ шлаки: шлаки эти охлаждають жизненный жаръ, а продукты утомленія ослабляютъ возбудительность мускуловъ и нервовъ. Во время отдыха послѣ работы они выдѣляются изъ тѣла. Очевидно, что скопленіе продуктовъ мускульнаго утомленія въ крови вредно вліяетъ на дѣятельность мозга. При физической работѣ утомляется также и нашъ мозгъ, такъ какъ тѣло наше образуетъ одно нераздѣльное цѣлое. Одна и та же кровь питаетъ всѣ органы. Подобнымъ же образомъ умственная дѣятельность утомляетъ наши мускулы.

Мы должны, конечно, стараться, чтобы учащаяся дѣтя наши были развиты физически и умственно въ равной степени; но вмѣстѣ съ тѣмъ должны мы давать имъ и извѣстный отдыхъ, во избѣжаніе ихъ переутомленія и изнуренія: отдыхъ, какъ послѣ физическихъ, такъ послѣ умственныхъ упражненій.

Но ни для кого изъ насъ не тайна, какъ неправильно распределены эти два рода занятій учащагося юношества. Прямо отъ книги или школьной тетради гонятъ ихъ на продолжительную прогулку или на гимнастическія упражненія. И уставать, и возбужденныхъ физически усаживаютъ ихъ снова за книжки. Какія же послѣдствія этого? Для ученія у нихъ утомленъ мозгъ, для физическихъ упражненій у нихъ ослаблены мускулы. И тутъ работа, которую исполняетъ уже утомленный органъ, особенно вредно отзывается на организмъ и очень легко ведетъ къ изнуренію.

Этимъ извращеніемъ, такъ сказать, образа жизни и объясняется большей частью тотъ печальный фактъ, что многія дѣтя, несмотря на всякія физическія упражненія, несмотря на долги прогулки, становятся все болѣе и болѣе нервными и, наконецъ, должны оставить школу.

Желательно, чтобы односторонніе педагоги занялись изслѣдованіемъ этихъ явленій переутомленія, и чтобы родители твердо помнили, что дѣтя не должны вѣчно заниматься, непрерывно утомлять свой мозгъ. У дѣтей должны быть часы, въ которые они могли бы, дѣйствительно, отдыхать, т. е., ничего не дѣлать. Не слѣдуетъ постоянно развивать дѣтскій умъ въ ущербъ тѣлу и наоборотъ, чтобы въ концѣ не изнурить ребенка. Даже болѣе: мы должны развивать умъ и тѣло отдѣльно каждое само по себѣ, и послѣ каждаго напряженія, безразлично какого рода силъ, давать отдыхъ всему человѣку.

Библиографія.

Фалькенбергъ. *Исторія новой философіи отъ Николая Кузанскаго (XV в.) до настоящаго времени.* Съ приложеніемъ краткаго философскаго словаря. *Переводъ студентовъ С.-Петербургскаго университета, подъ редакціей проф. А. И. Введенскаго, со 2-го нѣмецкаго изданія, съ подробнымъ перечнемъ русскихъ оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій по исторіи новой философіи.* СПб. 1894. Цѣна 3 р.

Исторія философіи Фалькенберга вышла первымъ изданіемъ на нѣмецкомъ языкѣ въ 1876 году, и не прошло шести лѣтъ, какъ понадобилось уже ей второе изданіе. Успѣхъ книги не ограничился одною Германіей, и она переведена на англійскій языкъ, несмотря на богатство англійской философской литературы. Уже эти одни факты доказываютъ серьезнаго достоинства книги: русскій переводъ ее составляетъ серьезную заслугу редактора его, професс. Александра Введенскаго, которому принадлежитъ и самая мысль объ изданіи ея. Исторія философіи Фалькенберга имѣетъ цѣлью служить для студентовъ пособіемъ при изученіи философіи, и, въ то же время, рассчитана на широкій кругъ вообще образованныхъ людей, желающихъ ориентироваться въ философской наукѣ. Авторъ избѣгалъ выраженія своихъ личныхъ философскихъ убѣжденій и критики, стремясь главнымъ образомъ къ объективному изложенію философскихъ ученій, и это составляетъ рѣдкое достоинство книги для читателей, которые въ исторіи философіи ищутъ воззрѣній не Фалькенберга или кого другого, а самихъ творцовъ философскихъ ученій.

Въ прошломъ 1893 году вышла въ свѣтъ сдѣланный слушателями высшихъ женскихъ курсовъ, подъ редакціей г. Введенскаго же, переводъ *Исторіи древней философіи Виссенбаанда*, такъ что обѣ книги составляютъ послѣдовательный курсъ европейской философіи отъ ея возникновенія до настоящаго времени. Выручка отъ продажи ихъ назначается въ пользу недостаточныхъ студентовъ СПб. университета и слушательницъ Высшихъ курсовъ.

Святая Земля и Виблія. Описание Палестины и правокъ ея обитателей. Д-ра К. Гейки. Съ оригинальными рисунками Г. А. Гарьера. *Пересказъ съ англійскаго подъ редакціей Ф. С. Комарскаго.* Въ двухъ томахъ. СПб. Изданіе И. Л. Тузова. 1894. Цѣна 10 р.

Книга д-ра Гейки въ «пересказѣ» г. Комарскаго уже давно отмѣчена русскою печатью, какъ замѣчательное приобрѣтеніе въ русскую переводной литературы по исторіи и географіи. Это не простое описание Палестины, какихъ довольно много. Авторъ извѣдывалъ всю Палестину для того, чтобы, какъ онъ выражается, «тамъ же, на мѣстѣ, прослѣдить библейскія событія съ помощью холмовъ и долинъ, рѣкъ и озеръ, растений и животныхъ, земли и воздуха, въ которыхъ они отразились, а главное—съ помощью картинныхъ обычаевъ будничной жизни обитателей Святой Земли». Восточные обычаи и мѣстные преданія бросаютъ для автора яркій свѣтъ на библейскія сказанія, которые какъ бы снова оживаютъ передъ нимъ въ реальной жизненной формѣ. Въ виду разности вѣроисповѣданій автора и переводчика, для послѣдняго неизбѣжны были нѣкоторые уклоненія отъ подлинника; это обстоятельство и послужило для г. Комарскаго основаніемъ для того, чтобы назвать «пересказомъ» свой переводъ книги д-ра Гейки, которую онъ притомъ стремился передать въ самой простой, общедоступной рѣчи. Книга составляетъ огромный томъ въ 1135 страницъ большаго формата съ множествомъ прекрасныхъ рисунковъ. Нельзя не пожелать ей возможно широкаго распространенія.

1. Сердце человѣческое. 2. Рассказы: а) Вичъ бича, б) Тяги, в) Будетъ, г) За бекасами на горныхъ вершинахъ Кавказа, д) По поводу статьи „Особое итѣніе о воздухоплаваніи“, е) итѣ. Островъ, ж) Вошьіе . . . итѣ, подѣ ю, з) Нѣсколько словъ по поводу послѣдней кампаніи. СПб. 1894. Цѣна 1 р.

Авторъ, скрывшійся подъ тремя псевдонимами, обнаруживаетъ въ своихъ рассказахъ несомнѣнно небольшое, но ясное дарованіе рассказчика. Но какъ почти у всѣхъ пису-

щих нынѣ, дарованіе это нисколько не дисциплинировано и не обработано. Самый большой рассказ его передает исторію довольно обыкновенную, — увлеченіе молодого чловѣка двумя женщинами, изъ которыхъ каждую, значить, онъ обманываетъ, и несомнѣнъ обыкновеннаго самоубійства въ тотъ моментъ, когда это фальшивое поведеніе достигло своихъ крайнихъ предѣловъ, во всякомъ случаѣ — исторію трагическую, а между тѣмъ она рассказана въ тонѣ, который какъ-то странно не подходитъ къ ней, съ излишествомъ подробностей, къ дѣлу мало относящихся, и съ отсутствіемъ психическаго анализа тамъ, гдѣ онъ, казалось бы, совсѣмъ необходимъ. Вообще рассказы г. «три звѣздочки» читались бы безъ скуки, если бы авторъ не проявлялъ охоты къ особенной «оригинальности», въ родѣ точекъ въ заглавіяхъ (см. выше) и инородческихъ разговоровъ (напр. «Сааавсѣмъ нѣтъ...») и т. п.

Вегетаріанская поваренная книга. Руководство къ приготовленію блюдъ изъ растительной пищи, съ выясненіемъ общихъ основаній вегетаріанства. А. А. Суворова. Издава по редакціи В. Т. Ребовскаго. СПб. 1894. Цѣна 75 коп.

Вегетаріанство въ послѣднее время подвергалось неоднократно въ русской печати осужденію. Едва-ли можно относиться такъ къ весьма безобидному ученію, не вносящему въ общественную мысль ничего, кромѣ гуманнаго отношенія ея къ животнымъ, и не претендующему даже на пропаганду и никому ничего не навязывающему. Именно съ цѣлью простой защиты вегетаріанства противъ несправедливыхъ нападеній написана въ первой части названной книжки статья: «Общи основанія вегетаріанства», а въ ней приводятся вѣдущіе, высказанные людьми высокой авторитетности. Мы, конечно, не можемъ касаться вопроса чистого-поваренныхъ, но думаемъ, что «Вегетаріанская книжка» полезна и почти необходима въ каждомъ толковомъ хозяйствѣ и вегетаріанцевъ, научая готовить изъ растительныхъ продуктовъ пищу наиболѣе рационально въ отношеніи питательности.

Аполлонъ Коринфскій. Пѣсни сердца. Стихотворенія. (1883—1893). Москва. 1894.

Одинъ изъ молодыхъ поэтовъ, г. Коринфскій, владеетъ несомнѣнно поэтическимъ дарованіемъ, и если онъ не зареетъ свой талантъ въ тину узкихъ тенденцій или, напротивъ, въ обширную и безплодную почву современной безприщности и холоднаго, безучастнаго отношенія къ жизни, онъ можетъ приобрести прочное мѣсто въ русской литературѣ. Г. Коринфскій довольно удачно

назвалъ эту первую свою книжку стихотвореній «пѣснями сердца». Во главѣ ея напечатано стихотвореніе, начинающееся словами: «Не вычерпать чашей—Бездоннаго моря;—Умомъ не измѣрить—Пытливаго сердца...», и оканчивающееся такъ: «Глушецъ, кто захочетъ—Собравъ море въ чашу...—Безумецъ, кто въ жизни—Зналъ только разсудокъ!..» Въ этомъ—поэтическое исповѣданіе вѣры автора. Никто спорить съ нимъ не будетъ; но нужно же, чтобы и «пытливое сердце» было именно пытливымъ, опирающимся на—не разсудокъ сухой и холодный, а на мысль, нужно, чтобы поэтъ смотрѣлъ на жизнь осмысленными и зоркими глазами... Просматривая длинный рядъ стихотвореній молодого поэта, стихотвореній звучныхъ и носившихъ на себѣ печать таланта, мы всюду встрѣчали «сердце» автора, даже нисколько стремящееся придать простое искреннее вдохновеніе, но мы не удивились яснымъ образомъ того, во имя чего авторъ живетъ и... пишетъ, созерцая красоты природы. Отъ души желаемъ автору долгой поэтической жизни.

Нашему юношеству рассказы о хорошихъ людяхъ. М. П. К. Пахтусовъ. Жизнь и двукратное его путешествіе на Новую Землю. Биографическій очеркъ Н. А. Борисова. Съ картою части Сѣвернаго океана. СПб. Издава М. М. Ледерле и Комп. 1894. Цѣна 30 коп.

Издава для юношества рассказовъ о хорошихъ людяхъ вообще—дѣло въ высшей степени симпатичное, а біографія столь немногаго и только недавно ставшаго извѣстнымъ замѣчательнѣйшаго русскаго сѣвернаго мореплавателя Пахтусова составляетъ совсѣмъ отрадное явленіе. Дѣятельность этого простаго, не чиновнаго, рано умершаго чловѣка—поистинѣ поучительная для юношества примѣръ предприимчивости, настойчивости, неутомимаго трудолюбія и беззаветной любви къ родинѣ, съ готовностью положить за нее душу свою. Къ сожалѣнію, издава г. Ледерле книжка далеко ниже своей задачи. Біографія написана малоопытною рукой, съ патетическими размышленіями, но безъ достаточнаго освѣщенія личности Пахтусова, который остался бы совершенно блѣдною фигурою, какъ и природа крайняго Сѣвера остается блѣдною картиною, если бы нисколько не выручала книжки грандіозность самихъ предпріятій Пахтусова.

Иванъ Щеголовъ. Сквозь дымку смѣха. Десять рассказовъ. Издава книжнаго магазина журнала «Артистъ». Москва. 1894. Цѣна 1 р.

Авторъ, имя котораго стоитъ въ заголовкѣ

книжки, принадлежать къ нешумящимъ и не многошумящимъ, но симпатичнѣйшимъ русскимъ писателямъ настоящаго момента. Его военные очерки: «Первое сраженіе», «Неудачный герой» и пр., въ свое время были замѣчены, какъ произведенія многообещающаго беллетриста. Юмористическія произведенія его, появившіяся позднѣе, къ сожалѣнію, не прибавили ничего къ этимъ надеждамъ, но печатъ дарованія лежала и на нихъ. Книжка, лежащая теперь передъ нами, нѣкоторыми произведеніями, въ ней напечатанными, свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ нашъ идетъ прочной дорожкой, отказавшись отъ страсти къ чисто-юмористическимъ произведеніямъ и возвращаясь болѣе или менѣе къ истинному источнику своего вдохновенія—къ простотѣ и сердечности. Издава книжка прекрасно.

По блѣду свѣту. Очерки и картины изъ путешествій по тремъ частямъ Старога Свѣта. Доктора А. В. Елисева. Съ иллюстраціями худож. В. Г. Казанцева, Н. Н. Каразина, академика А. Д. Кившенко, С. К. Петровича, Е. П. Самокиша-Судковскаго, Н. С. Самокиша. СПб. 1894.

Докторъ А. В. Елисевъ принадлежитъ къ тѣмъ путешественникамъ, которые совершаютъ свои экскурсіи по непреборимой страсти къ путешествіямъ, не считающейся съ матеріальными препятствіями, и первые его опыты въ этомъ направленіи относятся еще къ студенческимъ годамъ его. Свои путешествія онъ дѣлаетъ на свои личныя недостаточныя средства,—обстоятельство, передъ которымъ падаютъ всякія претензіи на многостепенность и систематичность научныхъ результатовъ ихъ, хотя и въ этомъ отношеніи книга его не блѣдна. Но главное достоинство путевыхъ замѣтокъ нашего путешественника заключается не въ этомъ. Г. Елисевъ—живой, наблюдательный чловѣкъ, и въ его очеркахъ и картинахъ вы найдете то, чего обыкновенно не встрѣчается въ другихъ путешествіяхъ. Дѣлая сотни верстѣ пѣшкомъ съ однимъ проводникомъ, онъ ближе могъ присматриваться къ интимной сторонѣ жизни тѣхъ народовъ и племенъ, которые встрѣчались ему на пути, и передалъ свои наблюденія въ живой, не рѣдко увлекательной формѣ сценъ и разговоровъ, полныхъ значенія. Вышедшая теперь книга его составляетъ только первый томъ его очерковъ, обнимающихъ путешествія по Финляндіи и по сѣверу Россіи, по Египту, Аравіи и по Святой Землѣ. Путевые очерки нашего путешественника выявлялись до сихъ поръ въ журналахъ, по частямъ, безъ системы и полноты. Появленіе ихъ отдѣльною книгою въ обработанномъ

и распространенномъ видѣ должно быть горячо приветствуемо.

К. Вальмонтъ. Подъ сѣвернымъ небомъ. Элегія, стансы, сонеты. СПб. Ц. 50 к.

Г. Вальмонтъ съ недавнихъ поръ обратилъ на себя вниманіе, какъ переводчикъ англійскаго поэта Шелли, современника и друга Байрона. Въ маленькой книжкѣ, официальной, замѣтимъ, непомѣрно дорогою цѣной, онъ выступаетъ теперь съ самостоятельными стихотвореніями. Про нихъ можно сказать только, что они вполнѣ «литературны», «приличны», ихъ можно печатать; есть нѣкоторые, на которыхъ лежитъ печать оригинальности, напр., на стихотворенія «Мнѣ ненавистенъ шумъ гигантскихъ городовъ», но большинство звучитъ подражательно, напоминая въ большинствѣ случаевъ Фета. Несмотря на все это, есть въ авторѣ нѣчто говорящее за содержательность его душевной жизни. Мы искренно желаемъ автору большаго раскрытія своего таланта, но ни въ какомъ случаѣ не поспѣшимъ въ издава совсѣмъ маленькихъ, но дорогихъ книжкѣ.

О запасныхъ силахъ организма и о значеніи ихъ въ борьбѣ съ болѣзною. Рѣчь, произнесенная на V съѣздѣ врачей въ память Н. И. Пирогова проф. В. В. Подвысоцкимъ. СПб. Изд. К. Л. Риккера. Ц. 40 к.

Рѣдко встрѣчаются небольшія по объему статьи, которыя съ строгой научностью соединили бы ясность изложенія и многосодержательность. Рѣчь профессора Подвысоцкаго, быть-можетъ, гораздо полезнѣе собственно для публики, чѣмъ для врачей. Можно безъ колебаній утверждать, что большинство даже мыслящихъ людей, болѣвшихъ и выздоравливавшихъ, не соединяютъ съ понятіями болѣзни и выздоровленія ясныхъ представленій. Изъ рѣчи профессора они узнаютъ, что болѣзнь ведетъ за собою неизбѣжную гибель если не всего организма, то массы живой матеріи, составляющей его, и что выздоровленіе основывается на образованіи новыхъ клѣтокъ живой протоплазмы, если въ организмѣ найдутся жизненныя силы для ихъ созиданія. Въ этомъ—истинный принципъ, на которомъ должны находить основаніе образъ жизни чловѣка, его гигиеническая правила.

Совѣтовъ. Итальянско-русскій словарь.

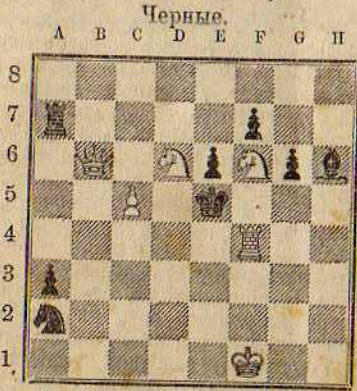
Толково и умѣло составленный г. Совѣтовымъ словарь представляетъ значительное подспорье къ основательному ознакомленію съ итальянскимъ языкомъ, изученіе котораго стало у насъ теперь довольно широко распространяться. Къ словарю приложены: краткій русско-итальянскій словарь и основныя правила итальянско-русскій грамматики.

ШАХМАТЫ

подъ редакц. Э. С. Шифферса.

Задача № 26.

К. Musil (Прага).

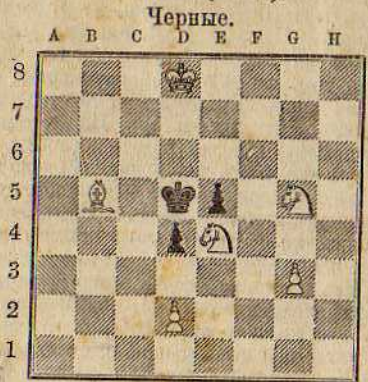

Бѣлые.

Мать въ 3 хода.

Задача № 27.

К. Pater (Вѣна).

Бѣлые.

Мать въ 3 хода.

Задача № 28. R. Weinheimer. (Ottakring).

Мать въ 2 хода.

Бѣлые: ♖a2 ♘h1 ♕b4, g4 ♙h7

♜f2, g3.

Черные: ♚e5 ♗g5 ♙d4, f7, g6.

Задача № 29. В. Г. Гершмана (въ Витебскѣ).

Бѣлые: ♖d3 ♘a1 ♕d1 ♙e3, e7

♜f2, g4.

Черные: ♚f4 ♘e8 ♗b5, g1 ♙a7

♜d5 ♜b4, d2, e6, g2, g5, g6.

Мать въ 2 хода.

Краткій курсъ дебютовъ и концовъ партій.

(Продолженіе).

ШОТЛАНДСКАЯ ПАРТІЯ И ШОТЛАНДСКІЙ ГАМВИТЬ.

1. e2—e4, e7—e5; 2. К. g1—f3, Н. b3—c6; 3. d2—d4.

Этотъ дебютъ названъ шотландскимъ потому, что въ нѣсколькихъ партіяхъ по перепискѣ между Лондономъ и Эдинбургомъ (въ 1824 г.) шотландскіе игроки мастерски разыграли 3 раза дебютъ съ ходомъ 3. d2—d4. Послѣ 3. . . . e5 : d4; 4. К. f3 : d4 (или 3. . . . К : d4) получается Шотландская партія. Если же бѣлые не берутъ d4, а играютъ 4. С. f1—c4, то получается Шотландскій гамбитъ. Ходъ 4. c2—c3 составляетъ гамбитъ Гёринга.

Главные защиты и атаки Шотландской партіи слѣдующія:

A. 3. d2—d4, К. c6 : d4; B. 3. . . . e5 : d4
4. К. f3 : d4, Ф. d8—h4; I. 5. К. d4—f3; II. 5. К. d4—b5, III. 5. К. b1—c3. IV. 5. Ф. d1—d3.
C. 3. d2—d4, e5 : d4; 4. К. f3 : d4, С. f8—c5; 5. С. e1—e3, Ф. d8—f6; 6. c2—c3, К. g8—e7.

I. 7. С. f1—c4. II. 7. С. f1—b5. III. 7. С. f1—e2. IV. 7. Ф. d1—d2. V. 7. f2—f4. VI. 7. К. d4—c2. D. 4. . . . К. g8—f6. I. 5. К. d4 : c6. II. 5. К. b1—c3.

A.

3. d2—d4, К. e5 : d4. Этотъ ходъ нѣсколько слабѣ чѣмъ 4. . . . e5 : d4.

4. К. f3 : e5 (а) К. d4—e6!

хуже 4. . . . С. f8—c5; 5. С. f1—c4 (5. К. f7, Ф. h4); 8. 0—0, d5; 9. Л. e1. Кр. f7; 10. С. e3, С. b4; 11. c3, С. a5; 12. С. d4, К. f6; 13. e5, К. e4; 14. f3, К. g5; 15. f4, К. e4; 16. f5, Л. f8; 17. e6+, Кр. g8—+. 6. . . . Ф. d8—a5+

7. К. b1—c3 Ф. a5 e5

8. С. e6—b3 С. f8—c5!

9. 0—0 ∞

Если 6. К. f7, то 6. . . . Кр. f7; 7. С. e6+, Кр. e6; 8. 0—0, d5; 9. Л. e1. Кр. f7; 10. С. e3, С. b4; 11. c3, С. a5; 12. С. d4, К. f6; 13. e5, К. e4; 14. f3, К. g5;

15. f4, К. e4; 16. f5, Л. f8; 17. e6+, Кр. g8—+.

6. . . . Ф. d8—a5+

7. К. b1—c3 Ф. a5 e5

8. С. e6—b3 С. f8—c5!

9. 0—0 ∞

Или 5. f2—f4 (вышего 5. С. f1—c4), С. c5; 6. К. f3, e6; 7. С. e4, К. e7. =

a.

4. К. f3 : d4! e5 : d4

Задача № 14. Е. Ф. Андрусина (СПБ).
1. f6—g7; 2. e1—f2; 3. d6—e7; 4. c3—b4; 5. e1—b2; 6. g7—h8 D; 7. h8 : a7; 8. a7—g1.

Рѣшили: З. А. Розенблюмъ (Томск); Н. Г. Долговъ (Тверь); А. В. Михальскій (Гродно); В. С. Виноградовъ (Посадъ Александровскій, Лобж. г.); д-ръ Львовъ (Кашинь); В. В. Лаптевъ (Винница); Т. В. Лысенко (Николаевъ); Н. Н. Вертоградскій (Вострома); М. А. Юнидовъ (ст. Козьмо, Саратов. губ.); П. Ф. Б-ти (Бердичевъ); И. С. Брызгаловъ (Юрьевецъ); С. П. Соколовъ (Казань); А. Я. Смирновъ, Н. П. Смирновъ, С. А. Соколовъ (Москва); А. М. Зильбербергъ (Суwalka); Н. Н. Кузнецовъ (Ромны); С. Тро-Гверангъ (СПБ); Н. С. Фросянко (Судакъ); П. Ф. Ерохинъ (Харьковъ); И. Ф. Спичакъ (ст. Шкуринская, Кубан. Обл.); В. Е. Журавлевъ, П. Н. Соколовъ (Медвиль); А. И. Кудрявцевъ (дер. Буланово, Влад. губ. и уѣзда); А. Скурамынь (Цейза).

ЗАДАЧИ И ИГРЫ

подъ редакціей Ю. О. Г.

Магическая

фигура

задача

№

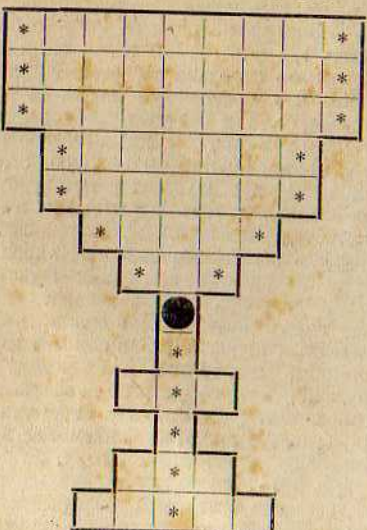
32.

Требуется расположить дашныя буквы по квадратамъ такъ, чтобы въ горизонтальныхъ и вертикальныхъ рядахъ фигуры получились значащія слова.

Буквы по квадратамъ такъ, чтобы въ горизонтальныхъ и вертикальныхъ рядахъ фигуры получились значащія слова.

Задача словъ № 33.

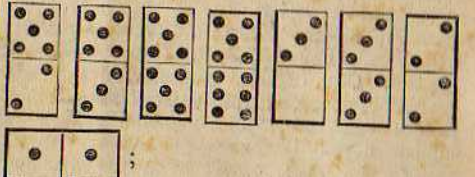

Изъ 63 буквъ: 7 а, 1 б, 1 в, 3 д, 3 е, 2 ж, 7 и, 1 і, 4 к, 3 л, 3 м, 6 н, 6 о, 4 р, 5 с, 2 т, 2 у, 1 ч, 1 ъ, 1 ѳ требуется составить 13 словъ, значенія которыхъ слѣдующія: 1) Мужское имя, 2) Житель одной изъ сѣв.

губерній, 3) Турецкая династія въ XI—XII вв., 4) Драгоценный камень, 5) Известный иностранный композиторъ, 6) Часть ружья, 7) Животный, 8) Буква, 9) Союзъ, 10) Поэтическое произведеніе, 11) Предлогъ, 12) Вино, 13) Название острова и сосудъ. Буквы найденныхъ словъ размѣстятъ по горизонтальнымъ рядамъ квадратовъ предлагаемой фигуры, но такъ, чтобы изъ буквъ, начавши съ чернаго кружка, по трѣмъ направленіямъ получились фамиліи трехъ русскихъ поэтовъ.

Задача игры въ домино № 34.

Игра вдвоемъ безъ прикуна; каждый беретъ по 8 камней; 12 камней остается въ талонѣ. А имѣетъ:

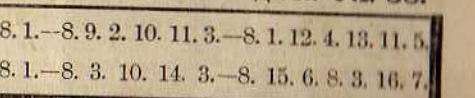

у B на 29 очковъ менѣе, чѣмъ въ талонѣ. Ходъ игры: А начинаетъ, B приставляетъ; A приставляетъ, B приставляетъ, A приставляетъ, B пасуетъ, A приставляетъ и оканчиваетъ партію. Какіе камни выставили A и B и какіе камни въ талонѣ, если у A осталось на рукахъ 19 очковъ, а въ талонѣ нѣтъ ни одного двойного камня.

Алгебраическая задача № 35.

Пункты A и B соединены почтовымъ трактомъ. Въ разное время по этому тракту ѣхали три экипажа. Первый экипажъ все это расстояние проѣхалъ въ известное время; второй—то же расстояние ѣхалъ на 20 минутъ долѣе перваго, потому что въ каждые 5 часовъ ѣхалъ 8 верстами менѣе; третій экипажъ ѣхалъ на 1/2 часа долѣе втораго и въ каждые 5 часовъ ѣхалъ 9 верстами менѣе втораго. Какъ велико расстояние между пунктами A и B и сколько времени ѣхалъ первый экипажъ.

Ариомографъ задача № 36.

Требуется прочесть послониду, замѣнивъ числа буквами; при чемъ числа отъ 1 до 7 означаютъ гласныя и полугласныя буквы.

Смѣсь.

Татуировка въ Англии.—Герцогъ Йоркскій, старшій сынъ принца Уэльскаго, будущій король Англии, женившійся, какъ извѣстно, недавно на принцессѣ Май, первый ввелъ въ Англию оригинальную моду на татуировку. Татуировка герцога представляетъ два перекрещенные англійскіе флага и находится на предплечьяхъ. «Украшеніе» это сдѣлалъ его высочеству «профессоръ» Вильямсъ, самый опытный теперь, въ Лондонѣ, специалистъ этого рода, взимающій за каждую такую свою «операцию» пятьдесятъ фунтовъ стерлинговъ. Многие изъ самыхъ выдающихся членовъ палаты лордовъ поспѣвовали примѣру своего будущаго короля и также дали себѣ оттатуировать, дни—свои инициалы, другіе—свои гербы и девизы. Объ одномъ знаменитомъ англійскомъ путешественникѣ и членѣ парламента азсказываютъ, что онъ недавно явился къ профессору» Вильямсу съ женой и пятью дѣтьми, съ тѣмъ, чтобы оттатуировать ихъ себѣ. «Мало-ли что можетъ случиться въ жизни!» сказалъ онъ, и попросилъ вырѣзать а кожу себѣ и имъ имя, фамилію и адресъ. Впрочемъ, герцогъ Йоркскій не первый въ высочайшихъ особъ, подвергшій себя татуировкѣ. Дядя его, новый герцогъ Саксен-Кобургскій предупредилъ его. Оба эти интересные факта объясняются тѣмъ, что, какъ герцогъ Йоркскій, такъ и герцогъ Саксен-Кобургскій (бывшій герцогъ Эдинбургскій)—моряки, а у моряковъ, какъ извѣстно, татуировка въ видѣ какого-либо рисунка на руки, плечи, руки, иногда и на пальцы, представляетъ явленіе совершенно обычное. Татуировку такую имѣютъ у себя на тѣлѣ еще многие и изъ нашихъ моряковъ. Самыя искусными мастерами по татуированію считаются японцы.

Ванъ-Дейкъ или сатана?—О знаменитомъ дерландскомъ художникѣ Францискѣ Гальсѣ (1614—1666 г.) существуетъ интересный анекдотъ. Однажды посетилъ его юный Ванъ-Дейкъ. Последнему было тогда 22 года, Гальсъ былъ старше его на пятнадцать лѣтъ. Въ лицо другъ друга они не знали, Ванъ-Дейкъ вздумалъ сыграть шутку,—сказавъ себя богатымъ иностранцемъ и сказавъ желаніе, чтобы Гальсъ написалъ съ него портретъ. При этомъ онъ прикинулъ, что, находясь тутъ проездомъ, онъ имеетъ времени всего два—три часа. Гальсъ, съ обычнымъ своимъ мрачнымъ видомъ, принялся сейчасъ же за работу и закончилъ ее ранѣе указанного срока. «Иностранецъ» выразилъ свое полное удоволь-

ствіе по поводу удачно исполненнаго портрета, но не былъ однако ничуть удивленъ той быстротой, съ которой портретъ былъ написанъ. И, улыбаясь, онъ прибавилъ: «Живовисъ, однако, оказывается искусство болѣе легкое, чѣмъ я предполагалъ. Мнѣ интересно было бы посмотреть, что бы смогъ и сдѣлать, если бы мы помѣнились ролями». Сказано—сдѣлано. Францъ Гальсъ замѣтилъ сейчасъ же, что талантливый иностранецъ отлично владѣетъ кистью и палитрой. Напрасно ломалъ онъ себѣ голову, кто бы это могъ быть. Когда однако портретъ его былъ оконченъ еще скорѣе перваго, Гальсъ кинулся къ своему гостю, заключая его въ свои объятія и воскликнулъ: «Сдѣлать это могъ только,—или Ванъ-Дейкъ, или самъ сатана!»

Жизнь и смерть. Въ физиологіи снова возникъ и разбирается на всѣ лады поднятый еще въ прошломъ вѣкѣ извѣстнымъ Спалландони вопросъ о томъ, можно-ли временно прекратить жизнедѣятельность организма животныхъ и затѣмъ снова вызвать такую какими-либо внѣшними искусственными средствами, или, иными словами, возможно-ли безжизненныхъ животныхъ оживить при извѣстныхъ условіяхъ. Рядъ авторитетныхъ ученыхъ высказывается, какъ за, такъ и противъ утвердительнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Отвѣтить на него, дѣйствительно, въ высшей степени трудно, такъ какъ, несмотря на рядъ съ виду опровергающихъ это фактовъ, въ этихъ же послѣднихъ какъ-то невольно зарождается предположеніе, что призванные вновь къ жизни животные, хотя и считавшіяся совершенно мертвыми, все-таки сохраняли еще, во время своей мнимой смерти, извѣстную степень органической дѣятельности и при пробужденіи достигали только нормальной высоты этой жизнедѣятельности.

Такъ, до послѣдняго времени, опровергалъ, что совершенно замершія животныя, рыбы и лягушки, могутъ оживать снова; между тѣмъ извѣстно, какъ фактъ, что замороженные щуки, отосланныя на дальній разстояніи, оттаиваютъ и оживаютъ при погруженіи ихъ въ умеренно-теплую воду. Предполагаютъ, что въ этихъ случаяхъ внутренняя жизнь животнаго, несмотря на покрывающую его ледяную кору, не застываетъ, а продолжаетъ дѣйствовать. Между тѣмъ, согласно опытамъ, произведеннымъ въ этомъ направленіи въ послѣднее время физиологами Моллеромъ-Эрнбахомъ и Клауте, подобное объясненіе допустить немислимо; такимъ образомъ, остается только предположить, или что разсматриваемыя животныя изумительно живучи и сохраняютъ въ себѣ въ скрытомъ состояніи проблески жизни, не

устранимые даже послѣ видимо совершеннаго прекращенія жизненной дѣятельности, или же, что, дѣйствительно, пока не уничтоженъ самый организмъ,—угасшая жизнь можетъ быть восстановлена механическимъ путемъ.

Оба упомянутые ученые погружали въ воду лягушекъ и ящерицъ и путемъ искусственнаго замораживанія превращали ихъ въ неподвижные ледяные комья. Въ такомъ замороженномъ состояніи животныя эти оставались въ теченіе многихъ часовъ, даже цѣлой ночи, на естественномъ зимнемъ холоду—въ 6—8°, или же подвергались дѣйствію аппарата для замораживанія. Только послѣ этого начали дѣлать попытки къ ихъ оживленію. Тутъ ужъ нечего было и сомнѣваться въ полнѣйшей смерти этихъ животныхъ. Въ микроскопъ не было видно въ нихъ ни слѣда циркуляціи крови, сердце было все покрыто толстой корой льда и совершенно неподвижно, внутренности были наполнены кусочками льду, все тѣло буквально превратилось въ твердый, хрупкій ледяной комъ, и все-таки въ очень многихъ случаяхъ животныя оживали. Весенними утромъ въ теплую комнату, въ полдень ставились они снова мятки, и въ нихъ приближалось хотя и очень тихое, но вполнѣ правильное сердцебиеніе. Прежде начинало пульсировать лѣвое предсердіе, затѣмъ правое, и, наконецъ, вся сердечная полость, дѣлалъ сначала два-три удара въ 60 секундъ съ минутнымъ полнымъ задержаніемъ, и затѣмъ постепенно начиная биться все усиленнѣе и чаще. Ящерицы начинали уже слабо поводить лапками, въ то время какъ внутренности ихъ еще были обледенѣлы, и только оттаяли стѣнки сердца.

Не менѣе замѣчательнъ и другой рядъ опытовъ, произведенныхъ надъ муравьями французскимъ ученымъ Дево. Подобно другимъ насекомымъ, муравьи питаются отвращеніемъ къ водѣ и, при погруженіи въ нее, лишаются послѣ одной или двухъ минутъ способности двигаться и чувствительности и кажутся, такимъ образомъ, совершенно мертвыми. Можно предтавить себѣ изумленіе этого ученаго, когда онъ увидѣлъ, что муравьи, неподвижно находившіеся въ водѣ въ теченіе 6—8 часовъ, послѣ извлеченія ихъ оттуда и обсушки, оживали снова. Даже если погрузить этихъ насекомыхъ на цѣлый день въ воду и затѣмъ вынуть ихъ для обсушки, то черезъ часъ уже начинають они проявлять слабыя, чуть замѣтныя движенія, а черезъ 3—4 часа оживаютъ совершенно. Дево продолжилъ еще далѣе время пребыванія ихъ въ водѣ, онъ погружалъ муравьевъ въ воду на три, даже четыре дня, при чемъ они,

понятно, находились въ совершенно безжизненномъ, неподвижномъ состояніи. Самый изумительный примѣръ живучести, если можно назвать это таковою, представилъ муравей, ожившій послѣ пятидневнаго пребыванія въ водѣ.

При этомъ еще не рѣшено окончательно спорный вопросъ о томъ, возможно-ли, вообще, прерывать жизнь. Одинъ изъ спорныхъ по этому поводу ученыхъ смотритъ на жизнь, какъ на чисто химическій процессъ, который можно прерывать и затѣмъ возобновлять съ помощью особо благоприятныхъ обстоятельствъ. Другіе же, пользующіеся не менѣе вѣскимъ авторитетомъ, видятъ въ жизни лишь извѣстную совокупность болѣе или менѣе талитвенныхъ жизненныхъ силъ, которыя, разъ прекратившіеся, не могутъ быть возобновляемы никакими усиліями человеческого ума. Вотъ два крайнія, непримиримыя мнѣнія ученыхъ по этому, въ высшей степени интересному физиологическому вопросу, на который сможетъ отвѣтить намъ только будущее, послѣ долгаго ряда опытовъ и наблюденій въ этой области. Э.

Дѣйствіе жара на кожу человѣка.—Многія хозяйки знаютъ, готова-ли рыба, дотрогиваясь пальцемъ до дна кастрюли, въ которой она варится: если палецъ не обжигается, то, значитъ, рыба готова, въ противномъ случаѣ рыба не готова. Конечно, между этими двумя явленіями нѣтъ никакой причинной зависимости, такъ какъ они совершенно разнородны и лишь вполнѣ случайно совпадаютъ.

Происходитъ это слѣдующимъ образомъ. Въ поставленной на огонь металлической посудѣ, вода постепенно нагревается до кипѣнія, при чемъ огонь, или, точнѣе, жаръ газовъ пламени, нагреваетъ собственно кастрюлю, а эта послѣдняя, какъ хорошей проводникъ, отдаетъ свою теплоту водѣ, въ которой образуются теченія, равномерно распределяющія теплоту по всей жидкости. Постепенно вода начинаетъ шипѣть, т.-е. на днѣ сосуда образуются пузырьки пара, которые однако быстро поглощаются не нагревшейся еще до кипѣнія водой, вслѣдствіе чего происходитъ извѣстный шумъ. Немного спустя пузырьки пара начинаютъ подыматься на поверхность воды; происходитъ выдѣленіе пара; вода, говорятъ, закипаетъ. Какъ только вся масса воды нагреется до кипѣнія, паръ нигдѣ уже не задерживается болѣе, а весь вырывается изъ жидкости; вода, говорятъ, кипитъ ключомъ. До этого момента температура наружной поверхности дна кастрюли едва доходитъ до 100°, но какъ только начинается кипѣніе ключомъ, отсюда толпа водѣ прекращается, и дно кастрюли нагре-

вається до 120—140°. Если дотронуться пальцем до посуды, нагрѣтой до 100° или немного менѣе, то ощущается сильная боль, потому что жаръ отъ посуды пройдетъ черезъ нашу кожу и дастъ себя почувствовать. Если же температура выше 100°, то влажность наружнаго слоя кожицы тотчасъ же, съ затратою теплоты, обращается въ парь, который образуетъ подушечку между пальцемъ и посудой, предохраняющую отъ быстрой передачи жара въ нервы. Этотъ же объясняется и приемъ гладильницъ узнавать, готовы-ли утюгъ, который долженъ быть немного горячѣе 100°. Если влажнымъ пальцемъ прикоснуться къ утюгу и онъ слегка зашипитъ, то утюгъ готовъ.

Что же касается рыбы, то у ней очень нѣжное мясо, и если ее поставить вариться въ холодной водѣ, то она бываетъ готова почти одновременно съ закипаніемъ воды ключомъ. Отсюда ясно, что когда можно безнаказанно дотронуться пальцемъ до дна кастрюли, то и рыба готова, хотя между обоими явленіями нѣтъ никакой зависимости.

Интересенъ слѣдующій опытъ:—Берутъ небольшую платиновую, можно и желѣзную или мѣдную, чашку, въ видѣ полушара, и нагрѣвають ее до-бѣла на газовой горѣлкѣ. Въ чашку по капелькамъ наливають воду, пока не образуется довольно большой шарикъ. Шарикъ этотъ начнетъ двигаться въ накаленной чашкѣ, не закипая, и постепенно уменьшаться до полного исчезновенія. Причина этого явленія заключается въ томъ, что вокругъ водяной капли образуется паровой покровъ, не допускающій соприкосновенія воды съ поверхностью накаленной чашки. Капля внутри до того мало нагрѣвается, что ее легко обратить въ ледъ, положивъ въ чашку надлежащее количество твердой углекислоты, испаряющейся гораздо

скорѣе воды и развивающей при этомъ до 60° холода, такъ что водяная капля застываетъ въ кусочекъ льда.

Подобно опыту съ кастрюлей, можно сдѣлать опытъ съ твердой углекислотой въ видѣ снѣга. Если сжимать ее руками въ комокъ, то, хотя температура этого снѣга гораздо ниже температуры замерзанія ртути, руки ощущаютъ только прохладу. Разница температуръ нашей руки и этого снѣга почти такая же, какъ между температурами кастрюли съ кипяткомъ и нашей руки. Теплоты нашего тѣла настолько достаточно для быстрого испаренія углекислоты, что она окружается оболочкою изъ углекислаго газа, которая не допускаетъ ея соприкосновенія съ нашей кожей.

Извѣстны рассказы о рабочихъ на желѣзнодорожныхъ заводахъ, не боящихся голою рукою разсѣкать жидкую струю расплавленного металла или голыми ногами пройти по до-бѣла раскаленнымъ плитамъ застывающаго чугуна. Бываютъ рабочіе, которые рѣшаются опускать голую руку въ расплавленный свинецъ. Факты эти дѣйствительно возможны и объясняются точно также способностью человеческой кожи, при прикосновеніи съ накаленнымъ предметомъ, развивать достаточное количество пара, служащаго защитой отъ дѣйствія жара. Но людямъ съ сухою кожей рискованно дѣлать подобные опыты, могущіе причинить имъ ужасные ожоги. По той же причинѣ безопасны искры, летящія снопомъ при обработкѣ стали на точильномъ станкѣ, потому что каждая искра есть частичка до-бѣла накаленной стали, которая, попадая на кожу, развиваетъ такое количество пара, что мгновенно тухнетъ.

Замѣчено, что ничѣмъ нельзя такъ сильно обжечься, какъ струей водяного пара, хотя можно безнаказанно брать рукою горячіе уголья. Послѣ сказаннаго это вполне понятно.

Издатель А. Ф. Марнсъ.

Редакторъ Кн. М. Н. Волконскій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ ВЪ „ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЯХЪ“

„Литературныя приложенія“ выходятъ еженѣежно при журналѣ „Нива“ и расходятся въ томъ же количествѣ экземпляровъ, какъ и самый журналъ. Объявленія помѣщаются послѣ текста и на обложкѣ, по слѣдующей цѣнѣ за одинъ разъ:

Цѣлая страница . . .	150 р.	Цѣлая страница . . .	200 р.
1/2 страницы . . .	80 р.	1/2 страницы . . .	110 р.
1/4 страницы . . .	40 р.	1/4 страницы . . .	55 р.

Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива“, СПб., Невскій, д. № 6.

Желающимъ переплести „Еженѣе. литер. прилож.“ за Январь—Апрѣль 1894 г. можетъ служить прилагаемый при семъ титулъ для всѣхъ четырехъ выпусковъ.